

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 5

Сборник материалов научно-практической
внутривузовской конференции

Курган 2003

Ш 141.2 – 3

С – 32

Сергеевские чтения: Сборник материалов научно-практической внутривузовской конференции/ Отв. ред. В.А. Лебединская. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003. Вып. 5.- 154 с.

Редколлегия: доктор филологических наук, профессор В.А. Лебединская (отв. ред.), кандидат филологических наук Н.Б. Усачева, студентка М.И. Лебединская.

ISBN 5 – 86328 – 436 – 6

© Курганский
государственный
университет, 2003

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА

На современном этапе обновления педагогической теории и практики обучения и воспитания актуальной является проблема понимания, интерпретации поведения субъектов образовательного процесса. Феномен понимания пронизывает все сферы человеческих отношений. Это сложное взаимодействие между знаниями и представлениями, закрепленными в текстах, речью (письменной и устной), субъективными ожиданиями и прогнозами воспринимающего субъекта. В зависимости от целей, которые, несмотря на сферу деятельности, преследует ее субъект, понимание может быть двух видов: понять для того, чтобы модифицировать свои знания, либо для того, чтобы действовать.

Изучение проблемы понимания, интерпретации осуществляется в рамках сложившегося общепhilософского методологического направления – герменевтики. основоположники герменевтики как общей теории понимания - Ф.Шлейермахер, В.Дильтей, М.Хайдеггер, Х.-Г.Гадамер - считали, что пониманию подлежит не только дословный смысл сказанного или написанного, но и личность самого автора высказывания или текста. Должны быть поняты и текст, и контекст, и мировоззрение автора.

Герменевтический подход, с нашей точки зрения, можно использовать для решения педагогической задачи применительно к сфере изучения иностранного языка, как приобретение студентами коммуникативной компетенции.

Состав коммуникативной компетенции определяется следующими элементами: лингвистической компетенцией, т.е. готовностью использовать иностранный язык как орудие речемыслительной деятельности на основе имеющихся у обучаемых “теоретических” или “деятельностных” знаний; прагматической компетенцией, т.е. готовностью передавать коммуникативное содержание в ситуации общения (зависит от умения адаптировать речемыслительные процессы к условиям конкретной речевой ситуации); информативной компетенцией, т.е. владением содержательным предметом общения; когнитивной компетенцией, т.е. готовностью к коммуникативно-мыслительной деятельности (язык является не только инструментом трансляции мысли, но и орудием ее создания).

Подчеркнем, что на занятиях по иностранному языку речемышление обучаемых стимулируется при работе с текстом, смыслодержающей проблемой, имитационно-учебной задачей.

В ситуациях, требующих речемышления, взаимодействуют, как правило, три компонента: решаемая проблема, имеющиеся знания, исследовательские действия. В учебном процессе речемыслительная деятельность

может начинаться с текста, в котором обнаруживается сформулированная автором проблема. Она решается в ходе исследовательских действий с применением имеющихся индивидуальных знаний. Вместе с тем, речемыслительная деятельность может начинаться с того, что в имеющихся у обучаемых знаниях обнаруживается некоторый пробел. Его можно восполнить, обратившись к тексту и исследуя его содержание и авторский замысел.

Речемыслительная деятельность обучаемых иностранному языку во многом связана с пониманием текста. Этот процесс включает следующие стадии: идентификацию содержания текста (выявление сущности содержания, критическое восприятие, различение главного и второстепенного); осмысление содержания текста (ассоциации, интерпретацию, обобщение); преобразование содержания текста (компрессию, реорганизацию, отбор нужного содержания).

Опыт преподавания показывает, что на практике речемыслительная деятельность субъектов обучения, связанная с интерпретацией изучаемого текста, часто ограничивается формальным пониманием содержания. Уместным здесь нам представляется использование герменевтического подхода в трактовке понимания смысла прочитанного текста. Осознание его смысла (а также и контекста) происходит в результате совместного взаимодействия обучаемых, естественного дискуссионного общения, когда совместными усилиями студенты приходят к единому решению (смыслу).

Поскольку важнейшим звеном учебного процесса при изучении иностранного языка является текст, некоторое внимание хотелось бы уделить его центральной проблеме - аутентичности. В переводе с английского "аутентичный" означает "естественный". Этот термин чаще всего используется для характеристики текстов, применяемых на занятиях. Аутентичным традиционно принято считать текст, который не был изначально предназначен для учебных целей. Однако использование таких текстов может быть не всегда эффективным из-за разнообразия лексики и грамматических форм, индивидуальных особенностей авторского стиля, различия фоновых знаний представителей разных культур. Поэтому требование использовать в обучении только тексты для неучебных целей методически не реально.

Необходимого компромисса между требованиями лингвистики, социолингвистики и методики обучения иностранным языкам можно достичь при помощи термина "методическая аутентичность", под которой понимается создание в учебных целях дидактических материалов, заданий и ситуаций, максимально приближенных к носителям языка.

Таким образом, допускается "упрощение" оригинальных текстов и составление текстов преподавателями, при этом сохраняются все характеристики естественного речевого произведения (цельность, связность,

информативность, ситуативность). Методически аутентичный текст отвечает, с одной стороны, принятым носителем языка речевым нормам, а с другой стороны, конкретным задачам обучения.

Можно выделить три основных аспекта методически аутентичного текста: методический, структурный и содержательный.

Методический аспект предусматривает доступность текста, его соответствие конкретным задачам обучения, его методическую эффективность. Структурные параметры включают композиционные и языковые характеристики текста: особенности его построения, взаимосвязь его частей, аутентичность лексико-грамматического оформления, адекватность языковых средств в конкретном контексте. В содержательном плане методически аутентичный текст характеризуется естественностью описываемой ситуации, отражением национально-культурной специфики страны изучаемого языка, информативностью и способностью вызывать у обучаемого заинтересованность и соответствующую эмоциональную реакцию.

В заключение укажем, что использование на занятиях по иностранному языку методически аутентичных текстов с учетом всех их параметров, герменевтической их интерпретацией, а также заданий проблемного характера, касающихся всех видов речевой деятельности студента, способствует достижению главной цели – овладению коммуникативной компетенцией иноязычной речи, связанной с текстом.

С.Ф. Белова

ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПАРАНТЕТИЧЕСКИХ ВНЕСЕНИЙ В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО РЕГИСТРА

Проблема реального членения устной и письменной речи остается одной из наиболее актуальных проблем современного языкознания. Исследования последних лет в области текста направлены на изучение его структуры как целостной коммуникативной единицы, на поиски формальных показателей, осуществляющих целостность и связанность текста (структурную и смысловую).

Предложение как линейная структура характеризуется определенными закономерностями организации семантических и коммуникативных отношений. Являясь структурной частью целого, предложение обнаруживает разного рода слова, конструкции (“сигналы”, “признаки”), свидетельствующие о его связи с предшествующим сообщением (либо в рамках предложения, либо в рамках сверхфразового единства, текста). К совокупности текстосвязующих средств (анафорических, катафорических, выражающихся союзами, местоимениями, синтаксическим параллелизмом), осуществляющих структурную (и смысловую) связь между предложениями

ми сверхфразового единства, несомненно, относятся и многие парантетические внесения.

В английском языке строение предложений, формирующих сверхфразовое единство (текст), далеко не всегда отвечает тем правилам построения, которые предписывает нормативная грамматика. Предложения реальной живой речи очень часто обнаруживают разного рода нарушения стройности, плавности и чеканности “нормального” ритма и норм интонационного рисунка.

Эти особенности, характерные для текстов всех регистров, давно подметила риторика и использовала их для создания таких стилистических приемов, как пролепса, парантеза и др. Изучение же лингвистической основы этих приемов – задача экспрессивного синтаксиса.

Теоретической основой изучения явления “нарушений” послужил уровень парантетических внесений. Сущность этого “нарушения” заключается в том, что в состав предложения вторгаются слова или синтаксические конструкции и “нарушают”, “разрушают” линейные синтаксические связи.

Изолированное предложение, содержащее парантетическое внесение, часто не может обеспечить полного представления ни о предмете высказывания, ни о содержании парантетического внесения. Лишь в рамках текста оно становится ясным, а само парантетическое внесение, разрывая связи предложения, своим содержанием переключает внимание слушающего/читающего к ранее сказанному и позволяет тем самым увязать (обобщить, сделать вывод, установить тождество и т.д.) с воспринимаемым в данный момент содержанием.

С точки зрения строения парантетические внесения можно разделить на: однословные внесения: *again, anyway, doubtless, first, further, further more, hence, however, indeed, moreover, next, nevertheless, now, otherwise, perhaps, probably, rather say, second, since, so, sometimes, somewhat, still, too, then, thenceforward, thereby, therefore, though, thus, well, whenever.*

Следует отметить, что такие единицы, как *however, perhaps, say, then, therefore, well,* - частотны.

Внесения – сочетания слов, среди которых широко распространены сочетания с предлогами *after, along, at by, for, from, of, on, since, to, towards, throughout, with, without* и др.: *after all, at any rate, at best, at least, by and by, by and large, for example, for instance, in addition, in any case, in a sense, in a way, in fact, in general, in passing, in my judgement, in my opinion, no doubt, no wonder, on this view, on balance, on the contrary, on the other hand, of course, in the common view, by deed or word, with any tolerable degree of assurance, with qualifications already noted, on this basis, on each such occasion, for any of a range of reasons, at any time.*

Среди них *for example, for instance, no doubt, of course* также обладают весьма большой частотностью. Особенно распространенными являются

внесения intelligibly, enough, quite, independantly, differently from but quite compatibly with, less discriminatingly, effectively realizes, antecedently, evidently but interestingly, non-exhaustively, no doubt, less pompously, generally speaking, consistantly and reasonably, very differently, reasonably enough, pretty uncontroversially, more or less persuasively, vaguely enough, clearly enough, quite hypothetically, no doubt imperfectly and often obscurely и др.

Внесения – предложения: he said, he will observe, I believe, I fancy, I suggest, I suppose, I take it, I think, I would think, it is true, it seems to me, one may say, one may think, one would suppose, one would think, some would further urge, some would say, they said, we believe, we may agree, we said, we suggested и др.

С точки зрения общего содержания внесения делятся на три категории.

Категория отсылки – это слова и синтаксические конструкции, иногда очень протяженные, которые использует говорящий в речи с целью сослаться на какой-либо факт, литературный и иной источник, на свое предыдущее высказывание и т.п., например: hence, then, too, thenceforward, to my mind, as you say и др.: As well as we have seen, the facts of speech lend themselves to the separation of muscular speech or active speech from merely auditory or visual speech (J.R. Firth, *The Tongues of Men and Speech*). As we shall see, the movement for the second kind of general or common language has not proved very successful ... (J.R. Firth, *The Tongues of Men and Speech*).

Категория экземплификации: включает слова и синтаксические конструкции, с помощью которых вводятся примеры, пояснения, уточнения ранее сказанного и т.п., например: say, for instance, suppose we take, for example и др.: Take for example the following words for 8 ... (J.R. Firth, *The Tongues of Men and Speech*).

Категория делиберативности – это слова и синтаксические конструкции, выражающие сомнение, раздумье, оценку и т.п.: it seems, no doubt, no wonder, in a sense, at any rate, at best, at least, no wonder и др.: Moral philosophy, it might be said, is concerned with the “logic” or “analysis” of these words and their synonyms (G.J. Warnock, *The Object of Morality*). So now we need, in a sense, to re – open the question (G.J. Warnock, *The Object of Morality*). At any rate the end to which the method and the estime are designed to lead, and from leading to which, if they do lead to it, they get their whole value, - the benefit of being able clearly to feel and deeply to enjoy the best, the truly classic, in poetry, - is an end, let me say it once more at parting, of supreme importance (M. Arnold, *The Study of Poetry*).

Объективность данной категоризации подтверждается тем, что она релевантна для каждой из названных выше структурных разновидностей внесений. Так, абсолютное большинство односложных внесений свободно укладывается в выделенные категории: *отсылки*: hence, then, too, thenceforward и др.; *экземплификации*: thereby, thus и др.; *делиберации*: again,

anyway, doubtless, indeed, moreover, next, of course, perhaps, say, sometimes, somewhat, though и др.

То же относится и к внесениям – синтаксическим конструкциям: *отсылка*: in general, as you say и др.; *экземплификация*: for example, for instance, that is, that is so to say и др.; *делиберация*: after all, at any rate, at best, at least, by and large, in addition, in a sense, in fact, it seems, let us say, no doubt, no wonder, on the whole, so to speak и др.

Каждая из указанных групп может, в свою очередь, делиться на более мелкие семантические подгруппы. Приведенная выше структурная и семантическая категоризация тесно связана с экспрессивной функцией парантетических внесений, с той ролью, которую они играют в тексте (речи).

Обобщенно функция парантетических внесений заключается в том, чтобы характеризовать сообщение с позиций говорящего к сообщаемому /3/, т.е. она тесно связана с категорией модальности /4/.

Известно, что модальность – это понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения высказывания к действительности, выражаемого различными лексическими средствами, такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация, лексические и фразеологические средства выражения модальности, а главное – контекстное окружение и регистры должны рассматриваться в аспекте построения экспрессивной речи. Для текста научного содержания модальным стержнем служит модальность действительности с разной степенью ее достоверности и предположительности, ибо главная цель научного текста – информация о действительности, ее объяснение и оценка. Информативную сторону научных текстов формируют различные теории, описание фактов, формулировок законов, вопросы методологии. Объяснительная сторона – это отражение научного мышления этапов познания, демонстрация его результатов и их оценка.

Существует мнение, что при выборе языковых средств научный регистр тяготеет к лексике, лишенной эмоциональной нагрузки и экспрессивных красок /7/. Действительно, в научном регистре лексические средства по своему характеру относятся к так называемой книжной, или терминологической лексике, как правило, лишенной экспрессивности. Но, как было указано выше, экспрессивность – общелингвистическая категория, и выражаться она может различными средствами. Так, любое научное объяснение должно строиться на основе логических законов. Однако для речи ученого характерно стремление не только объяснить, путем рассуждения довести до сознания слушателя объективную истину, но и воздействовать на этого слушателя (или читателя), убедить его, заставить воспринимать речь заинтересованно, заставить его размышлять. Поэтому достаточно часто научному тексту свойственна разная степень экспрессивности; средства, которыми пользуется говорящий (ученый, лектор и т.п.), могут быть и экстралингвистическими – жест, мимика и т.п.

Экспрессивность научного текста могут определять и такие его качества, как глубокая содержательность, строгая логичность, точность и ясность формулировок (а следовательно, и мысли ученого).

Экспрессивность текста зависит и от области знания, и от самой личности ученого, его темперамента, эрудиции, его общей и языковой культуры. Все это, несомненно, тесно связано с выбором языковых средств при организации научного текста. Языковые и, в частности, синтаксические средства, характерные для текста научного регистра – это, как правило, развернутые синтаксические периоды, обилие сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, различного рода распространенные обособления, аналитические конструкции и т.п. Поэтому в целях наглядности, облегчения понимания подобным образом оформленной речи (текста) и для повышения ее воздействующей функции говорящий прерывает свою речь, сознательно “нарушая” линейные синтаксические связи.

Обычно речь прерывается для того, чтобы автор мог сослаться на какое-то предыдущее соображение, высказанное им самим, или на отмеченный ранее вклад какого-либо ученого в исследуемую область, задержаться на каком-то из своих положений, углубить его, сделать более доходчивым для слушателя, заставить слушателя сосредоточить не нем внимание при помощи примера и, наконец, что самое интересное, так же и в плане социолингвистическом – как бы пригласить слушающего или читающего в свою научную лабораторию.

Для подобных “экскурсов” особенно характерны парантетические внесения, относящиеся к категории отсылки и экземплификации, оформленные соответствующей просодией. Они могут быть достаточно распространенными и выделяться на письме запятыми, тире и скобками, например:

He, with his copy – rights and copy – wrongs, in his squalid garret, in his rusty coat; ruling (for this is what he does), from his grave, after death, whole nations and generations who would, or would not give him bread while living... (*T. Carlyle, The Hero as Man of Letters*). To this the English critic (whose name, by the way, was Mr. Wharton) replied that it was unseemly for me to discuss “major form”... (*R. Graves, Legitimate Criticism of Poetry*). In this passage (as is evident if it is taken in its context) there is a combination of positive and negative emotions... (*G. Elliot, Leaves from a Note – book*).

Экземпликативные парантетические внесения могут указывать на отношения между частями высказывания, на порядок сообщений или степень их значимости, могут выражать обобщения, итог, заключение и т.п. But in order to render myself intelligible I must previously, in as a few words as possible, explain my views, first, of a Poem; and secondly, of Poetry itself, in kind, and in essence (*S.S. Coleridge, Biographia Literaria*).

Выражая свое отношение к способам выражения мысли, к излагаемым фактам, говорящий как бы разрыхляет текст, делает его более обозри-

мым, наглядным, легче воспринимаемым. Но эти парантетические внесения категории отсылки и экземплификации, а в особенности парантетические внесения категории делиберации способствуют усилению экспрессивности научного текста. Делиберативные парантетические внесения – предложения в сочетании с соответствующими просодическими средствами (тон, темы и т.п.) – наиболее экспрессивны. Их предикативный характер, а следовательно, и более эксплицитно выраженный модальный характер, их протяженность позволяют создать различный эмоциональный фон высказывания: глубокого размышления, рассуждения, размеренности, собеседования. Особенно часто подобные парантетические внесения носят субъективный экспрессивно – оценочный характер, выражают оценку степени достоверности сообщаемого, сомнения, удовлетворение, радость, удивление, огорчение, иронию, сожаление, досаду, возмущение и т.д.: *Shall we sleep it all away? – Yes, and never wake up again, I should hope, in that case (W. Morris, The Art of People). There is, I am aware, the theory that the novel is wholly and solely a mens of relaxation (H.G. Wells, The Contemporary Novel).*

Как показывают приведенные выше примеры, парантетические внесения по своей структуре очень разнообразны: слова, распространенные словосочетания и сложные предложения. Однако даже значительная распространенность парантетических внесений не является языковой избыточностью. Более того, их структурная несамостоятельность вследствие обособленности, “внесенности” обуславливает определенную компрессию информации, которую они несут. Это позволяет в относительно небольшом высказывании представить несколько линий повествований или основную линию в сочетании с содержанием, заключенном в парантетическом внесении той или иной категориальной принадлежности: *The existing monuments from an ideal order among themselves, which is modified by the introduction of the new (the really new) work of art among them (T.S. Eliot, Tradition and the Individual Talent). Both brands of professors, in short, distrust literature (A. Alvarez, The Limits of Analysis).*

Следующие парантетические внесения выполняют свою функцию на уровне предложения.

Since, I say, will appear incomplete without it (M. Arnold, The Study of Poetry) ...whom I will maintain against all comers to be the subtlest and greatest artist – I lay stress upon that word artist – that Great Britain has ever produced in all that is essentially the novel, ... (H.G. Wells, The Contemporary Novel).

Однако и те, и другие своей “внесенностью”, информативной компрессией, текстосвязующим свойством способствуют увеличению глубины предложения, расширяя языковой арсенал говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С., Долгова О.В. Синтаксическая теория и знание языка // Вопросы языкознания.- М., 1979.- №1. – С. 38 – 39.

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
3. Долгова О.В. Формы и функции парантетических введений в английской научной прозе. Автореф дисс. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. – М., 1976.
4. Звезгинцев В.А. Экспрессивно – эмоциональные элементы и лексическое значение слова // Звезгинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – Разд. IV. – С. 167 – 185.
5. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 230 с.
6. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (Проблемы семантики). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 227 с.
7. Тримм А.Н. Структурные типы лексических значений слова// Филол. науки. – 1981. – №2. – С. 58-64.
8. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – С. 5-56.

Ф.М. Белозерова, Ю.А. Ягнятинская

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ

Исследование лексических и фразеологических единиц – сленгизмов, обозначающих человека, показывает, что мужской и женский образы получили разнообразное освещение в сленге. Сленгизмы образуют несколько тематических групп, описывающих черты характера, поведение, внешность, семейное положение, социальный статус, национальную принадлежность мужчин и женщин.

подавляющее большинство исследуемых сленгизмов, описывающих женскую натуру, обозначают женскую внешность, например, *glamour girl* – знаменитая красавица, фотомодель, *plate* – “картинка”, “*black window*” (досл. черное окно) – девушка, не вызывающая интереса, *doll face* (досл. “кукольное лицо” – хорошенькая девушка. Иронически высмеиваются приписываемые сленгом женщинам следующие особенности поведения: сплетничество, например, *bay* – старая женщина, любящая посплетничать, поворчать; *Leona* – “пила”; болтовня, например, *babbling brook* (досл. “журчащий ручей”) – любящая поговорить, посудачить женщина. Ряд сленгизмов характеризуют женщин легкого поведения и семейное положение женщин: *charity girl* (досл. “девушка благотворительности”) – молодая незамужняя девушка, *California widow* (досл. “калифорнийская вдова”) – вдова, *grass widow* – соломенная вдова. Профессиональные занятия и социальный статус женщин обозначаются, как правило, иронически окрашенными сленгизмами – *bubble queen* (досл. “королева мыльных пузырей”) – прачка, *hay bag* (досл. “сумка с соломой”) – нищенка. Многие сленгизмы данной, в целом немногочисленной группы, отражают непрестижные занятия и статусы – *bag lady* (досл. “женщина с сумкой”) – нищенка, собирающая старые, выброшенные вещи, *pillow buncher* (досл. “бьющая подушку”) – служанка. Интеллектуальный уровень получает, главным образом, негативную характеристику – *cold biscuit* (досл. “холодное печенье”) – глу-

пая девушка, nun - высокомерная глупая девушка. Другие особенности поведения раскрываются в следующих ФЕ – blue stocking (досл. “голубой чулок”) – студентка со строгими взглядами, gold digger (досл. “золотоискатель”) - вымогательница, авантюристка, nice Nelly (досл. “хорошая Нелли”) – притворщица скромница, жеманница, ice queen (досл. “ледяная королева”) – холодная, высокомерная женщина.

Сленгизмы, характеризующие мужскую натуру, также разнообразны по семантике и иронически окрашены. Тематическая группа сленгизмов, описывающая мужские профессиональные занятия, более разнообразна по семантике по сравнению с тематической группой, описывающей женские профессиональные занятия, и включает синонимические ряды и пары, например, тематическая группа “военнослужащий” - Bill Jim – солдат-австралиец, baggacks lawyer (досл. “казарменный юрист”) – опытный солдат, разбирающийся в тонкостях службы, тематическая группа “полицейский” - blue bird (досл. “голубая птица”), blue coat (досл. “голубая шинель”), grasseater (досл. “пожиратель травы”) – полицейский, берущий взятки. В группе сленгизмов, обозначающих профессиональные занятия мужчин, представлены ФЕ, отсутствующие среди ФЕ, описывающих женские профессиональные занятия, например, big shot - важное лицо в политике, бизнесе, преступном мире, fat cat (досл. “жирный кот”) – богач, “воротила”, туз, финансирующий политическую кампанию, bull of the woods (досл. “бык лесов”) – управляющий или владелец гостиницы, мотеля, высокопоставленная персона. Среди других профессиональных занятий, отмечаемых в английском сленге, представлены следующие: фермер –dust raiser (досл. “поднимающий пыль”), железнодорожник – eagle eye (досл. “орлиный глаз”), пожарный – fire eater (досл. “пожиратель огня”), мусорщик – G-man. При описании мужской натуры негативно оцениваются слабость –dancer boy (досл. “танцор”) – боксер, боящийся приблизиться к противнику; трусость – chicken heart (досл. “сердце цыплёнка”) – трус, грубость - commando – мужчина, ведущий себя грубо, нахально; далее, равнодушные к противоположному полу - heavy sake (досл. “тяжёлый торг”) – волокита, cherry picker (досл. “собирающий вишню”) – мужчина, которого привлекают девушки, honeу cooler (досл. “охлаждающий мед”) – дамский угодник. Положительно в сленге оцениваются: активность, например, big time operator - активный студент; ум, например, egghead – умный, ученый муж, beard - мужчина – интеллектуал; сила, например, he-man – настоящий мужчина, мускулистый и сильный. Отдельные синонимические ряды образуют ФЕ, характеризующие вредные привычки и глупость, например, blue-eyed, half-seas over, barrel house bum, обозначающие “пьяный”, fat head, flat head (досл. “пухлая голова, плоская голова”), обозначающие “глупец”. Мужская внешность также нашла отражение в английском сленге; с одной стороны, это - привлекательная внешность: alligator (аллигатор) – сильный, уверенный в себе мужчина, lover boy –красивый мужчина,

игрок; с другой стороны, отмечаются некоторые отклонения от нормы, например, *big drink of water* (досл. “большой глоток воды”) – высокий юноша, не отличающийся другими достоинствами, *fatty* – толстяк. Уникальной группой ФЕ, характеризующих только мужчин, является тематическая группа, обозначающая национальную или расовую принадлежность: *alligator bait* (досл. “приманка аллигатора”) – негр из штата Флорида или Луизиана, *handkerchief* (досл. “носовой платок”) – негр, работающий перед белыми, *dark cloud* (досл. “темное облако”) – мужчина – негр, *Jew boy* – мужчина – еврей, *dee donk* – француз.

Основное отличительное свойство сленга – это его экстремальный характер. Как следствие, сленг “беспощаден” как в описании мужчин, так и в описании женщин, хотя во внимание берутся разные аспекты. Сленгизмы зафиксировали гендерные стереотипы социума, в частности, проявившиеся в том, что во фразеологическом портрете женщины большее внимание уделяется описанию внешности, поведения, в то время как во фразеологическом портрете мужчины доминируют характеристики социального положения, профессиональных занятий, национальности и расовой принадлежности.

О.В. Гайшина

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В БАВАРИИ

В настоящее время знание иностранных языков является важнейшим инструментом жизни не только в Германии, но и во всем мире. В Германии языки всегда составляли одну из центральных сфер образования. Это связано с политическими, экономическими и социальными факторами. Преподносятся повышенные требования к сферам преподавания иностранного языка в школах. В этом направлении уже происходят коренные изменения, такие, как усиленная связь с практикой, раннее начало изучения иностранных языков, двуязычные занятия в старших классах, самоопределенная учеба, обсуждение вопроса латерального преподавания языков и многое другое.

Согласно принципу федерализма, земли в Германии обладают полным суверенитетом в сфере образования. Без согласия земель Федерация не может совершить каких-либо действий по отношению к школьной системе в общем, либо к какой-нибудь школе в частности. Например, федеральный конкурс по иностранным языкам, финансируемый и управляемый в основном Федерацией, без добровольного участия земель был бы сильно ограниченным. Министерства культуры и науки каждой из земель формулируют общие цели образования, осуществляют надзор за преподавателями публичных школ, лицензируют учебники, издадут правовые и

административные акты (например, школьные законы). В Баварии существуют отдельные министерства науки и исследований.

Основная ориентация германской общеобразовательной школы – образование и развитие личности. Все остальные аспекты должны подчиняться этой первоочередной цели. В статье 131 (абзац 2) Баварской Конституции это отражено следующим образом: “Oberste Bildungsziele sind Ehrfurcht vor Gott, Achtung vor religiöser Überzeugung und vor der Würde des Menschen, Selbstbeherrschung, Verantwortungsfreudigkeit, Hilfsbereitschaft und Aufgeschlossenheit für alles Wahre, Gute und Schöne und Verantwortungsbewusstsein für Natur und Umwelt.” Образование – центральное понятие в образовательной системе. Образование нельзя отождествлять с понятиями education или training, оно – не только чистое сообщество знаний и развитие навыков, оно также включает взгляды, предрасположения, отношения, ценностные представления. Поэтому классические языки (латынь, греческий, иврит) и играли большую роль и продолжают играть ее в настоящее время – с ними связывались античное (классическое) образование и развитие личности.

Образовательную систему Баварии можно описать следующим образом: общая для всех начальная школа (Grund Schule), где дети 6-10 лет получают начальные знания; дальнейшее образование в старших классах соответствующими сертификатами и допусками дают определенные типы школ. В Баварии таковыми являются: основная школа (Hauptschule), реальное училище (Realschule), гимназия (Gymnasium), общеобразовательная школа (Gesamtschule) и специальная школа (Sonderschule), высшая школа (Hochschule). В Баварии существует 377 народных школ для недееспособных детей (Foerderschulen) и 48 особых профессиональных школ (Sonderberufsschulen). Среди школ, дающих возможность получить профессию (Berufsschulen), выделяют Wirtschaftsschule, Fachschulen und Fachakademien, Fachoberschulen, Berufoberschulen. Большое количество вузов, располагающихся в Баварии и имеющих богатый научно-исследовательский потенциал, делают ее научным центром Европы. В Баварии существует девять государственных университетов (staarliche Universitaeten), семнадцать государственных Fachhochschulen, две фондовых школы (Stiftungshochschulen), Университет Бундесвера (Universitaet der Bundeswehr in Muenchen), Католический университет (Kamolische Universitaet), три церковных высших школы (Kirchliche Hochschulen), Высшая школа политики в Мюнхене (Hochschule fuer Politik), Высшая школа для служащих (Beamtenhochschule), две академии искусства (Akademien der bildenden Kuenste), Государственная высшая школа музыки и театра (Staatliche Hochschule fuer Musik und Theater in Muenchen), Баварская театральная академия Августа Эвердинга в Мюнхене (Bayerische Theaterakademie August Everding in Muenchen).

Преподавание иностранных языков урегулировано в федеральных зем-

лях по-разному. В Баварии преподавание иностранных языков начинается в третьем классе начальной школы (принцип раннего обучения) и является предложением “особого рода” со своеобразной дидактикой: преимущественное устное использование языка, ограниченное обучение чтению и письму, отказ от оценивания и отметок, участие в занятиях всех учеников. Существует так называемая конфронтативно-языковая концепция (ситуативное использование языка) и результативно-ориентированная концепция, в соответствии с которой обучение иностранным языкам вырастает из обучения родному языку, который составляет основу для изучения иностранного языка. В основных школах и в реальных училищах в качестве иностранного, как правило, выступает английский язык. В гимназиях с седьмого класса второй иностранный язык является обязательным. На иностранные языки в неделю отводится от 3 до 5 уроков продолжительностью в 45 минут. Цель образования состоит в том, чтобы каждый ученик изучал два языка. В старших классах гимназии (10-12 или 11-12) ученики могут наметать индивидуальные направления работы в сферах литературы, изобразительного искусства. С 1997 года немецкий язык, иностранный язык и математика должны изучаться непрерывно до экзаменов на аттестат зрелости.

Бавария является землей крупных движений и миграций. Для интеграции детей и подростков иностранного происхождения здесь осуществляются различные меры, направленные на то, чтобы научить их немецкому языку. Это подготовительные курсы, двуязычные классы, в которых занятия ведутся на родном языке учащихся и на немецком языке, дополнительные занятия во внеурочное время. В общеобразовательных школах, профессиональных училищах, высших учебных заведениях занятия ведутся принципиально на немецком языке. Однако есть и исключения: частные школы и двуязычные школы, занятия в которых ведутся для учащихся иностранного происхождения на их родном языке.

Наиболее активно преподаваемыми языками являются английский (95,5%) и латынь (11%), а также преподаются греческий, итальянский, польский, испанский, иврит и другие языки. В классической гимназии обязательными для изучения являются три иностранных языка, в нефилологической - только два, третий изучается добровольно. Следует упомянуть о так называемых европейских гимназиях в Баварии, в которых обязательными являются три иностранных языка (с пятого, с шестого, с девятого классов). В настоящее время проводятся также федеральные испытания по введению японского в качестве третьего иностранного языка. Некоторые школы предлагают на выбор французский, испанский, русский, китайский, арабский, португальский.

Основными методами обучения иностранным языкам в настоящее время во многих школах являются смешанный метод (*vermittelnde Methode*) и прямой метод или его модифицированные варианты: аудио-визуальный

и аудио-лингвальный методы. Основными приемами смешанного метода являются: взаимосвязанное обучение различным видам речевой деятельности, использование грамматической теории как одного из средств овладения языком, использование родного языка не только в качестве контроля, но и как средства семантизации, сочетание интуиции с сознательностью. Прямой метод исходит из следующих предпосылок: 1) учитывается важность генерализаций и обобщений; 2) выделяются определенные грамматические модели (на базе которых организуется лексический материал); 3) подчеркивается значение дистрибуции, трансформации и субституции как методов исследования языка и способов его усвоения. Выбор метода зависит от ступени обучения, профессиональной и предметной направленности класса, от типа школы, характера языка и от принадлежности изучаемого языка к той или иной языковой группе. Единой точки зрения относительно применения различных методов нет. Большинство авторов склонно считать, что на начальном и на основном этапах обучения приоритет следует отдавать аудио-визуальному методу. Соответственно на продвинутых ступенях предпочтителен смешанный метод. Традиционное преподавание иностранных языков должно соответствующим образом меняться и развиваться. В течение последних пяти лет специалисты стали обсуждать новые темы, значение которых постоянно возрастает.

Существенным элементом обучения иностранным языкам являются партнерства между школами и обмен преподавателями и учениками. Существует целый ряд программ, в рамках которых проводятся стажировки преподавателей и учеников продолжительностью до одного года.

Обучение на начальной ступени начинается, как правило, с устного вводного курса, продолжительность которого колеблется от нескольких недель до нескольких месяцев. К начальной ступени относятся следующие этапы: слушание – говорение – чтение – письмо, при явном преимуществе слушания и говорения. Средний этап является переходным от имитативного, наглядно – образного обучения к обучению с помощью текста. Заучивание наизусть стихов, песен отступает на задний план, уступая первое место обильному чтению и репродуктивным упражнениям на основе текста. За период обучения на средней ступени учащиеся должны накопить довольно большое количество слов, структур (Satzmuster) и идиоматических выражений, изучить синтаксис и усвоить эпистолярную форму изложения. В старших классах на 1 место выдвигается чтение текстов различного жанра (драм, прозы, газетного материала) и критический анализ прочитанного. На данном этапе значительное место отводится интерпретации текста и грамматическому правилу.

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ В ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Выражение благодарности занимает особое место среди стереотипов общественного поведения. Данный поведенческий ритуал начал проявляться на ранних этапах истории развития человечества с возникновением коллективного общежития людей. В современном цивилизованном обществе выражение благодарности является наиболее закрепившимся и стереотипным ритуалом поведения, и отсутствие выражения благодарности в ответ на полезное и приятное речевое или неречевое действие воспринимается как невоспитанность и крайне невежливый поступок. Едва ли найдется книга по этикету или правилам хорошего тона, в которой не была бы зафиксирована и описана эта норма общественного поведения.

За вербальным способом выражения благодарности закреплены определенные лексические единицы и фиксированные речевые формулы. Центральное место в этом ряду занимают лексические единицы “спасибо”/ “thank you”, которые можно назвать прототипом вербального выражения благодарности. Лексема “спасибо” универсальна и подходит для любой ситуации благодарности; слова “thank you” и “please” - это первые стереотипы, которыми человек активно владеет уже в раннем детском возрасте, и в дальнейшем лишь расширяет свой запас клишированных фраз благодарности.

Примером развернутого выражения благодарности в письменной коммуникации служат тексты acknowledgements-тексты благодарности, широко распространенные в англо-американской книгопечатной традиции. Тексты благодарности обязательно сопровождают научные статьи, учебные пособия и т. д., т.е. такие научные издания, для составления которых автору требовалось использование других источников информации и техническая помощь целого коллектива сотрудников. Тексты благодарности встречаются и в книгах по художественной литературе, в которых автор выражает признательность всем, кто помогал ему в работе над текстом и публикацией.

Непременным структурным элементом текстов благодарности является упоминание автором того, за что он кому признателен. Традиционно в текстах благодарности принято благодарить за финансовую поддержку проекта, за разрешение использовать и цитировать материалы других информационных источников, демонстрируя тем самым уважение к авторскому праву других издательств и печатных компаний; принято благодарить за профессиональную помощь коллег, за их советы, критические замечания, идеи, комментарии и т.д. ; за работу издателей, благодаря которым книга вышла в свет; за духовную поддержку со стороны друзей

и близких, за их внимание, терпение, преданность и т.д. По завершении работы над книгой автор не имеет возможности выразить свою признательность всем сразу и лично, так как он отделен от многих своих помощников значительным расстоянием, часть из них может быть разбросана по дальним уголкам земного шара. Временной фактор имеет при этом не менее значительную роль, так как, безусловно, продолжительный отрезок времени отделяет момент, когда автор получил чью-то реальную помощь, от момента, когда вместе с книгой выходит в свет и небольшое речевое произведение, пронизанное словами благодарности в адрес всех причастных к изданию лиц.

Тексты благодарности обладают полиадресованностью, которая складывается из совокупности моноадресованных высказываний, так как составные элементы текста, отдельные высказывания обращены к какому-то отдельному лицу либо какому-то отдельному институту:

1. К финансовым фондам, грантам за финансовую поддержку:

Generous financial support provided me with time free from teaching and with essential research assistance...

2. К издательствам за разрешение пользоваться другими информационными источниками:

We would like to thank the following for allowing us to use material whose copyright they own.

3. К коллегам, кафедрам, институтам за профессиональную помощь:

Many excellent curators and archivists provided essential help. I want to thank in particular...

4. К издателям за оформление и публикацию книги:

Steve Fraser, my editor at Basic Books has been helpful beyond words. From the time that this book was nothing but a vague idea, to the final manuscript, he has been supportive and involved.

5. К близким, друзьям, членам семьи за духовную поддержку:

My family has influenced this project in many ways. I am grateful to... for her help at any step along the way, for providing me with enthusiasm, and for 18 years of a loving partnership.

Особенностью проявления категории адресата в текстах благодарности является отсутствие прямого обращения, на что указывают следующие грамматические средства:

а) притяжательные местоимения стоят в третьем лице, а не во втором:

I am grateful to Lary May for his help at every step along the way;

б) наличие определительных придаточных предложений:

I want to thank in particular..., who found things for me I did not even know existed;

в) использование утвердительных описательных предложений:

Steve Fraser, my editor at Basic books has been helpful beyond words.

В связи с этим для сравнения можно привести примеры из текстов бла-

годарности с обложек лазерных дисков. Эти тексты также доступны массовой публике, но их стиль менее строг и официален:

Jenner, thank you for your support, your belief in me and your friendship. Thank you to everyone at radio; I am forever indebted to you! To all my fans: thank you for listening. I love you always.

Тексты благодарности содержат в себе и другие признаки, указывающие на официально-этикетный характер этих текстов:

а) так называемая возможность выражать благодарность списком:

We are grateful to the following individuals, далее следует перечисление имен;

б) возможность повествования от третьего лица:

The author is grateful for ...;

в) использование пассивного залога:

Grateful acknowledgement is made to thr following... for permission to...

Следует упомянуть фразы-извинения, нередко завершающие тексты благодарности, за которыми скрывается жесткое этикетное требование уделить внимание всем без исключения:

If I have omitted anyone through error or oversight, my deepest appologies.

To those whose contributions I have neglected to note here from sheer failure of memory or character, please accept my appologies.

Тексты благодарности насыщены множеством вариантов различных способов выражения благодарности, от простого *We thank... for...* до более сложных, таких, как косвенные высказывания: *I can not find adequate words to the gratitude I feel; This novel could not have been written without the help of...*, И авторские неологизмы типа *And a thousand flowers each to the three people whom I have had the joy and luck to know*.

Итак, тексты благодарности - это особый вид текста, характеризующий определенной прагматической установкой и композиционно-структурной оформленностью в соответствии с определенными этикетными нормами. Но все же это и такой тип текста, который предоставляет автору возможность индивидуально интерпретировать жанровую форму.

Н.В. Гончарова

СИСТЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Начало XX-го века, вошедшее в историю русской литературы под названием “серебряного века”, подарило нам много блестящих и талантливых поэтов - Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Николай Гумилев, Марина Цветаева. Особое место в литературе начала XX века занимает поэзия О. Мандельштама, так как она отражает языковое сознание, языковую картину мира отдельной личности. Значительное ме-

сто в этой поэтической картине занимает фразеологическое видение действительности, которое является результатом художественного преломления в индивидуальном творчестве поэта языкового опыта русского народа.

Поэтическая фразеология О. Мандельштама еще не подвергалась анализу. Исследование системы фразеологизмов позволяет понять закономерности формирования индивидуального стиля поэта в сфере использования фразеологических единиц. Лингвистический анализ поэзии О. Мандельштама подтверждает высочайшее мастерство поэта, красоту его поэтических образов, разнообразие и выразительность языка поэзии. Семантико-грамматический анализ выявленных фразеологизмов позволяет в исследуемой подсистеме фразеологизмов вычленить предметный, процессуальный, призначный, качественно - обстоятельственный, атрибутивно-предикативный, количественный, модально-междометный и грамматический классы как составные части индивидуальной фразеологической картины мира О. Мандельштама.

В формировании языковой картины мира и в познании человеком действительности роль фразеологизмов огромна. Подсистема процессуальных фразеологических единиц выступает как часть языковой картины мира. Изучение семантики фразеологизмов позволит более полно и системно выявить языковую картину мира О. Мандельштама. Процессуальные фразеологизмы привлекают внимание прежде всего потому, что они составляют значительную часть всех ФЕ.

Семантическая структура процессуальных фразеологизмов сложна. Процессуальные фразеологизмы в поэзии О. Мандельштама свидетельствуют о динамичности изображаемых в стихах событий.

В поэтическом творчестве преобладают процессуальные фразеологизмы, обозначающие состояние. Это не случайно, т.к. поэзия призвана отражать в художественных образах прежде всего состояние или самого поэта, или других людей, или окружающей их среды. Состояния, существующие в реальной действительности, в языке могут быть выражены различными способами. Один из них - процессуальные фразеологизмы.

Процессуальные фразеологизмы, обозначающие состояние, можно разбить на семантические группы:

1) фразеологизмы, обозначающие состояние предмета: *просится в сердце, времени бремя избыть, достигать слуха, идти ко дну, лечь на стекла вечности;*

2) фразеологизмы, обозначающие состояние человека: *пойти в ад, видеть наяву, восстать из глубокой печали, вспоминать в туманном бреду, уронить главу, заламывать руки, камнем кануть безымянным, от смерти праздничной уйти, отвязать челнок, отжить жизнь, сойти в гроб.*

Среди рассмотренных нами процессуальных фразеологизмов фразеологизмы, обозначающие деятельность, по количеству единиц занимают

второе место. В субкатегории деятельности объединены фразеологизмы, обозначающие разнообразную деятельность субъекта-человека. Их можно разбить на следующие группы:

1) фразеологизмы, обозначающие движение: *возвести на влажный камень, встать на дыбы, качнуться в путь, крыльями бить, кружиться ласточкой, описывать круг, переступить ногой, потечь обратно;*

2) фразеологизмы, обозначающие профессиональную деятельность: *бросить якорь, созидать храм, взять в штыки, играть в домино;*

3) фразеологизмы, обозначающие интеллектуальную речемыслительную деятельность: *губами ворожить, петь дерево, прокричать кукушкой, лелеять думы, принимать мир, притягивать прах столетий;*

4) фразеологизмы, обозначающие поэтическую деятельность: *ласкать слух, неосвещенный мир нести на голове, петь ночную песнь, слагать вольные былины;*

5) фразеологизмы, обозначающие ритуально-религиозную деятельность: *нести крест, отпевать прах, чтить обряд, молиться богу.*

Самую небольшую по численности группу составляют процессуальные фразеологизмы, обозначающие отношения. Фразеологизмы этой субкатегории выражают те или иные отношения между субъектами-лицами и субъектами-предметами.

Между субъектами-лицами могут возникать самые разнообразные отношения: *вверяться заботе, вернуться в лоно, распинать живую душу, править миром, не подойти на пушечный выстрел, прикасаться сердец.*

Система процессуальных фразеологизмов в поэзии имеет свою специфику и в отборе фразеологизмов из океана русского языка, и в построении собственных индивидуальных поэтических фразеологизмов. Процессуальные фразеологизмы структурируют определенную часть языковой картины мира, являясь частью фразеологического фонда языка и дополняя лексическую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандельштам О. Сочинения. В 2-х т. М., 1990.
2. Мандельштам О. Сочинения. В 4-х т. М., 1993.

Ю.С. Жакина

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКАТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящей работе исследуется семантическая структура 2075 процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности (около 9000 употреблений): *делать дело, брать на себя, называть вещи своими именами, че-*

сать языком, ломиться в открытую дверь, приводить к общему знаменателю, умывать руки и т. д.

Семантическую структуру исследуемых фразеологических единиц можно представить в виде иерархии сем разного уровня абстракции: категориальных, субкатегориальных, групповых и индивидуальных.

Все процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности содержат в семантической структуре категориальную сему “процессуальность”. Эта сема интегрирует процессуальные фразеологизмы всех трех субкатегорий (деятельности, состояния и отношения) в один семантико-грамматический класс процессуальных фразеологизмов. Она привносится в структуру значения фразеологической единицы глагольным компонентом и выражена совокупностью грамматических категорий лица, залога, вида, времени и наклонения.

Во фразеологизмах субкатегории деятельности процессуальность проявляется более ярко, чем во фразеологических единицах двух других субкатегорий. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что семантика деятельности предполагает наличие активного субъекта – производителя действия. Субъект фразеологизмов субкатегории отношения менее активен. Минимальной степенью активности характеризуется субъект фразеологических единиц субкатегории состояния, носитель состояния, поэтому они обладают наименее яркой процессуальностью.

Вторую ступень в иерархии семантической структуры представляют семы, из которых складывается субкатегориальное значение деятельности: “субъект-лицо (человек), который производит деятельность”, “объект как результат этой деятельности”, “цель деятельности”, “волеизъявление”, “осознанность”.

Субъектом фразеологизмов субкатегории деятельности всегда является человек, который активно, осознанно, целенаправленно, прилагая волю, производит какие-либо действия, которые могут быть направлены на какой-либо объект, например:

Хотя составителю нельзя отказать в знании материала, но, подобно тому, как **он выбрасывает за борт** великие события, он не допускает в свою антологию и великую поэзию новой России (*Лит. газ. 1974. 20 сентября*).

Субъектные характеристики процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния разнообразнее, т. к. в роли субъекта этих единиц может выступать как лицо, так и предмет, например:

Во всех трех томах **красной нитью проходит** голлистская идея нации как абсолютной ценности. (*Н. Молчанов. Генерал Де-Голль*). Мамочка, за свидетельством попросите зайти в училище Олю, а деньги перешлите мне сюда, а то к первому я весь выйду и **сяду на мель**. (*В. Маяковский. Письмо А.А. Маяковской*).

В первом предложении субъектом фразеологической единицы является предмет. Во втором примере в роли субъекта фразеологизма выступает лицо.

В качестве субъекта процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения также может выступать как лицо, так и предмет, например:

1. В Ленинграде я думал быть между 5 – 10 июля, но *группа спутал мои карты*, и уже не знаю, когда попаду к вам. (*Письмо М. Горького К. Федину*). 2. Не ошибся ли *следователь*, не *возвел* ли *напраслину* на людей, проявивших принципиальность и твердость? (*Лит. газ. 1977. 19 января*).

В первом предложении субъект отношения - предмет. Во втором предложении роль субъекта фразеологической единицы играет лицо.

Субъект процессуальных фразеологических единиц субкатегории деятельности – это всегда производитель действия. В отличие от него, субъект процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения – это член какого-либо отношения. Он не является активным производителем действия, направленного на создание какого-либо объекта, а характеризуется прежде всего отношением к какому-либо лицу или предмету. Поэтому процесс, обозначаемый этими фразеологизмами, носит более абстрактный и пассивный характер, по сравнению с тем процессом, который обозначают фразеологизмы субкатегории деятельности, ср.:

Может быть, и *другие* из служебного окружения Игоря Саввовича снисходительно молчали, провожая его взглядом, усмехались, шептались, *перемывали ему косточки* в теплых компаниях. (*В.Лунатов. Игорь Саввович*) (Отношение). Случалось, что он вызывал неудовольствие епископа, потому что не признавал никаких уступок. В делах, касающихся церкви, он готов был идти напролом, не обращая ни на что внимания. (*Иосиф Игнатий Крашевский. Король Холопов*) (Деятельность).

Субъект процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния – это носитель состояния, т. е. он не является активным производителем действия. Процесс протекает независимо от его воли, цели и сознания. Таким образом, субъект фразеологизмов субкатегории состояния максимально пассивен, что определяет пассивность самого процесса. Этим можно объяснить тот факт, что среди фразеологизмов субкатегории состояния много бессубъектных. Напротив, фразеологизмы субкатегории деятельности не могут быть бессубъектными, так как деятельность не возникает спонтанно, без участия воли активного субъекта, ср.:

Сначала она наотрез отказалась от предложенной роли и согласилась только после долгих упрасиваний. На репетициях я ее почти не видал, но догадывался издали, что Лидочку *задело за живое*. (*А.Куприн. К славе*). (Состояние). *Брат* был так счастлив, готовясь к двойной свадьбе, и *строил* шуточные *планы* совместных празднований первой и всех последующих годовщин. (*А.Б. Маринина. Стилист*) (Деятельность).

Таким образом, активность субъекта позволяет дифференцировать фразеологизмы субкатегории деятельности от фразеологических единиц двух других субкатегорий.

Фразеологизмы с субкатегориальным значением деятельности обозна-

чают действия субъекта-лица, направленные на неодушевленный объект. В роли объекта деятельности может выступать конкретный предмет, животное, отвлеченное понятие, например:

Черт! Тогда бы он поломался немного, но, в конце концов, признал бы меня наследником без этой семилетней волокиты. И сейчас мы бы уже владели всей Галлией и потихоньку **прибирали бы к рукам Францию и Бургундию...** (О. Авраменко *Королевы не плачут*).

Ты **вбил себе в голову** эту *чушь* лишь затем, чтобы еще больше жалеть себя. Отверженный, презираемый, всеми гонимый - ах, какой необъятный простор для самоуничужения! (О. Авраменко. *Королевы не плачут*).

В роли объекта процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения может выступать как лицо, так и предмет, в зависимости от групповой семантики фразеологизма. Если фразеологическая единица обозначает отношения между лицами, то объектом является лицо. В том случае, если фразеологизм служит обозначением отношений между предметом и другими предметами, в качестве объекта выступает предмет, например:

- Я што-то не верю, - Семка кивнул на казенную бумагу. - По-моему, они **вам втерли очки**, эти ваши специалисты. (В. Шукшин. *Мастер*).

Обсудить, надо сказать, есть что. Во-первых, *заявление ставит крест* на готовом *проекте* Союзного договора, позволяя каждой республике самой определить форму своего участия в Союзе. (Комс. правда. 1991. 3 сентября).

Первое предложение иллюстрирует фразеологизм, обозначающий отношения между лицами. Поэтому в роли объекта фразеологической единицы выступает лицо. Во втором предложении приведен пример фразеологизма, обозначающего отношение между предметами, поэтому объектом этой фразеологической единицы является предмет.

Фразеологизмы субкатегории состояния также могут быть направлены как на объект-лицо, так и на объект-предмет, например:

Мне кажется, что от любого вопроса, заданного после работы, *вас должно в дрожь бросать*. (Комс. правда. 1974. 26 октября). Смог ли фашизм **пустить глубокие корни** в обильно политую кровью горькую землю, опутать цепкой паутиной душу испанца. (Ф. Бурлацкий. *Испания: коррида и каудильо*).

Возможность сочетания с объектом, обозначающим лицо, отличает фразеологизмы субкатегорий состояния и отношения от фразеологических единиц с субкатегориальным значением деятельности. Объект деятельности, как правило, испытывает разнообразное воздействие со стороны субъекта-лица, который целенаправленно создает, изменяет, разрушает, использует объект или избавляется от него.

Так, фразеологизм **воплотить в жизнь** обозначает деятельность, направленную на создание объекта, например:

У мамы был непочатый запас энергии и жизненной силы. И всякую

мечту она сейчас же стремилась **воплотить в жизнь**. (*Вересаев. В юные годы*).

Фразеологизм **вырвать с корнем** служит обозначением деятельности, которая направлена на избавление от объекта, например:

*Наследие гнусного старого режима мы **вырвем с корнем***. (*Сергеев-Ценский. Искать, всегда искать*).

Фразеологизм **пускать в дело** обозначает деятельность человека, направленную на использование объекта, например:

В морозильнике она обнаружила давно забытый пакет с мороженой клюквой. Отлично, и ее можно **пустить в дело**. (*А.Б. Маринина. Смерть ради смерти*).

Фразеологизм **стереть с лица земли** обозначает целенаправленное разрушение объекта, например:

Собирались господа **стереть Ленинград с лица земли**, прорубили в смелых планах дорогу аж на Урал. (*И.Науменко. Грусть белых ночей*).

Таким образом, объект фразеологизмов субкатегории деятельности – это продукт деятельности. В отличие от него, объект фразеологизмов субкатегории отношения является членом отношения. Он не подвергается целенаправленному воздействию со стороны активного субъекта-лица, ср.:

Правда, наука сделала великие успехи, но еще слишком мало **имеет влияния на жизнь**. (*Н.Г. Чернышевский. Заметки о журналах*) (Отношение). Кто-то уже слишком проворно **разложил по полочкам** все явления жизни и выработал краткие стандарты, при помощи коих эти явления нужно бичевать. (*И.Ильф, Е.Петров. Я, в общем, не писатель*). (Деятельность).

Объект фразеологизмов субкатегории состояния – это носитель какого-либо состояния. Он не испытывает воздействия со стороны активного субъекта-лица, как объект фразеологизмов субкатегории деятельности, ср.:

Ведь, что *их*, например, перво-наперво **с толку сбило**? Дверь была заперта, а пришли с дворником – отперта: ну, значит, Кох да Пестряков и убили! (*Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание*) (Состояние). А что за история с флагом? – Страшное дело. Немцы, говорят, **вверх дном перевернули все** на электростанции. (*С.Славин. Три ялтинских зимы*). (Деятельность).

Таким образом, характер объекта фразеологизмов субкатегории деятельности является еще одним отличительным признаком этих единиц, позволяющим дифференцировать данные фразеологизмы от фразеологических единиц двух других субкатегорий.

Субъект деятельности всегда активен, т.е. он сознательно, проявляя волю, регулирует свои действия, добываясь поставленной цели. Таким образом, активность субъекта определяет наличие в семантической структуре всех процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности сем: “осознанность”, “целенаправленность”, “волеизъявление”. Наиболее яркому проявлению этих семантических признаков способствует употреб-

ление фразеологизма в форме повелительного наклонения, ср.:

Знай и **заруби себе на носу**, что человек живет мечтой и рождается он для творчества. (А.Гладков. *Мятежная юность*). Фамусов: Эй, **завяжи на память узелок**: Просил я помолчать, не велика услуга. (А.С. Грибоедов. *Горе от ума*). А ну-ка, **возьми себе на заметку**: двадцать пятого октября на бюро райкома. Посмотрим, какие у тебя артистические данные! (Ф.Абрамов. *Две зимы и три лета*). – **Загляните в завтра**, ребята, - взволнованно говорил Рябинин. – Завтра мы, комса, будем хозяевами мира. (Б.Горбатов. *Мое поколение*). – Смотри, сынок, - говорил старый пескарь, умирая, - коли хочешь жизнью жуировать, так **гляди в оба**. (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Премудрый пескарь*). Так все равно с ним (Дудаевым) надо было работать: пригласить, поговорить, пообещать дать самые широкие полномочия. Командуй, мол, в своей республике, **наводи порядок**. (АиФ. 2000. № 20).

В приведенных примерах повелительное наклонение обозначает побуждение к совершению каких-либо волевых действий, направленных на достижение определенной цели.

Фразеологизмы субкатегории отношения не содержат в структуре значения вышеперечисленных сем, т.к. их субъект пассивен, например:

У одной - убили мужа, на руках осталось двое малолетних детей. У другой – на скамье подсудимых сын, которого она знает, как доброго, ласкового, но вот он **поднял руку** на человека. (*Правда*. 1975. 23 сентября). Я очень возмутилась и рассердилась, и когда папа пришел к обеду, я стала **пускать ему шпильки**, так что он наконец рассердился. (Т.Сухотина-Толстая. *Дневник*).

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния также не содержат в структуре значения сем “осознанность”, “целенаправленность”, “волеизъявление”, т.к. субъект этих единиц максимально пассивен. Как следствие, фразеологизмы данной субкатегории, в отличие от фразеологических единиц субкатегории деятельности, не употребляются в форме повелительного наклонения. Спонтанность процесса, обозначаемого этими фразеологизмами, может подчеркивать семантика контекста, ср.:

Нахожусь я в препакоистном настроении духа, болезнь моя приняла дурной оборот, меня опять жгут и т. д. Словом – гадко. Я **повесил нос** и руки опустил. (И.С.Тургенев. *Письмо А.В.Дружинину*).

В данном примере фразеологизм **повесить нос** обозначает процесс, не зависящий от сознания и воли субъекта, от поставленной субъектом цели, что подчеркивается целым контекстом: предложениями, характеризующими определенное состояние лица, а именно болезнь.

Таким образом, субкатегориальная семантика деятельности подразумевает наличие в семантической структуре фразеологизмов субкатегории деятельности сем: “субъект-лицо (человек), который производит деятельность”, “объект как результат этой деятельности”, “осознанность”, “целенаправленность”, “волеизъявление”. Эти семы интегрируют фразеоло-

гизмы субкатегории деятельности и дифференцируют их от фразеологизмов двух других субкатегорий (состояния и отношения).

Наблюдение за семантикой процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности показывает, что изменение субъектно-объектной характеристики процесса может стать основой для развития многозначности исследуемых единиц. Так, если субъектом действия у фразеологизма **разрубать узел** является лицо, то реализуется значение фразеологизма, относящееся к субкатегории деятельности. В том случае, если в роли субъекта выступает предмет, фразеологическая единица становится обозначением состояния, ср.:

Подумал, - почему, собственно, не доказать бы и отцу, и всем прочим, что он может, способен **разрубить** такой сложный **узел**? (*И.Шамякин. Возьму твою боль*) (Деятельность). - Формообразующая роль среды! Минута, ради которой я собрал вас. Великая минута! Сейчас вы получите ответ, кому еще не ясно. *Мать природа*, она одним махом **разруба**ет все **узлы**. (*В. Дудинцев. Белые одежды*) (Состояние).

В зависимости от характера объекта многозначная фразеологическая единица может реализовывать значение, относящееся к субкатегории деятельности, если объектом является предмет, или значение, принадлежащее субкатегории отношения, если в роли объекта выступает лицо, ср.:

Учителя на первых порах с надеждой и упованием прислушивались к этим утешительным речам, но потом вскоре убедились в их бесплодности, **махнули на все рукой**. (*В.Лидин. Тутовое дерево*) (Деятельность). Нам вообще свойственно видеть в человеке прежде всего доброе, а открыть его в том, на **кого** все **махнули рукой**, совсем заманчиво. (*А.Калинин. Лунные ночи*) (Отношение).

Таким образом, многозначность процессуальных фразеологизмов может развиваться на основе изменения субкатегориальной принадлежности фразеологизма, которая зависит от субъектно-объектной характеристики процесса.

Необходимо отметить, что фразеологические словари (Фразеологический словарь русского языка, под ред. А.И. Молоткова, словарь “Фразеологизмы в русской речи”, под ред. А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, Фразеологический словарь русского языка, под ред. А.И. Федорова) при выделении значений многозначных процессуальных фразеологизмов не учитывают различий в субъектно-объектной характеристике каждого значения. В результате происходит совмещение разных по субкатегориальной принадлежности значений в одном толковании.

Третий уровень семантической структуры состоит из групповых сем, благодаря которым происходит интеграция фразеологизмов в отдельные семантические группы и дифференциация этих групп. Анализ фразеологизмов субкатегории деятельности позволил выделить среди них следующие семантические группы:

1) фразеологизмы, обозначающие движение (*показывать пятки, прибавлять шаг, рвать когти, сматывать удочки, смазывать пятки (салом), уносить ноги* и т. д.);

2) фразеологизмы со значением жестово-мимической деятельности (*делать большие глаза, делать жест, опускать руки по швам, корчить рожу* и т.д.);

3) фразеологизмы с общим значением трудовой деятельности (*делать дело, гнуть горб, вкладывать труд, вкладывать силы, добывать хлеб, засушить рукава, прилагать усилия, приложить руки* и т. д.);

4) фразеологизмы, обозначающие социальную деятельность (*вести политику, ввязаться в войну, стоять на страже, стоять у руля, прийти к власти, братья за баранку, делать ремонт, выйти в море, пускать в оборот, отмывать деньги* и т. д.);

5) фразеологизмы, обозначающие поступки, поведение (*кривить душой, лезть в пекло, делать вид, заметить хвостом следы, давать промашку, держать себя* и т. д.);

6) фразеологизмы, обозначающие речемыслительную деятельность (*держат в уме, строить на песке, высасывать из пальца, выворотить наизнанку, брать в толк, трепать языком, точить ляды, бросаться словами, играть словами, колебать воздух, кричать на всех перекрестках* и т. д.);

Возможность разделения исследуемых фразеологизмов на семантические группы отражает существующее в реальной действительности многообразие видов деятельности. В философии выделяют материальную и духовную деятельность (критериями их разграничения является предмет деятельности и ее результат); предметную деятельность, которая связана с воздействием на объект; общение; игровую деятельность и др. В психологии изучается психическая деятельность человека, характеризующая функцию индивида в процессе его взаимодействия с окружающим миром.

Четвертый уровень семантической структуры представлен индивидуальными семами, присущими только данной фразеологической единице деятельности.

Так, семантическую структуру фразеологизма **изобретать велосипед** можно представить следующим образом. На категориальном уровне расположена сема “процессуальность”, которую привносит во фразеологизм глагольный компонент **изобретать**. Субкатегориальное значение деятельности складывается из сем: “субъект-лицо, который производит деятельность”, “объект как результат этой деятельности”, “волеизъявление”, “осознанность”, “целенаправленность”. Групповой уровень представлен групповой семой “мыслительная деятельность”. Последнюю ступень в этой иерархии занимает индивидуальная сема “обнаруживать, создавать заново что-либо давно открытое, общеизвестное”.

Человек он новый, придумает что-нибудь, а окажется, **велосипед изобрел** – все это давным-давно предусмотрено, проделано. (*А.Кулешов. Белый ветер*).

Семантическая структура фразеологизмов субкатегории деятельности еще не получила подробного рассмотрения в работах фразеологов. На наш взгляд, требуется дальнейшее исследование семантики фразеологических единиц этой субкатегории.

Л.Н. Ильина

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ВАРИАНТЕ РОМАНА В. НАБОКОВА “ДАР”

Роман “Дар” занимает центральное место в творчестве В. Набокова. По праву он считается шедевром, в нем мастерство его создателя доходит до самой высшей степени совершенства, а оригинальный стиль проявляется наиболее ярко. Джон Апдайк отзывается о стиле писателя так: “Набоков пишет прозу только так, как она и должна быть написана, то есть эстетично”. По мнению литературных критиков, В. Набоков – это настоящий мастер, полностью и абсолютно владеющий словом.

“Дар” – это последний русскоязычный роман В. Набокова, венчающий собой тот период литературной карьеры писателя, который относится к 1923-1940 годам его жизни, прошедшим в Берлине (1923-1937) и позже в Париже (1937-1940), когда он начал писать большинство своих произведений на родном языке. К этому периоду относятся такие его романы, как “Машенька” (Берлин: Слово, 1926), “Король, дама, валет” (Берлин: Слово, 1928), “Защита Лужина” (Берлин: Слово, 1930), “Соглядатай” (Париж: Изд-во “Современные записки“, 1930), “Подвиг” (Париж: Изд-во “Современные записки“, 1932), “Камера Обскура” (Париж: Изд-ва “Современные записки“ и “Парабола“, 1933), “Отчаянье” (Берлин: Петрополис, 1936), “Приглашение на казнь” (Париж: Дом книги, 1938), а также несколько сборников рассказов и стихов.

Некоторые сходные черты и одинаковые обстоятельства жизни объединяют автора и главного героя романа “Дар”, Федора Годунова-Чердынцова. В.Набоков и “юный герой” его книги в одно время жили в Берлине, у обоих был одинаково большой интерес к литературе, из чего вовсе не следует, что надо отождествлять писателя с его персонажем. По мнению самого В.Набокова, нельзя читателю “соединять творца и творение”. Безусловно, в романе отражены личный опыт писателя, некоторые его чувства и переживания, но это еще не повод говорить об автобиографичности произведения.

Свою жизнь В.Набоков описал значительно позже в романе “Другие берега”, изданном впервые в Нью-Йорке в 1954 году.

В произведениях В. Набокова встречается большое количество фразе-

ологизмов, разнообразных по структуре, частеречному значению и стилистической окраске.

В ходе частеречного анализа нами было обнаружено большое количество наречных фразеологизмов. Этот семантико-грамматический класс является самым многочисленным из всех. В нем встречаются фразеологизмы, главным образом обозначающие качественный признак действия и указывающие на способ или качество его совершения: *собственными средствами, с увлечением, с достоинством, схожим образом, в три медленных приема, по старинке, с треском*; фразеологизмы, обозначающие время действия: *на миг, некоторое время, только что, тому назад, всю жизнь*; и место действия: *в углу, там и сям, со всех четырех сторон, на заднем плане, в строю, сверху донизу, бок о бок*. Следует отметить, что наречные фразеологизмы, являющиеся обстоятельствами цели, причины, условия и уступки, не встречаются в исследуемом фразеологическом материале.

Класс процессуальных фразеологизмов также насчитывает большое количество единиц. Это, в основном, фразеологизмы, обозначающие деятельность человека, и в нашем случае одним из видов деятельности является творчество, которым занимается главный герой романа Федор Годунов-Чердынцев, поэтому в произведении среди прочих фразеологизмов этого класса мы встречаем такие, как *слагать стихи, переложить в стихи*, а также фразеологизмы, не касающиеся творчества: *переводить дух, склоняться (пытливой) мыслью, делать (большие) усилия, встать на ноги, попасть в постель, взять себя в руки*. Это фразеологизмы субкатегории состояния. Есть процессуальные фразеологизмы, которые обозначают отношения между субъектами-лицами. Они направлены на субъект-лицо, являющееся вторым членом отношения: **ставить на место кого, выходить на встречу с кем, провожать глазами кого, искать взглядом кого**. Таким образом, В. Набоков широко пользуется в романе всеми тремя субкатегориями процессуальных фразеологизмов.

Предметные фразеологизмы в романе “Дар” тоже выражают основную тему романа - пристрастие героя к сочинительству: *письменный стол, эпистолярный роман*. Другие предметные фразеологизмы обозначают названия улиц, набережных, парков, а также географические топонимы: *Танненбергская улица, Английская набережная, Сининские альпы, Александровский парк*. Нами были выделены предметные фразеологизмы со значением артефактов: *лоусоновский эликсир, миндальное мыло*. В произведении встречается много предметных фразеологизмов, обозначающих отвлеченные понятия: *слабое место, верх совершенства, вступление во тьму*.

Призрачные, грамматические, модально-междометные фразеологизмы используются на страницах романа гораздо реже.

В частеречном анализе фразеологизмов мы опирались на классификацию, предложенную А.М. Чепасовой, в которой она учитывала самое общее значение фразеологических единиц, их морфологические и син-

тактические свойства, а также компонентный состав фразеологизмов как целостных знаков языка.

Большой интерес представляет то, каким образом переводчик Михаил Скаммель при участии самого автора романа переводит различные фразеологические обороты на английский язык. Сравнительный анализ показал, что достаточно большое количество русских фразеологизмов имеет полные эквиваленты в английском языке. Так, например, из класса предметных фразеологических единиц эквивалентными являются: слепое солнце – the blind sun, женский пол – the female sex, слабое место – a soft spot, эпистолярный роман – an epistolary novel; из класса процессуальных: взять враспloh – to take unawares, взять себя в руки – to get a firm grip on oneself, быть вне подозрения – to be above suspicion; из наречных: всю жизнь – all one's life, с достоинством – with dignity, по очереди – by turns.

Часть русских фразеологизмов в английском варианте романа переведена свободными словосочетаниями. К этой группе относятся такие фразеологические единицы, как “на ходу” (as he walked – в то время как он шел), “при свете” (illuminated by – освещенный), “собственными средствами” (by resorting to means at the body's disposal – прибегая к средствам, находящимся в распоряжении тела), “переводить дух” (to make a pause – делать паузу), “быть не очень по нутру” (not to quite satisfy – не вполне устраивать). Встречается и такой перевод русского фразеологизма, который объясняет его значение, например, фразеологизм “чихнуть без гусара” по-английски звучит так to sneeze without having tickled with something the inside of a nostril, что переводится как “чихнуть без щекотания чем-либо в ноздре”.

К следующей группе мы относим такие фразеологизмы, которые на английский язык переводчик не переводит совсем, например: “ни с того ни с сего” в предложении “Он пошел дальше, направляясь к лавке, но только что виденное, – потому ли, что доставило удовольствие родственного качества, или потому, что встряхнуло, взяв враспloh (как с балки на сеновале падают дети в податливый мрак), – освободило в нем то приятное, что уже несколько дней держалось на темном дне каждой его мысли, овладевая им при малейшем толчке: вышел мой сборник; и когда он, как сейчас, **ни с того ни с сего** падал так, то есть вспоминал эту полусотню только что вышедших стихотворений, он в один миг мысленно пробежал всю книгу...” в английском предложении отсутствует: “He walked on toward the shop, but what he had just seen— whether because it had given him a kindred pleasure, or because it had taken him unawares and jolted him (as children in the hayloft fall into the resilient darkness)—released in him that pleasant something which for several days now had been at the murky bottom of his every thought, taking possession of him at the slightest provocation: my collection of poems has been published; and when, as now, (

...) his mind tumbled like this, that is, when he recalled the fifty-odd poems that had just come out, he would skim in an instant the entire book. . .”

Сравнительно небольшую группу составляют такие фразеологизмы, которым в английском языке соответствует одно слово: письменный стол – a desk, воздушный шар – a balloon, только что – just, может быть – perhaps, чувствовать себя – to feel, ручной работы – hand-built.

Итак, цель нашей работы мы видим в полном выявлении состава фразеологических единиц романа “Дар”, в проведении их многоаспектного анализа, а также в сопоставлении русских фразеологизмов с их переводом на английский язык. Контрастивное исследование фразеологии романа проводится впервые.

В.И. Кабыш

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ БРАТЬ\ВЗЯТЬ

В качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологизмы выступают как структурное целое составного характера, состоящее из различных по своим морфологическим свойствам слов, которые находятся между собой в различных синтаксических отношениях.

Для всех исследуемых фразеологизмов обязательными являются компоненты *брать\взять*. Наряду с русскими глаголами *бросать\бросить*, *бить*, *давать\дать*, *иметь* они являются наиболее продуктивными во фразообразовании /1/. Глаголы *брать\взять* входят в основной словарный фонд языка, являются стилистически нейтральными, многозначными, имеют широкую сочетаемость. Вследствие этого они обладают высокими фразообразовательными возможностями, образуя в современном русском языке около 340 фразеологизмов, 330 из которых являются процессуальными.

Другими компонентами исследуемых фразеологизмов могут быть как знаменательные части речи, так и служебные: имена существительные (190): *адрес*, *аккорд*, *барьер*, *вера*, *верх*, *власть*, *воля*, *выкуп*, *высота*, *гражданство*, *грудь*, *дань*, *дар*, *девица*, *дорога* и др. (*брать\взять верх*, *брать\взять гражданство*, *брать\взять жену*, *брать\взять интервью*, *брать\взять крюк*, *брать\взять моду*); наречия (18): *взаимы*, *врасплох*, *высоко*, *живьем*, *замуж*, *круто*, *наперерез*, *нахрапом*, *убегом* и др. (*брать\взять взаимы*, *брать\взять выше*, *брать\взять замуж*, *брать\взять напрокат*, *брать\взять приступом*); имена прилагательные (8): *борзый*, *ежовый*, *маковый*, *голый*, *живой*, *белый* и др. (*брать\взять живым*, *брать\взять голыми руками*, *брать\взять под белые руки*, *брать\взять в*

ежовые рукавицы); местоимения (8): что, кто, самый, весь, свой, себя, ты, откуда (*брать\взять на себя, брать\взять под самый корень, брать\взять всем, брать\взять к себе*); имена числительные (2): первый, один (*брать\взять первый приз, брать\взять первую премию, брать\взять одну сторону медали*); предлоги (8): в, под, на, за, из, с, от, к (*брать\взять в аренду, брать\взять под арест, брать\взять на цугундер, брать\взять за душу, брать\взять из головы, брать\взять с потолка, брать\взять от жизни, брать\взять к сердцу*); частицы (1): не (*капли в рот не брать\взять, не брать\взять в рот, не брать\взять в голову*).

Процессуальные фразеологические единицы с компонентами *брать\взять* могут быть построены по моделям подчинительного словосочетания и простого предложения.

подавляющее большинство исследуемых фразеологизмов (318 из 330) построены по модели подчинительного словосочетания (*брать\взять в долю, брать\взять борзыми щенками, брать\взять в руки бразды правления*). Исследуемые фразеологические единицы могут состоять из двух – шести компонентов. Представление о продуктивности количественно разных форм дает следующая таблица:

Как видно из таблицы, процессуальные фразеологизмы с компонентами *брать\взять*, как правило, двух- или трехкомпонентные. Исследуемый фразеологический материал подтверждает общую закономерность компактности построения внешней формы фразеологической единицы. Во фразеологическом материале действует закон компактности языковой единицы, обусловленной “принципом экономии речи”: чем короче единица, тем она жизнеспособнее, чем компактнее модель, тем большей фразеобразующей активностью она отличается.

Двухкомпонентные фразеологические единицы с компонентами *брать\взять* могут быть образованы именами существительными, наречиями, местоимениями, именами прилагательными. Эти фразеологизмы могут быть построены по пяти структурным моделям. Представление о фразе-

образующей продуктивности структурных моделей двухкомпонентных фразеологизмов дает следующая таблица:

Как видно из таблицы, максимальной продуктивностью обладают исследуемые фразеологизмы, построенные по модели “глагол + имя в винительном падеже без предлога”, средней – “глагол + наречие”, минимальной – “глагол + имя в творительном, родительном, дательном падежах”.

Высокая продуктивность модели “глагол + имя в винительном падеже без предлога” обусловлена семантической недостаточностью глагольных компонентов, требующих семантического распространения в виде существительного в винительном падеже без предлога. Простое словосочетание, послужившее источником фразеологизма, имеет сильную синтаксическую связь, которая способствовала процессу фразеологизации. Лексическое значение именного компонента, как правило, абстрактного имени существительного, также принимало участие в процессе фразеологизации словосочетания. Еще одним фактором, повлиявшим на формирование фразеологического значения, явилось преобразование значения винительного падежа. Т.о., лексические потенции глагольного и именного компонентов, трансформация объектного значения винительного падежа, характер синтаксической связи между глагольным и именными компонентами являются важными фразеобразующими факторами, создающими целостные фразеологические значения /2/.

Модель “глагол + наречие” обладает средней продуктивностью. Компоненты – наречия в исследуемых фразеологизмах по происхождению могут быть образованы от существительных в разных падежных формах (взаймы, напрокат, наперерез, убогом) и от прилагательных (высоко, круто, низко). Причинами фразеологизации модели является, во-первых, приобретение компонентами – наречиями переносного качественного значения (брать\взять выше); во-вторых, - употребление компонентов – наре-

чий только в составе фразеологических единиц (взаймы, наперерез, напрокат, замуж).

Модель “глагол + существительное в творительном падеже” обладает минимальной продуктивностью. Именной компонент – существительное в творительном падеже, как и наречия, образованные от существительного в творительном падеже, в составе фразеологической единицы своей образностью формируют фразеологическую структуру.

Трехкомпонентные исследуемые фразеологизмы образуются знаменательными и незнаменательными компонентами. Эти фразеологизмы могут быть построены по следующим структурным моделям:

I. Фразеологизмы с одним незнаменательным и двумя знаменательными компонентами:



II. Фразеологизмы с тремя знаменательными компонентами:



Как правило, исследуемые трехкомпонентные фразеологизмы образуются при помощи одного незнаменательного компонента – предлога (это простые производные русские многозначные предлоги в, под, на, за, из, с, от, к) и двух знаменательных компонентов. Наибольшей продуктивностью обладает модель “глагол + предлог + существительное в винительном падеже”. При этом имя в винительном падеже с предлогом, являясь семантическим центром фразеологизма, влияет на построение формы фра-

зеологической единицы.

Средней продуктивностью обладает модель из трех знаменательных компонентов “глагол + согласуемое имя + управляемое имя”. Третий знаменательный компонент (прилагательное, числительное, местоимение) распространял второй компонент (существительное) и формально подчинялся ему. Это вызвано тем, что именной компонент является семантическим центром фразеологизма, средоточием фразеологического значения единицы. При этом числительные утрачивают семантику количества и приобретают, как и местоимения, качественную семантику (брать\взять первый приз: первый = лучший).

Остальные структурные модели трехкомпонентных фразеологизмов малопродуктивны.

Четырех – шестикомпонентные исследуемые фразеологические единицы наименее частотны. Они построены по разнообразным моделям сложных слоросочетаний (брать\взять в ежовые рукавицы, брать\взять одну сторону медали, слишком много брать\взять на себя, брать\взять в руки бразды правления, не брать\взять в рот маковой росинки).

Исследуемые фразеологизмы по структуре могут соответствовать простому предложению. В картотеке насчитывается 12 таких случаев (зло берет, завидки берут, страх взял, тоска взяла, оскомина берет и др.). В предложении они выполняют роль сказуемого. Например:

Взгрустнулось крепко юноше

По матери-страдалице,

А пуще злость брала.

Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо

Процессуальные фразеологические единицы с компонентами брать\взять могут иметь открытую и закрытую семантическую структуру /2/. В закрытой семантической структуре все компоненты фразеологизмов являются обязательными (*брать\взять живьем, брать\взять за шкуру, брать\взять борзыми щенками, брать\взять в ежовые рукавицы*). Фразеологические единицы с открытой семантической структурой могут распространяться прилагательными (*брать\взять под руки – брать\взять под белые руки*); местоимениями (*брать\взять под корень – брать\взять под самый корень*); местоимениями с предлогами (*брать\взять ответственность – брать\взять на себя ответственность*).

Таким образом, подсистема процессуальных фразеологизмов с компонентами брать\взять имеет следующие структурные свойства:

1. В образовании структуры исследуемых фразеологизмов участвуют знаменательные (глагол, имя существительное, наречие, имя прилагательное, местоимение, имя числительное) и незнаменательные (предлог, частица) компоненты.

2. Исследуемые процессуальные фразеологизмы могут быть построены по моделям подчинительного словосочетания и простого предложе-

ния, при этом подавляющее большинство фразеологизмов построены по моделям подчинительного словосочетания.

3. Исследуемые фразеологизмы могут состоять из двух – шести компонентов, при этом двух- и трехкомпонентные фразеологические единицы наиболее частотны.

4. Максимальной продуктивностью обладают модели “глагол + (предлог) + имя (В.п.).

5. Исследуемые фразеологизмы могут иметь открытую и закрытую структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Методические рекомендации по изучению фразеологии в школе.* - Курган: Курганский пединститут, 1991.-26 с.

2. *Усачева Н.Б. Структурные и семантические свойства фразеологизмов с компонентом “иметь”.* – Автореф. дис. канд. филол. наук.- Волгоград, 1998. – 18 с.

Е.А. Кожокина

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Обучение иностранным языкам в вузе профессионально ориентировано и основывается на чтении научной и специальной литературы, которая имеет ряд особенностей. Одной из них является терминологичность. При разработке методики обучения нужно проводить различие между такими понятиями, как термин и нетермин.

Лингвистическая характеристика термина как особой разновидности слова до сих пор не может считаться полностью разработанной. В связи с этим и само определение термина представлено в виде различных вариантов, отличающихся друг от друга не просто стилистически, но и по своему содержанию.

Профессор А.И. Смирницкий считает, что основным и определяющим для термина является то, что термин всегда связан с развернутым определением.

Термины информативны. Их этимология различна. Язык терминов представляет собой особым образом организованную систему, которая характеризуется наличием дифференциальных признаков. Системность терминов определяется системностью понятий данной науки.

Лингвистическое своеобразие терминов проявляется в симметричном соотношении формы и содержания, в строгой экстралингвистической направленности, которая обеспечивается возможностью их точного определения и ограниченной способностью к полисемии и синонимии. Для терминов характерна узкая сочетаемость. В терминологической лексике имеется много интернациональных слов.

От термина следует отличать обиходное слово, т.е. слово, не выражающее специального понятия и имеющее употребление за пределами профессиональной сферы. Большинство исследователей считают, что основными чертами, отличающими термин от обиходного слова, являются однозначность термина, отсутствие в нем эмоциональной окраски и ограниченная сфера употребления. Но в целом никакой принципиальной разницы между термином и обиходным словом нет. Термин не является языковой единицей принципиально иного порядка, чем обиходное слово.

При работе с юридическими текстами мы отмечаем, что обогащение юридической терминологии осуществляется многими способами. Одним из основных способов является словообразование – образование новых слов на основе существующих.

Словообразование как средство пополнения английской юридической терминологии имеет самое широкое распространение, наряду с такими способами, как изменение значения терминов и заимствования. Среди словообразовательных способов в английской юридической терминологии наиболее распространенным является словопроизводство – образование слов от основ слов и словообразовательных аффиксов.

Среди юридических терминов основную нагрузку несут существительные, реже – глаголы и прилагательные.

При изучении этой части лексики важным для рассмотрения являются следующие аспекты: способы образования (морфологический, конверсия, аббревиация), морфологическая структура (простые термины, сложные термины, составные термины), наличие и тип ассимиляции (графическая, грамматическая, лексическая, семантическая), семантическая неоднородность и классификация терминов по содержательному признаку.

В целях эффективного обучения терминологической лексике отбор изучаемого терминологического корпуса проводится на основе признаков частотности, актуальности, целесообразности, аналогии, отражения профессиональной ориентации. Изучение терминологического словаря проводится двумя способами: по тематическим группам, на основе ассоциативных связей, по типам словарных толкований.

Изучение проблемы термина важно и потому, что при исследовании путей становления терминологии могут быть выявлены закономерности создания терминов, которые необходимы при систематизации имеющейся терминологии и создании новой.

Становление юридических терминов в английском словаре шло в основном двумя путями:

1. Заимствование из французского словаря (или латыни) всего слова вместе с суффиксом (словообразовательный –ess, -trix; словоизменяющий –ant, -ee).

Например: donee, textatrix.

Заимствованные слова попадали в терминологическую лексику англ-

лийского языка, поскольку они заимствовались в силу ряда исторических причин и прежде всего потому, что в тот период (XII – XIV вв.) судопроизводство в Англии велось на французском языке. Позднее заимствованные термины из морфологически неразложимых становились морфологически разложимыми. У них стал выделяться суффикс благодаря наличию в языке соответствующих глаголов (тоже заимствованных).

2. Юридические термины образовывались в английском языке из глагольных основ и суффиксов. Здесь отмечаются самые разные комбинации основ и суффиксов с точки зрения их происхождения: термин состоит из основы и суффикса английского происхождения: *robber* - “грабитель”, *holder* - “фактический владелец собственности”, из основы и суффикса неанглийского происхождения: *appallee* – “обвиняемый, ответчик”, из основы заимствованного слова и суффикса английского происхождения (*er*): *aider* – “соучастник”, *approver* – “обвиняемый”.

Образование производных терминов осуществляется от различных по характеру значений слов:

- суффикс лица присоединяется к основе слова, обладающего терминологическим значением. Например: *offender* - “правонарушитель”, от *offend* - “нарушать закон, право”. Исходным материалом служат здесь другие термины, в основном глаголы, от которых образованы производные;

- и лишь в отдельных случаях суффикс лица присоединяется к основе слова, не являющегося термином, к основе общеупотребительного слова, например: *constitutor* - “лицо, обещавшее заплатить долг другого”.

В терминологии английского права важное место занимают термины – названия лица. Это названия различных сторон в судебном процессе, преступников и т.д. Существует масса различных судебных учреждений с весьма разнообразными функциями и различными должностными лицами. Среди терминов – названий лица обращают на себя внимание производные термины. Сложные и простые термины составляют незначительное количество.

Со стороны обозначения различных лиц производные термины можно разделить на три группы: термины, обозначающие профессию, постоянное занятие (в основном с суффиксами *-er, -or*): *recorder* – “судья по уголовным делам”, *solicitor* – “адвокат, готовящий дела, но не выступающий в суде”; термины, обозначающие правонарушителей (в основном с суффиксами *-er, -or*): *offender* - “правонарушитель”, *murderer* - “убийца”; термины, обозначающие других различных лиц, имеющих отношение к судопроизводству (в основном с суффиксами *-ant, -ee*): *defendant* – “обвиняемый”, *claimant* – “истец”.

Изучение терминологической лексики в совокупности ее релевантных признаков помогает выработать у студентов системный подход к изучаемому явлению.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ УНИВЕРСИТЕТОВ: ТРУДНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В условиях модернизации образования проблема трудностей и противоречий профессионально-педагогической адаптации начинающих учителей остаётся одной из важных. Вопросам адаптации посвящены исследования С.Г. Вешловского, Н.В. Кузьминой, С.В. Овдея, Т.С. Поляковой и других.

Итак, определим основные противоречия, которые выделяет педагогическая наука. Учёные утверждают, что почти всегда есть несоответствие между требованиями общества к качеству профессиональной подготовки учителя и уровнем подготовленности начинающих учителей к выполнению этих требований. Это несоответствие исходит от всей предшествующей подготовки учителя, и от того, что профессиональное становление учителя происходит в реальной обстановке, в условиях современной школы, где он начинает свою работу. Противоречие между требованиями к подготовке учителя и его реальной подготовкой всегда было и будет, оно неизбежно. Подготовка учителя всегда немного отстаёт, особенно если выпускник приходит работать не в обычную общеобразовательную школу, а в школу нового вида. Противоречие между требованиями профессии и профессионально-личностным развитием выпускника является основным. Педагоги считают, что эта борьба противоположных сторон и является движущей силой адаптации при определённом соотношении сторон. Выпускник должен иметь достаточно высокий уровень развития профессиональных качеств, чтобы осознать и воспринять все требования, которые к нему предъявляет профессия. Противоречие должно проявиться в работе молодого педагога.

Проведя половину года в школе, выпускник начинает чувствовать, готов он к работе или нет. Ему приходится предпринимать огромные усилия по самовоспитанию и самообразованию, систематически изучать передовой педагогический опыт для быстрого преодоления трудностей. Т.С. Полякова отмечает, что выпускники в первую очередь подвергают критике уровень вузовской подготовки, а затем ищут недостатки у себя. Сталкиваясь с затруднениями, они испытывают растерянность. Так, например, нами в ходе опытно-экспериментальной работы было выяснено, что 28% молодых учителей испытывают трудности в подготовке к урокам; 42% - в формировании классного коллектива; 21% - в планировании воспитательной работы; 15% - в общении с родителями; 37% - в нехватке времени.

Высокий уровень активности стажёра проявляется в “преобразовании

среды адаптации”]. В процессе адаптации совершенствуется и сам выпускник, и его профессиональные качества. Но даже в процессе профессионального роста молодого специалиста это противоречие сразу не исчезает, а лишь приобретает различные формы и проявления. “Вхождение” педагога в профессию - явление и профессиональное, и социальное. Конечно, у выпускника много проблем, но ему постоянно помогают их преодолевать. Практика показывает, что молодой специалист, имеющий проблемы в быту, сталкивается с огромными трудностями. Но, несмотря на это, коллеги и школьная администрация всё-таки высоко ценят моральные качества начинающих учителей. Они отмечают их ответственное отношение к труду, чувство долга, аккуратность, добросовестность и обязательность. Сами же выпускники дают себе высокую оценку, точнее, своим личностным качествам. Хотя на самом деле показатели этих качеств выглядят немного иначе. Таким образом, происходит рассогласование между самооценкой личных возможностей учителя-стажёра, его ожиданиями и настоящим выражением его личностных качеств. Итак, можно сделать вывод о том, что у выпускников очень слабо и медленно формируется профессиональная ориентация. Не ускоряет этот процесс и стажировка, нередко стажёр пытается построить свою работу, опираясь на опыт и интуицию, почти не используя теорию. Здесь опять проявляется противоречие. Оно стоит между объективно необходимым научным подходом к организации обучения и эмпирическим стилем профессиональной деятельности молодых учителей. Это противоречие ведёт к нарушению единого целого в организации обучения. Иногда это вызывает некоторую скованность в работе педагога: он не знает, как правильно изложить новый материал, какие методические приёмы лучше использовать. В результате его уроки страдают множеством недостатков и дают мало эффекта.

Другое, немаловажное противоречие формулирует И.Д. Лушников:

“Это противоречие между объективно существующей “широтой содержания” профессиональной деятельности учителя и необходимостью прежде всего (и как можно быстрее) овладеть сущностью учебно-воспитательного процесса”/5/.

Таким образом, вовлечение выпускника во все виды работ вызывает много трудностей.

В результате анализа трудностей начального периода работы учителей можно сделать следующие выводы.

1. Степень готовности начинающих учителей оставляет желать лучшего, так как они не могут использовать все возможности для установления тесных контактов как с коллегами, так и с учениками. Уровень готовности многих учителей к общению разный, поэтому и взаимодействие происходит по-разному.

2. “Вхождение” в педагогическую профессию определяется реальной ситуацией деятельности, характером взаимодействия с детьми, коллега-

ми, родителями на основе общения, и определяется такими показателями и критериями, как сформированность профессионально-коммуникативных умений, соответствующая оценка и положительный стиль общения.

3. Проявляется неадекватность самооценки общения с детьми, несогласованность с реальными коммуникативными умениями, уменьшается роль общения в профессиональном становлении учителя.

4. Самооценка общения учителей-стажёров с учениками является “связующим звеном” между коммуникативными умениями и стилем общения, причём на первом месте стоит положительный стиль общения.

5. Стиль общения молодого учителя с детьми на основе профессионально-коммуникативных умений и самооценки общения отражают индивидуально-педагогические особенности и личностные качества молодого специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершиловский С.Г. *Психолого-педагогические проблемы деятельности молодого учителя*. - Л.: Ленинградская орг-ция о-ва “Знание” РСФСР, 1983.-32с.
2. Гильмеева Р.Х. *Профессионализм учителя в социологическом измерении*// Социс.- 1998. - № 11.
3. *Диагностика успешности учителя: Сб.метод.материалов для руководителей школ/ Сост. Т.В. Морозова. – М.: Образоват. центр “Педагогический поиск”, 1997. - 94 с.*
4. Зимняя И.А. *Педагогическая психология: Учебник для вузов.- 2-е изд., доп., испр. и перераб. - М.: Издательская корпорация “Логос”, 1999. - 384с.*
5. Лушиников И.Д. *Профессиональная адаптация выпускников пединститута. - М.: Прометей, 1991. - 208 с.*
6. Подласый И.П. *Психология и педагогика: Учебн. пособие. -М.: Центр, 1996. – 332 с.*
7. Портнов М.Л. *Уроки начинающего учителя. -М.: Просвещение, 1993. - 93[2].*
8. Тарасов В.В. *Каким быть учителю в новой школе. -М.: Педагогика, 1992. - 157с.*
9. Христова П.В. *Подготовка будущего учителя к анализу и самоанализу профессионально-педагогической деятельности: Авторефер. дис... канд. пед. наук. - Челябинск, 1996. - 24с.*

Е.А. Корикова

СИСТЕМА ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ ВЛ. ХОДАСЕВИЧА

Цель данной статьи - описать систему предметных фразеологизмов, использованных в поэтическом творчестве Вл. Ходасевича, фразеология которого не подвергалась анализу.

В стихах Вл. Ходасевича предметные фразеологизмы создают особый мир, ограниченный тематикой творчества поэта. В поэзии Вл. Ходасевича представлены конкретный и абстрактный предметные миры. Так как для поэта важна его внутренняя жизнь, он часто обращается к абстрактным понятиям для передачи своих мыслей. Такие темы его творчества, как тема жизни и смерти, тема любви, тема поэта и поэзии, тема одиночества требуют для своего раскрытия абстрактной лексики и фразеологии.

Ходасевич очень мало использует фразеологизмы, называющие конкретные бытовые предметы. Для него важна интеллектуальная сфера человеческой жизни, а не бытовая.

Мир, очерченный предметными фразеологическими единицами, имеет поэтическую окраску, каждый предмет - художественный образ, который имеет ценностный характер в системе образов Вл. Ходасевича. Таким образом, фразеологизмы с предметным значением, входя в художественную структуру произведения, очерчивают авторскую картину мира, авторскую концепцию.

Предметные фразеологизмы включают субкатегории неодушевленности и одушевленности. Фразеологизмов со значением предметности субкатегории неодушевленности в картотеке почти в два раза больше, чем фразеологизмов субкатегории одушевленности.

Примерами фразеологизмов субкатегории неодушевленности могут быть следующие единицы, использованные поэтом в своем поэтическом творчестве: *хлеб да каша, царская порфира, черный гроб, черный катафалк, первый снег, бездонная синева, дно морское, Красное море, злая правда, непорочное слияние, первый лавр, юркий бес, козлоногий бог, венчик мучений, победный венец, вечерний час, час смерти, тайные слезы, желанное свидание.*

Фразеологизмы субкатегории неодушевленности делятся на две подкатегории – конкретности и абстрактности.

Подсубкатегория конкретности немногочисленна (*медные струны, брачные одежды, перочинный нож, сладкое зелье, кисейная фата, сизый туман, золотое светило, черная туча, дальний край, берег морской, край земли*). В этой подсубкатегории мы выделили три семантические группы.

Семантическая группа фразеологизмов, обозначающих предметы, созданные руками человека (артефакты): “Мои поля сыпучий пепел кроет, \ В моей стране погашен страдальный день / Сухую пыль соха со скрипом роет, \ И ноги жжет **затянутый ремень**” (*Молодость*) “Царевна ходит в **красном кумаче**” (*Счастливый домик*). “Я играю – от бездельца \ В **обручальное кольцо**” (*Молодость*). “Как перья страуса на **черном катафалке**, \ Колышутся фабричные дымы” (*Счастливый домик*). “На **спичечной коробке** - / Смотри-ка – славный вид: / Кораблик трехмачтовый / Не двигаясь бежит...” (*Путем зерна*).

Семантическая группа фразеологизмов, называющих место. В поэтической фразеологии Вл. Ходасевича преобладают фразеологизмы, называющие потусторонний мир, места обитания богов или места, связывающие живых с мертвыми. Например: “**Дорогой снов**, мучительных и смутных, \ Бреди, бреди, несовершенный дух \ О, как еще ты в проблесках минутных \ И слеп, и глух.” (*Путем зерна*). “Проникли в отдаленный мир: глухой старик ворчит сердито, \ Ладья скрипит, шуршит весло, да вопли – **с берегов Коцита**” (*Счастливый домик*). “В беззвездном **сумраке Эреба**, \ Вокруг певца сплетясь тесней, \ Родное вспоминает небо \ Хор воздыхаю-

щих теней” (*Счастливый домик*). “**Страна безмолвия !** Безмолвно отойду \ Туда, откуда дождь, прохладный и привольный, \ Бежит, шумя к долине безглагольной” (*Счастливый домик*). “Мельница забытая \ в стороне глухой” (*Путем зерна*). “Веду крысиный хоровод / **В страну мечтаний**, прямо, прямо, / Туда, где за городом ждет / Глубоко вырытая яма.” (*Я сердцеед, шутник, игрок...*).

Семантическая группа фразеологизмов, называющих природные явления. Фразеологизмы этой семантической группы обозначают солнце, зарю, небо, океан и другие натурфакты: “И кажется, что я – поэт, Воспевший **ситцевые зори ...**” (*Счастливый домик*). “Как замирает голос дальний, \ Как узок этот **лунный серп**, / Как внятно говорит ущерб, \ Что нет поры многострадальней” (*Счастливый домик*). “Но нет на ней оратора. А в небе \ Уже горит **вечерняя звезда**” (*Путем зерна*). “В ленте, медленно тающей, \ Озаренных туманов \ Словно блеск замирающий \ **Голубых океанов.**” (*Только вечером нежное...*).

Подсубкатегория абстрактности представлена в поэзии Вл. Ходасевича шире, чем подсубкатегория конкретности (*безутешное слово, мятежное слово, злое слово, горькое слово, знак заветный, тайные слезы, час смерти, последний сон, дурманный сон, горькая дума, смутная дума, тайная страсть, тайные томления*). Такие фразеологизмы называют понятия, которые обозначают действие или признак в отвлечении от производителя действия или носителя признака. Рассмотренный нами материал позволил выделить следующие семантические группы в подсубкатегории абстрактности: семантическая группа фразеологизмов, обозначающая рациональные понятия и семантическая группа фразеологизмов, называющих понятия эмоциональной сферы.

Семантическая группа фразеологизмов, обозначающая рациональные понятия, включает в себя единицы, которые могут обозначать любовь: “Не всем дается **первая разлука**, \ Как первый лавр, как **первая любовь**” (*Счастливый домик*). “Здесь, у этого колодца, \ Поднесла ты мне две розы, \ Я боялся **страсти томной** - \ Алых роз твоих не принял” (*Путем зерна*). “Ждет с **любовным треволнением**, \ Что приеду я назад, \ И взирает с нетерпением \ В супротивный циферблат” (*Шуточные стихотворения*). “Борис, удаляясь от супруги, \ Вспомни лобзания дев, босоногих, искусных в плясанье, \ Также в **науке любви**” (*Шуточные стихотворения*). “Ты о любви мне смятенно лепечешь \ Лепетом первой, **девической страсти**” (*Счастливый домик*).

Метафорически чувство любви называет окказиональный фразеологизм поэта “*вечерняя змея*”:

“Но нет, молчанья не нарушим, \ Чтоб клясть судьбу твою, мою, \ Лишь молча, зубы стиснув, душим \ Опять подкравшуюся к душам \ **Любовь – вечернюю змею**” (*Молодость*).

Любовь очень важная категория в творчестве поэта, Вл. Ходасевич воспринимает это чувство как приятное смятение души.

В семантической группе фразеологизмов, обозначающих рациональные понятия, особо выделяется подгруппа фразеологизмов, называющих интеллектуальные и речевые понятия. Эти фразеологизмы обозначают единицы речи. У Вл. Ходасевича поэтическое слово овеяно печалью, горечью. Для обозначения разновидностей слова он использует следующие фразеологизмы:

“Полно! Для желанного свиданья, \ Чтобы Дженни вновь была жива, \ Горестные нужны заклинанья, \ Слишком **безутешные слова**.” (*Счастливый домик*). “Я каждый шаг твой зорко стерегу \ Ты падаешь, ты шепчешь – я рыдаю, \ Но **горьких слов** расслышать не могу \ И языка теней не понимаю.” (*Счастливый домик*). “Ну и съели б одного другого: \ Кто бы это видел сквозь туман? \ А теперь, как вспомнишь, – **злое слово**. \ Хочется сказать: “Эх, капитан!”” (*Из черновиков*).

Фразеологизмы этой подгруппы могут называть произведения речи:

“Тогда из уст его, как дым \ Струятся **ситцевые шутки** \ И падают к ногам твоим \ Горошинки да незабудки.” (*Счастливый домик*). “Тенистый парк, и липы цвет, \ И все – как в **старых песнях** пелось, \ И ты, шепча “люблю” в ответ, \ Как дева давних лет, зарделась...” (*Молодость*). “Живу один, зову игрой \ Слова романсов, письма, встречи, \ Но горько вспоминать порой \ Свои **лирические речи**.” (*Счастливый домик*).

В семантической группе предметных фразеологизмов, обозначающих рациональные понятия, есть подгруппа фразеологизмов, называющих интеллектуальные понятия, показывающих размышления человека о себе и об окружающем его мире. Например:

“Но вдали от нашего селенья, \ Друг мой бедный, где бы ни был ты, \ Знаю тайные твои желанья, \ Знаю **сокровенные мечты**.” (*Счастливый домик*). “Как будто кто-то, грозный, темный, \ Крылами навеивает жар... \ В провалах **мысли иступленной** \ Горит невидимый пожар. (*У людей*). “**Горьки думы** о земном, \ О потерянном Великом \ Робко шепчут об ином \ Три свечи пред темным ликом.” (*Отшельник*). “Будь нетерпим и ненавистен, \ Провозглашая и трубя, \ Завоевание **новых истин**, – \ Они ведь новы для тебя.” (*Пока душа в порыве юном*).

В группе фразеологизмов, обозначающих рациональные понятия, мы выделили подгруппу фразеологизмов, номинирующих философские категории. Эти фразеологизмы раскрывают важные для поэтики Вл. Ходасевича категории бытия и небытия. Так, следующие фразеологизмы обозначают категорию бытия:

“Еще томясь в моем бессильном теле, Сквозь грубый слой **земного бытия**. Учись дышать и жить в ином пределе Где ты – не я.” (*Тяжелая лира*). “Вдруг умиленно слышу я / В нем заключенная биенье \ Совсем **иног бытия**.” (*Тяжелая лира*). “Что даже смертью, гордой, своевольной, \ Не вырвусь я; \ Что и она – такой же, хоть окольный, \ **Путь бытия**.” (*Путем зерна*). Небытие обозначают такие фразеологизмы: “Снова сердцу сужде-

на \ Радость мертвенная боли. \ Наша елка зажжена: \ Светлый знак о **смертной доле**.” (*Тяжелая лира*). “Из **черных бездн**, из предрассветной тьмы \ В иную тьму несутся с криком галки.” (*Счастливый домик*).

Семантическая группа, обозначающая абстрактные понятия включает в себя подгруппу фразеологизмов, называющих религиозные абстракции. Например:

“Нет, ты не прав, я не собой пленен. \ Что доброго в наемнике усталом? \ Своим чудесным, **божеским началом**, \ Смотри в себя, я сладко потрясен.” (*Путем зерна*). “Все былые страсти, все тревоги. \ Навсегда забудь и за-тай ... \ Вам молюсь я, **маленькие боги**, \ Добрые хранители мои.” (*Счастливый домик*). “Тогда встает в дали далекой \ Розовоперое крыло \ Ты скажешь : **ангел там высокий** \ Ступил на воды тяжело.” (*Тяжелая лира*). “И все исчезнет невозвратно \ Не в **очистительном огне**, \ А просто – в легкой и приятной \ Венецианской болтовне.” (*Европейская ночь*). “Эй, прохожий! прохожий! \ Видел **черта рогатого**, \ С размалеванной рожей, \ Матерого, мохнатого?” (*Молодость*). “И голосом отчаянья и веры \ Я закричал: “Сюда, ко мне, на помощь, \ Вы, силы светлые! Я здесь!” (*Сон*).

К семантической группе, обозначающей абстрактные понятия, примыкает подгруппа фразеологизмов, называющих время:

“И **целый день** обиженная бродишь \ Над озером, где ветер и камыш. \ И резвых игр, как прежде не заводишь, \ И песнями подруг не веселишь.” (*Счастливый домик*). “В моей стране – ни зим, ни лет, ни весен, \ Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей \ Там **круглый год** владычествует осень, \ Там – серый свет бессолнечных лучей.” (*Молодость*). “Велишь – молчу. Глухие дни настали! / **В последний раз** ко мне приходишь ты. \ Но различу за складками вуали \ Без милой маски – милые черты.” (*Молодость*). “И там, где червь слепой прокладывает ход, \ Оно **в заветный срок** умрет и прорастет.” (*Путем зерна*). “Горе нам, что по воле Божьей. В страшный час сей мир посетили!” (*Путем зерна*). “А день бежит, и доцветают розы \ **В вечерний, лунный, в безысходный час**, - \ И, может быть, рассерженные слезы \ Готовы хлынуть из огромных глаз.” (*Счастливый домик*).

Вторая семантическая группа подкатегории абстрактности включает в себя фразеологизмы, называющие понятия эмоциональной сферы. Фразеологизмы этой группы раскрывают область человеческих чувств. Человеческие эмоции могут быть положительными или отрицательными. Например, отрицательные эмоции раскрывают такие фразеологизмы:

“Встречали ль вы в пустынной тьме лесной \ Певца любви, певца своей печали? \ О, много раз встречались вы со мной, \ Но **тайных слез** не замечали.” (*Молодость*). “Что больше нет в саду цветов, \ В гостиной – нот на клавишине, \ И **вечных вздохов** стариков / О матушке – Екатерине.” (*Счастливый домик*). “Раскрыта дверь в полуподвал, \ И в сокрушении глубоко \ Четыре прачки, полубоком, \ Выносят из саней во двор \ На полотенцах гроб дощатый \ В гробу – Савельев, полотер.” (*Европейская ночь*).

Положительные эмоции в стихах Вл. Ходасевича обозначает небольшое количество фразеологизмов, так как поэту свойственно трагическое мироощущение. Радость обозначает, например, фразеологизм “*высокое веселье*”:

“Но есть высокое веселье, \ Идя по улице сырой , \ Как бы на новоселье \ Суровой праздновать душой.” (Из черновиков).

Фразеологизмы субкатегории одушевленности служат наименованиями живых существ (людей и животных), к этим фразеологизмам примыкают единицы, обозначающие части человека (*малое дитя, бедный сын, частный пристав, православный люд, честный человек, холодный пот, румяные уста, свободная душа, тлетворное дыхание, человечья плоть, черные муравьи, сторожевой пес, полевая мышь, белый голубь, вороной конь, полевые цветы, черная роза, серебряная роза, цвет липы*). В этой субкатегории выделяются четыре семантические группы: фразеологизмы, обозначающие человека по различным признакам (профессиональному, социальному, родственному, возрастному), фразеологизмы, называющие то, что примыкает к обозначениям человека (метафоричные названия частей тела человека), фразеологизмы, обозначающие животных, фразеологизмы, называющие растения.

Внутри семантической группы фразеологизмов, называющих человека, можно выделить фразеологизмы, называющие человека по профессии, например, фразеологизмы “*певец любви*” и “*певец печали*” обозначают метафорически самого поэта:

“Встречали ль вы в пустынной тьме лесной \ **Певца любви, певца своей печали?**” (Молодость). Фразеологизм “*мастер гробовой*” обозначает профессию гробовщика: “*Я знаю: рук не покладает \ В работе мастер гробовой.*” (Из черновиков). Людей по родству называют следующие единицы: “Добрая мама! Надень-ка ты старый салопчик, \ Да пойди помолись Ченстоховской \ **О бедном сыне** своем.” (Молодость). “Не одурманен славы чадом, \ Пусть не был он **родным ей чадом**, - \ А все ж потомство с гордым взглядом \ К нему два века ходят в дом.” (Шуточные стихотворения). По возрасту человека обозначают такие фразеологизмы: “И целый день потом с улыбкой простодушной. \ За **Хлоей маленькой** бродить по площадям, \ Внимая шепоту: ты милый, ты послушный, \ Приди еще – я все тебе отдам.” (Тяжелая лира). “Лейте женам, пейте сами, \ Лейте **девам молодым.**” (Тяжелая лира).

В семантическую субкатегорию одушевленности входят также фразеологизмы, называющие группу людей:

Чуть воют псы сторожевые \ Сегодня там же, где вчера, \ **Кочевий скудных дети** злые, \ Мы руки греем у костра. (Тяжелая лира), и фразеологизмы, в состав которых входят обращения к человеку, богу или животному: Так пой, скрипи, шурши **дружок сердечный**, \ Пока огонь последний не погас! \ Ну, поскрипи, сверчок! Ну, спой, **дружок запечный!** \ **Дружок сер-**

дечный, спой! Послушаю тебя, \ И, может быть, с улыбкою беспечной \ Припомню все: и то, как жил любя...”*Молодость*).

Фразеологизмы в стихах Вл. Ходасевича называют такие части тела человека, как губы: ”От морских прозрачных испарений \ Солоны края **румяных уст**.” (*Европейская ночь*), глаза: ”Нечистый взор моих **земных очей**, \ Но пламенно оттуда проступает \ Венок из звезд над головой моей.” (*Тяжелая лира*), плечи: ”С той поры люблю я, Брента, \ Одинокие скитанья, \ Частого дождя кропанье \ Да **на согнутых плечах** \ Плащ фразеологизмов из мокрого брезента.” (*Путем зерна*), зубы: ”Весь день на палубе лежал, \ Молчал – и **желтыми зубами** \ Мундштук прокуренный кусал.” (*Европейская ночь*).

Фразеологизмы семантической группы, называющей животных, могут быть средством номинации разных животных: собак: ”Он пристал к **бездомной собаке** \ И за ней слонялся весь день, \ А под вечер в приморском мраке \ Затерялся и пес, как тень.” (*Европейская ночь*), летучих мышей: ”Оглушительной тишиной, \ Слышу лет **мышей летучих**, \ Слышу шелест лап паучьих \ За моей спиной.” (*Европейская ночь*), птиц: (Ты комкаешь платок в руке, \ Сверкает, точно нож, зарница - \ И заунывно вдалеке \ Курлыкает **ночная птица**.” (*Счастливый домик*).

Отдельную семантическую группу субкатегории одушевленности составляют фразеологизмы, номинирующие растения. Для примера приведем разные названия розы в стихах Вл. Ходасевича:

”Ты прижала прямо к сердцу – \ Восемь темных, **черных роз**.” (*Путем зерна*); ”Пересох давно колодец, Я ж лелею одиноко \ **Голубую розу** – старость.” (*Путем зерна*); ”Здесь, у этого колодца, Поднесла ты мне две розы. \ Я боялся старости томной – \ **Алых роз** твоих не принял.” (*Путем зерна*); ”Огибает высокий утес. \ И рыдает о грустной весне \ Над букетом **серебряных роз**.” (*Песня*); ”Скоро в домик мой сойдутся \ Все соседи и соседки \ Посмотреть, как я забылся. \ С **белой**, томной **розой** смерти.” (*Путем зерна*). Цветовые оттенки розы имеют символическое значение: ”красная роза” - символ любви, ”черная роза” - печали, ”голубая роза”, ”белая роза” - чистоты и смерти.

Таким образом, рассмотрев систему предметных фразеологизмов в стихах Вл. Ходасевича, мы можем сделать вывод, что предметные фразеологизмы являются очень важным художественным средством в поэтическом творчестве Вл. Ходасевича. Они живописуют абстрактные философские понятия, поэтически именуют человека и обозначают мир конкретных неодушевленных предметов.

Мир неодушевленных предметов в поэзии Вл. Ходасевича по количеству номинативных фразеологических единиц в два раза превосходит мир одушевленных предметов, что свидетельствует о субъективном, индивидуально-личностном характере поэзии Ходасевича, где главным действующим лицом является сам поэт, поэт-философ, поэт-мыслитель. Неоду-

шевленные предметы, составляющие фразеологическую картину мира Ходасевича, обозначают конкретные явления природы (натурфакты), место совершения поэтического действия, абстрактные понятия (рациональные и эмоциональные), а также предметы, искусственно созданные человеком (артефакты).

Одушевленный предметный мир в поэзии Вл. Ходасевича не столь разнообразен. В основном это наименования человека, которые в поэтическом мире Вл. Ходасевича осуществляются по различным признакам (профессиональному, социальному, родственному, возрастному), названия частей тела человека, несмотря на то, что в грамматическом плане они, безусловно, относятся к категории неодушевленности. В одушевленный предметный мир входят названия животных и растений.

Философские искания автора находят свое отражение, прежде всего, в предметной поэтической фразеологии. Семантическая классификация предметных фразеологизмов указывает на направление философских размышлений Вл. Ходасевича. Разделение фразеологизмов на одушевленные и неодушевленные помогает установить преобладание неодушевленных абстрактных фразеологических единиц, что, в свою очередь, указывает на особый характер образности автора: художественный образ у Вл. Ходасевича тяготеет к символу; уже одно это позволяет утверждать, что поэт был далек от реализма. Вл. Ходасевич рисует трагический мир своих чувств и впечатлений, найдя свое индивидуальное духовное пространство в промежутке между символизмом и реализмом.

Н.В. Кудрина

СОЕДИНИЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН: ДОСТОЕВСКИЙ И АХМАТОВА

Творчество великого русского поэта А. Ахматовой существует в контексте всей мировой культуры, в том числе русской культуры второй половины XIX века. А. Ахматова и Ф.М. Достоевский являются представителями разных эпох, не много можно найти прямых параллелей в их творчестве. Связь их творчества намного глубже – это связь между двумя великими представителями русской культуры, свое место в которой они оба осознавали.

Их объединяет и некая трагическая общность судеб, и высокое понимание своего гражданского и писательского долга. Оба они пережили гонения и неприятие со стороны высшей политической власти России. Оба познали славу и забвение, бедность и неприютность, оба имели отношение к тюремной жизни России: в годы политических репрессий Ахматова семнадцать месяцев провела в тюремных очередях (сын Анны Андреевны, Лев Гумилев, и муж, искусствовед Н.Н. Пунин, были репрессированы в

конце 30-х годов; первый муж, поэт Николай Гумилев, расстрелян в 1921 году. В поэме “Реквием” А. Ахматова писала:

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Сближает творчество и судьбы Достоевского и Ахматовой прежде всего то, что жили они в одном городе, образ которого вошел в их произведения. Знаковое выражение “Петербург Достоевского” в современной русской культуре перекликается с выражением “Петербург Ахматовой”. Анна Андреевна любила Петербург, изучала его архитектуру. Ахматовское видение Петербурга традиционно для всей русской литературы, оно идет от Пушкина. Но часто лексика и фразеология, которую она использует для описания города, по трагической эмоциональной окраске близка к восприятию Петербурга Достоевским:

“Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки...

(Белая стая).

Но ни на что не променяем пышной
Гранитный город славы и беды...

(Anno Domini).

...не ставший моей могилой,
Ты, гранитный, крошечный, милый...”

(Поэма без героя).

В первой части “Поэмы без героя”, которая носит название “Девятьсот тринадцатый год” или “Петербургская повесть”, Ахматова писала:

Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше,
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман.

Для Анны Андреевны “Достоевский и бесноватый” – Петербург, олицетворенный жизнью и творчеством Ф.М. Достоевского. Это образец редкого для Ахматовой словотворчества, когда существительное, называющее фамилию, переходит в разряд прилагательных и само становится средством характеристики другого существительного. Второе прилагательное в контексте является синонимом к первому, оно несет на себе двойную смысловую нагрузку: указывает на роман Ф.М. Достоевского “Бесы” и

показывает типичное психическое состояние великого прозаика.

Характерно, что Ахматова, пережившая со своим городом и его жителями трагические события 30-х и 40-х годов, приняла и советское название города – Ленинград – и ввела его в свои стихи. Этого не произошло с названием Царского Села, города ее детства и юности, которое никогда по-другому в ее поэзии не называлось.

Путь Ахматовой к русской классической литературе, в том числе и к Достоевскому, лежит через Пушкина, творчество которого она любила и серьезно изучала. Пушкинское отношение к жизни, пушкинский философский оптимизм спасали ее в самые тяжелые годы. Ахматова считала Пушкина основателем русской классической литературы, потому что он первый провел большую работу над поэтическим языком и впервые сказал о высоком предназначении поэта как гражданина.

Творчество Достоевского А. Ахматова считала пророческим и многое предопределившим в истории “настоящего, не календарного XX века”. Не случайно первую из “Северных элегий”, получившую название “Предыстория”, Ахматова начинает фразой “Россия Достоевского”. В “Предыстории” себя и свое поколение поэт включает в контекст исторического развития России конца XIX века: экономического (“Торгуют кабаки, летят пролетки, // Пятиэтажные растут громады, // В Гороховой, у Знаменья, под Смольным // Везде танцклассы, вывески менял...”); культурного (“Темнеет жесткий и прямой Литейный, // Еще не опозоренный модерном, // И визави меня живут Некрасов // И Салтыков...”); политического (“Полночь бьет. // Перо скрипит, и многие страницы // Семеновским припахивают плацем”). С самого начала все это объединено в одном фразеологическом концепте, равном по структуре назывному предложению: “Россия Достоевского”.

Используя прием умолчания, А. Ахматова не назовет больше в “Предыстории” фамилию Достоевского (как и фамилию Л.Н. Толстого, на которого укажет лишь ссылка на его героиню: “Ореховые рамы у зеркал / / Каренинской красою изумленных”). Но образ Достоевского пройдет через всю элегию: поэт назовет те знаковые понятия, которые связаны с именем и творчеством великого писателя. С этой целью Ахматова используется общеупотребительные фразеологизмы – топонимы. Это связанные с Достоевским места центра Петербурга: Гороховая улица, Знаменская церковь, Смольный собор; Старая Русса, где Ф.М. Достоевский жил в 70-е годы XIX в. и где происходит действие некоторых его романов, в том числе романа “Братья Карамазовы” (“А в Старой Руссе пышные канавы // И в садиках подгнившие беседки...”); Оптина пустынь, где Достоевский бывал в 1873 г., там же происходит действие ряда глав романа “Братья Карамазовы” (“Не с каждым местом сговориться можно, // Чтобы оно свою открыло тайну // (А в Оптиной мне больше не бывать)”); Баден-Баден, курорт в Германии, где происходит действие романа “Игрок” (в “Рулетенбурге”).

Показывая себя мастером исторической живописи, Анна Андреевна смешивает в элегии разные временные пласты. Одним из духовных связующих звеньев между лирической героиней Ахматовой и Россией Достоевского становится Оптина пустынь (хотя остается не установленным факт посещения пустыни самой Ахматовой). Другим таким связующим звеном становится образ “женщины с прозрачными глазами”, который вплетается в культурно-исторический пласт России 90-х годов XX века. Это образ матери поэта Инны Эразмовны, представительницы русской дворянской интеллигентской семьи конца XIX – начала XX века, которая воспитывала в детях высокий строй души и патриотизм.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,
Ненужный дар моей жестокой жизни...

Начиная с описания шумного Петербурга, Ахматова постепенно переходит к описанию провинциальной Старой Руссы “... стекла окон так черны, как прорубь, // И мнится, там такое приключилось, // Что лучше не заглядывать, уйдем”, - и возвращается к Петербургу с его Семеновским плацем, где выносили приговоры, в том числе смертные, как прообраз будущих массовых казней (“Перо скрипит, и многие страницы // Семеновским припахивают плацем”).

Страну знобит, а омский каторжанин

Все понял и на всем поставил крест, -

так пишет Ахматова о пророчестве Достоевского по отношению к трагическому будущему России.

Анна Андреевна, используя свойственный ей прием поэтического иносказания, не называет фамилию великого писателя, но с помощью номинации (“омский каторжанин”) указывает на него.

Объединяет Ахматову с Достоевским и такая категория культуры, как осознание своего гражданского долга перед Родиной. Тема судьбы России вошла в поэзию А. Ахматовой со стихов о первой мировой войне и стала одной из главных в ее творчестве. Ее стихи затрагивают широкий спектр жизни России XX века, в них отразилось то, что со всей страной пережила Ахматова: поражение русского флота в Цусимском сражении, две мировые войны, голод, блокаду, аресты и потерю близких. Она по праву писала в 1961 году:

Нет, и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Традиционное для представителей русской литературы высокое осознание своего предназначения и места в русской культуре, которому А. Ахматова не изменяла никогда – вот что прежде всего объединяет ее творчество с творчеством Ф.М. Достоевского.

Т.Г. Лазарева

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ШОТЛАНДИЯ В БАЛЛАДЕ “ГЛЕНФИНАС”

Баллада Вальтера Скотта “Гленфинлас” впервые была опубликована в сборнике Мэтью Грегори Льюиса “Чудесные рассказы” (1801), затем в третьем томе “Песен Шотландской границы” (1803), и в составе этого сборника переиздавалась в течение многих лет. Свое первое оригинальное произведение поэт собирался представить на суд читателей как перевод с гэльского в духе поэзии Оссиана и поэтому считал себя вправе “не подражать старинному языку и грубой рифме средневековых менестрелей”.

Баллада представляет собой форму плача, который поется пожилыми людьми клана над телом погибшего воина. Скотт вводит не только первую строку ритуального плача: “O hone a gie! O hone a gie!” (“Погиб вождь!”), но и ноты его мелодии. Стиль плача соблюдается в первых пяти и последних пяти строфах (всего в балладе 59 строф). Рассказ о произошедшей трагедии (49 строф в середине произведения) ведется от третьего лица. В результате такого смещения точек зрения возникает иллюзия “близкого” времени – только что развернувшейся перед нашими глазами драмы. Этой иллюзии помогает и современное, по мнению Б.Г. Реизова, стихосложение – четырехстопный ямб с мужскими рифмами.

Стиль баллады неоднороден - от народного плача Скотт переходит к балладному изложению событий, которое перемежается лирическими описаниями природы и чувств героев.

Балладу предваряет прозаическое предисловие, в котором Скотт излагает легенду, послужившую основой для его поэтического вдохновения и одновременно разъясняющая происхождение топонима Гленфинлас. Народное предание гласит, что двое горцев-охотников вынуждены были провести ночь в глухом лесу в одиноко стоящем охотничьем домике (*bothy*). Они весело проводили время над жареной олениной и кружкой виски. Один из охотников с сожалением сказал, что для счастливого завершения пирушки им не хватает прекрасных девушек. Не успел он вымолвить свое желание, как в избушку вошли, танцуя и напевая, две красивые девушки в зеленом наряде. Один из охотников, соблазненный “сиреной”, сосредоточившей все свое внимание на нем, вышел из избушки. Другой охотник остался, не доверяя прекрасным соблазнительницам, и продолжал играть на лире и петь гимны в честь Девы Марии. Наконец наступило утро, и

искусительница исчезла. Отправившись в лес на поиски друга, охотник нашел лишь кости несчастного. Его разорвал на части и сожрал демон, чарам которого он поддался. С тех пор, сообщает Скотт, это место стали называть Горная Долина Зеленых Дев (*Glenfinlas*).

Стихотворную обработку предания Скотт включает как составную часть похоронного плача (*coronach*) по лорду Рональду и, насыщая его бытовыми деталями, создает зарисовку из шотландской жизни, связанную с верованиями шотландцев. Это не случайно, поскольку баллада была предназначена для сборника Льюиса, который должен был называться “Страшные рассказы” (*Tales of Terror*), но затем был переименован в “Чудесные рассказы” (*Tales of Wonder*).

По признанию Скотта, сюжет баллады не соответствует духу времени, к которому отнесены описанные события, лишь в одном моменте. В древние времена горные вожди, решив поохотиться на бурого оленя, не удалялись в одиночку в лесную хижину и не доверяли удачу на охоте только своим силам, не прибегая к помощи других и не имея хотя бы одного близкого слугу рядом. Они собирали весь клан, и все участники, образуя живое кольцо, называемое Тинчель (*Tinchell*), загоняли жертву, направляя ее в сторону наиболее прославленных охотников. Однако такой ход событий не удовлетворял Скотта, и поэтому он “закрыл” вождей Рональда и Мюя в заброшенной лесной избушке подобно современным охотникам за кропатками.

Такое признание Скотта нельзя рассматривать как свидетельство того, что он полностью выдумал легенду. Предание и сюжет баллады совпадают лишь в двух главных моментах – ночь в лесном домике и смерть охотника, а в развитии сюжета значительно отличаются, что демонстрирует силу поэтического вдохновения Скотта в начальный период его литературного творчества.

Необходимость изменения социального статуса охотников в балладе, очевидно, была вызвана стремлением Скотта изобразить сложное переплетение религиозных верований и норм повседневной жизни шотландцев, которая всегда сосредоточивалась вокруг главы клана. Отсутствие приближенных лиц рядом с вождями во время охоты необходимо было для изложения самых интимных желаний и чувств каждого, что не могло быть продемонстрировано при большом скоплении людей. Наполняя общую канву предания новой информацией, Скотт изображает все основные стороны жизни шотландца: смерть и похороны, отвергнутое сватовство и тайные свидания влюбленных, встреча друга и развлечения, охота и пир, морской промысел и военные походы против англичан. Быт шотландцев тесно переплетается с их религиозной жизнью, в которой язычество соседствует с христианством, вера в духов леса и воды находится в гармонии с верой в святых и Деву Марию.

Образы двух вождей очень колоритны и типичны для Шотландии. Оба

молоды, храбры, сильны, оба сльвут прекрасными охотниками и доблестными воинами. В первых строфах плача рассказывается о доблести лорда Рональда в битвах с англичанами и о его веселом нраве. Лорд Мой, вождь с северных островов, видимо, ничем не уступал Рональду, поскольку последний принимал его со всеми возможными почестями и “немало кубков в его честь поднял”. Но при всей их похожести они представляют собой совершенно два разных типа характера, которые обусловлены не столько темпераментами, сколько жизненным опытом.

Рональд весел, горяч, наслаждается жизнью и совершенно не думает о будущем. Он влюблен и не намерен сдерживать свои порывы: несмотря на грозное предупреждение Мери, он ночью покидает лесную избушку, спеша на свидание к красавице Мери, дочери грозного Гленгайла (*Glengyle*). Рональд прекрасно знает, что грозный властитель этих земель против его сватовства, но его останавливает лишь сестра девушки, которая стережет Мери, не спуская с нее глаз.

Давно я добиваюсь сердца милой Мери,
Роняю слезы и тяжело вздыхаю,
Но тщетны все ухищрения влюбленного
Из-за внимательных глаз сестры.

Он просит друга отвлечь внимание прекрасной охранницы, когда девушки появятся в избушке, чтобы он с Мери мог “*улететь*”. Если же красавица откажется уехать с ним, то он возьмет за руководство к действию принцип Святого Орана. К этой строке Скотт дает примечание, в котором сообщает, что Святой Оран строго соблюдал целибат, и даже после его смерти ни одной женщине не разрешалось ни преклонить колена в часовне на кладбище, где он похоронен, ни быть похороненной там. Другими словами, настолько сильна страсть молодого вождя, что он готов остаться без жены в случае отказа возлюбленной. Он прекрасно осознает опасности и быстротечность счастья в этой жизни, поскольку в битве его кровь “может окрасить клинок англичанина”, но пока он жив, его кровь всегда будет бурлить от радости ощущения каждого мгновения жизни.

Один наслаждайся своими жуткими видениями,
Несчастный пророк горестного часа!
Скажи, неужели мы должны презреть
Быстротечные минуты радости
Только потому, что завтра может разразиться буря?

Лорд Мой уже более искушен в превратностях судьбы, он познал огромное горе гибели своей возлюбленной, взамен счастья с которой ему был дан дар ясновидения:

Когда над горестным вереском,
В котором утонули мои надежды на любовь и славу.
Я заставил лиру разнести мои отчаянные стенания –
Ко мне пришел дар ясновидения.

Несмотря на материалистическое объяснение сверхъестественного дара, которое Скотт приводит в примечании к этим строкам, пророчество Мой оправдывается самым невероятным образом. Лорд Мой приехал с острова, где родился Святой Коламба (*St. Columba*), то есть с острова Иона (Гебридские острова), и, совершенно естественно, там он приобрел чудесный дар, но не это было самым ценным в нем, как отмечается в балладе: он научился извлекать из своей лиры гармоничные звуки, что, по мнению древних, было сродни волшебству и всегда сопровождало пророческий дар.

Мой был наделен и интуицией, и знанием природы духа и материи, и смог по поведению собак понять, что с Рональдом что-то случилось, и что пришедшая к нему дева-охотница – лишь оболочка для водяного духа: с ее зеленой одежды спадали капли воды; казалось, все ее одеяние было мокрым; холодны были ее щеки. Прекрасная незнакомка пыталась соблазнить оставшегося одного в хижине охотника. Но Мой смог устоять перед чарами незнакомки и, чувствуя неладное, предложил сначала прочитать молитвы и поцеловать святое распятие. Отказ девицы рассеял все сомнения: он вспомнил, что прекрасное лицо незнакомки он видел в клубящемся дыме того погребального костра, что она летала вокруг него “на крыльях ветра”, он догадался, что госпожа ее – Фея Воды, а повелитель – Князь Тьмы. В том, как Мой решил избавиться от демона, отражаются религиозные верования шотландцев, построенные на органичном включении язычества в христианское учение: он трижды произнес молитву Святому Орану и трижды молитву Святому Филлану (которые, как отмечает Скотт в примечаниях к этим именам, сами во многом были язычниками), потом повернулся к востоку и запел старинные заклинания против ведьм. И когда ветер подхватил эти странные дикие напевы, Дух стал расти, пока не достиг крыши и, смешавшись с разразившейся бурей, вылетел с диким воем. Так получилось в балладе, что языческие знания о мироздании гораздо более эффективно помогли шотландцу выжить, чем нововведенная христианская религия, из которой он почерпнул только то, что согласуется с его представлением о мире и природе духов. В последующих произведениях Скотт будет более настойчиво проводить мысль о превосходстве идей христианства над язычеством.

Таким образом, нельзя игнорировать тот факт, что через образы баллады, обрамленной похоронным плачем, Скотт не только отразил страшный сюжет, заказанный ему Льюисом для сборника, но и показал типичные характеры горных вождей, нарушив при этом некоторые элементы этикета того времени, а также тот уровень религиозного сознания горца, когда страх перед духами природы и власть над ними гармонично сочетаются с верой в христианских святых и Деву Марию. Уже в самом первом поэтическом произведении Скотта возникает довольно цельная мозаичная картина клановой жизни горцев, позволяющая читателю, не знако-

тому с шотландской культурой, взглянуть на нее хотя бы из любопытства, которое всегда вызывает сверхъестественный элемент.

В.А. Лебединская, Т.Калиева

ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В составе русской фразеологии достаточно активным компонентом фразообразования являются прилагательное как часть речи и слова, близкие к нему: причастия как гибрид прилагательного и глагола, порядковые числительные как гибрид числительного и прилагательного, местоименные прилагательные как особые слова, указывающие на признак, но не называющие его. Назовем эти компоненты словами-определителями, ибо они занимали в словосочетании, подвергшемся фразеологизации, позицию согласованного определения. Такие слова-определители внесли свою лепту в формирующиеся фразеологизмы в виде отдельных сем целостного фразеологического значения.

Фразообразующая активность слов-определителей различна: прилагательные разных разрядов – качественные, относительные, притяжательные – вдвое превосходят по фразообразующей продуктивности другие разряды слов, близких к прилагательному, – причастия, порядковые числительные, местоименные прилагательные.

При формировании значения фразеологизма на основе нефразеологического словосочетания каждое слово этого словосочетания утрачивает семантическое ядро, сохраняя отдельные специфические семы, из которых возникает новое ядро всей фразеологической единицы (А.М. Чепасова). Все имена прилагательные, преобразуясь, становятся компонентами фразеологизма с качественным типом семантики.

Наиболее представленной группой прилагательных, входящих в состав фразеологизмов, являются качественные: *белый, большой, вежливый, высокий, голый, горячий, жесткий, искусный, ложный* и др.

Среди относительных прилагательных, участвующих в образовании фразеологизмов, насчитывается 44 лексемы: *русский, материнский, родительский, смертный, собственный* и др.

Притяжательных прилагательных в составе качественно-обстоятельственных фразеологизмов встретилось гораздо меньше.

Среди собственно прилагательных большими фразообразовательными потенциями отличаются качественные прилагательные. В нашей картотеке зафиксировано 356 фразеологизмов, образованных бывшими качественными прилагательными. Это такие фразеологизмы, как: *ад кромеиный, белая ворона, блажим матом, бойкое перо, важная птица, валить с больной головы на здоровую, встать с левой ноги, до последнего вздоха, жи-*

вой рукой, задним умом крепок, как левая нога хочет, на равных правах, под пьяную руку, сесть на любимого конька, голубая кровь, от чистого сердца, широкая натура, ясное дело и др. под.

Разной фразообразующей активностью обладают отдельные семантические группы качественных прилагательных, обозначающие размер, вес, массу, пространственные и временные признаки, цвет, вкусовые ощущения, температуру и т.д.

По фразообразовательной активности качественные прилагательные распадаются на группы.

В первую группу мы включаем прилагательные с максимальными фразообразовательными возможностями. К ним относятся цветковые, размерные, вкусовые и температурные прилагательные. Кроме того, к таковым относятся прилагательные, обозначающие важнейшие философские понятия: добрый, злой, вечный, живой, мертвый: добрый – *добрые люди, добрые дела, с добрым словом обратиться, добрый конь, добрая душа, добрая половина*; злой – *злая фея, злое дело, злое слово, на работу зол, злая мегера, злые языки, смотреть злыми глазами*; вечный – *вечная жизнь, вечный студент, на веки вечные, вечную память петь, вечный двигатель, веки вечные, вечная история, вечные истины*.

В нашей картотеке зафиксированы следующие фразеологизмы с цветковыми прилагательными: **белый** – *белая ворона, белые мухи, белая кость, белое пятно, белый свет, доводить до белого каления, не жилец на белом свете, по белу свету*; **черный** – *в черном цвете, черный день, черная кость, черная кошка дорогу перебежала, черная неблагодарность, держать в черном теле, на черный день*; **розовый** – *видеть в розовом свете*; **голубой** – *голубая кровь*; **зеленый** – *до зеленого змия, елки зеленые, зеленая улица*; **желтая** – *желтый дом*; **красный** – *проходить красной нитью*; **синий** – *синий чулок, синяя птица, Синяя борода*.

Семантические группы качественных прилагательных, участвующих во фразообразовании, разнообразны.

Особой фразообразовательной активностью отличаются цветковые прилагательные. Фразеологизмы с компонентами «белый» и «черный»: прежде всего бросается в глаза возможность антонимизации фразеологических единиц за счет этих компонентов:

белый хлеб – черный хлеб; белая кость – черная кость; белая раса – черная раса.

Редко встречаются пары фразеологизмов с этими прилагательными, не вступающие в антонимическое противопоставление: *белый день – черный день; белый корень – черный корень; белый флаг – черный флаг.*

В современном русском языке существует огромное количество фразеологизмов с прилагательным “красный”. Они различаются компонентным составом, структурной организацией и семантикой, ср.:

Честное слово! Такие идеи проповедует... такие идеи! Совсем красный!

А знаете ли вы, Павел Иванович, друг мой, **кто красному рад**? Знаете кто? Хххе... Ответьте-ка! Вот вам и запятая, либералам! (А.П. Чехов. *Герой-барыня*). Всё ветхо стало да обнищало. Кто из прежних удалцов и молодцов жив остался, и тот теперь обнищал духом да зарпортовался. Прежде гнались за правдой, а нонче пошла погоня за словом красным да за копейкой, чтоб ей пусто было! Дух странный повеял! Горе, друзья мои! И я тоже, окаанный, не устыдился седин своих и тоже стал **за красным словом гоняться!** Нет, нет, да и норовлю в корреспонденцию что-нибудь этакое вковырнуть. (А.П. Чехов. *Корреспондент*). Встанешь, выпьешь холодного квасу и опять чики-чики... Слезешь потом с полки, как сатана красный... А вот это людская... Тут мои вольнонаемники... Зайдем? (А.П. Чехов. *Свистуны*). Бедняжка, **красная как рак** и вспотевшая, стояла в толпе и обводила умоляющими глазами все лица, ища избавителя. Она застряла в тесной толпе и, не двигаясь ни взад ни вперед, походила на птичку, которую сильно стиснули в кулаке. Увидев меня, она горько улыбнулась (А.П. Чехов. *Драма на охоте*). Приехав на Лопасню, нужно нанимать ямщика в Мелихово. Цена ямщику 1 р., а 1 р. 25 к.— **красная цена**. Если же предварительно напишете, то можем выслать своих пегасов, ибо оных имеем и всячески стараемся, чтобы они не ели овса даром. (А.П. Чехов. *Письма*). Я написал и уже послал в «Новое время» рассказ. То, что пишете Вы об «Огнях», совершенно справедливо. «Николай и Маша» **проходят** через «Огни» **красной ниткой**, но что делать? От непривычки писать длинно я мнителен; когда я пишу, меня всякий раз пугает мысль, что моя повесть длинна не по чину, и я стараюсь писать возможно короче. Финал инженера с Кисочкой представлялся мне неважной деталью, запружающей повесть, а потому я выбросил его, поневоле заменив его «Николаем и Машей». (А.П. Чехов. *Письма*). От нечего делать, чтобы хоть чем-нибудь убить время, он зашел в лавку, над дверями которой висела широкая кумачовая полоса. Лавка состояла из двух просторных, плохо освещенных половин: в одной продавались **красный товар** и бакалея, в другой стояли бочки с дегтем и висели на потолке хомуты; из той, другой, шел вкусный запах кожи и дегтя. (А.П. Чехов. *Степь*).

Вторая семантическая группа качественных прилагательных, проявивших активность в образовании фразеологизмов, обозначает в свободном употреблении размер, массу, вес: *большой, маленький, великий, малый, низкий, высокий, тяжелый, легкий* и т.п.

Так, с прилагательными “большой” в современном русском языке функционирует много фразеологизмов, например: *большое дело, большая часть, большая дорога, большая рука, большое сердце, смотреть большими глазами, большими делами ворочать, большому кораблю – большое плавание, большая буква, по большой нужде, погнаться за большим, выходить на большую дорогу, Большая земля, на большой палец, на большую ногу*.

С этим прилагательным конкурирует по фразеобразовательной актив-

ности прилагательное “великий”, ср.: *великий человек, велика важность, вершить великие дела, великий тигр, Великая Россия, великие мира сего.*

Прилагательные “маленький”, “малый”, “меньший”, имеющие противоположное размерное значение, также проявляют большую фразеобразовательную активность: *малым делом, песчинка малая, мал мала меньше, за малым дело стало, малая толика, малая земля, по малой нужде, малые дети, маленький человек, мое дело маленькое, маленькая буква, братья наши меньшие, меньшая часть.*

Третьей по фразеобразовательной активности оказалась группа качественных прилагательных, обозначающих состояние температуры: *теплый, горячий, холодный, ледяной: горячая голова, холодная голова, ледяной взгляд, горячие блюда, под горячую руку, холодный расчет, теплые отношения, окатить холодной водой, по горячим следам.*

Фразеобразовательная активность относительных прилагательных может быть охарактеризована как средняя: в нашей картотеке имеется 174 фразеологизма, включающих в свой состав относительное прилагательное. Если для качественных прилагательных характерна большая фразеологическая серийность (от одного прилагательного могут быть образованы сотни фразеологизмов), то относительные прилагательные входят, как правило, в состав одного фразеологизма, ср.: *аркадская идиллия, вчерашний день, в конечном счете, гусь лапчатый, дойная корова, как за каменной стеной, оборотная сторона медали* и т.п.

Как правило, относительные прилагательные образуются от собственных и нарицательных имен существительных или глаголов. Так, от имен собственных, географических названий, произошли следующие фразеологические единицы: *аркадская идиллия, аттическая соль, вавилонская блудница, вавилонское столпотворение, египетская казнь, китайская грамота, коломенская верста, московская штучка, тульский пряник, курские соловьи* и т.д. Одни из этих имен называют античные реалии (Атика, Аркадия, Вавилон, Египет), другие являются русскими топонимами (Коломна, Тула, Курск, Москва).

Нарицательные существительные мотивируют такие фразеобразующие относительные прилагательные, как *базарный, бедовый, грешный* и т.п.

Во фразеобразовании принимают участие притяжательные прилагательные разных типов.

Следует отметить прилагательные, образованные от имен собственных, называющих человека: *Авгий (авгиевы конюшни), Ариадна (ариаднина нить), Сизиф (сизифов труд), Ганнибал (ганнибалова клятва), Аред (аредовы веки), Ахиллес (ахиллесова пята), Буридан (буриданов осел), Валаам (валаамова ослица), Геркулес (геркулесовы столбы), Гордый (гордиев узел), Дамокл (дамоклов меч), Колумб (колумбово яйцо), Каин (каинова печать), Мамай (мамаево побоище), Кузька (показать кузькину мать), Маланья (как на маланьину свадьбу), Панург (панургово стадо), Валентин (валентинов*

день) и др. под.

Каждый из этих фразеологизмов имеет этимологию, связанную с человеком, имя которого вошло во фразеологизм.

Участвующие во фразообразовании притяжательные прилагательные могли быть образованы от нарицательных имен существительных, например: баба (*бабье лето, бабьи сказки*), бог (*божий свет*), черт (*к чертовой бабушке*), маменька (*маменькина дочка*) и т.п.

Прилагательные включены, как показывают наши наблюдения, во фразеологизмы разной структурной организации и семантико-грамматической принадлежности. Они входят во фразеологизмы в полной, (чаще), и краткой, (реже), форме.

Создавая форму фразеологизма, прилагательное утрачивает свою синтаксическую самостоятельность, перестает играть роль отдельного члена предложения. Создавая значение фразеологизма, оно утрачивает семантическую автономность и самостоятельность, внося во фразеологическое значение разнообразные семы.

В.А. Лебединская

СИЛА РУССКОГО СЛОВА

В последнее время обеспокоилась русская общественность ослаблением, засорением – порчей русского языка. Кое-кому кажется, что русский язык вот-вот погибнет, вот-вот перейдет в отрицательное качество.

Скажем сразу: не погибнет, не пропадет “великий и могучий”. Ведь сила его на самом деле велика, и она прежде всего в прозрачных и чистых его индоевропейских истоках, откуда у нас слова, необходимые по сей день: мать, солнце, семя, гость, два, дверь, день, держать, дерзать.

Основа нашего словарного фонда - наши древние непроемные слова - служат нам верно и праведно. На том стоим, на чем индоевропейцы, арии, древние наши предки, стояли. Оттуда текут в нашу речь, изрекаются наши главные слова. Изреченное – залог наших древних связей, которые в этой жизни, на изломе тысячелетий составляют языковую память нашего родства и являются основой нашего мирного, дружественного сосуществования с немцами и французами, итальянцами и испанцами, голландцами и шведами и многими еще народами, выходцами из индоевропейского истока.

Сила русского слова в его славянских корнях. Славянское братство языков ведет нас к братству народов. Мы одной славянской крови с поляками и болгарами, чехами и сербами, украинцами и белорусами. Нельзя прерывать языковые связи современным политическим недружелюбием. Украина и Белоруссия, сестры России, негоже ссориться, раздорами губить славянское братство. Вслушайтесь в слова, объединяющие нас с южными,

западными и восточными славянами: болгарин скажет *хлев*, украинец – *хлів*, поляк *chlew*, словак – *chliev*, русский произнесет так же, как и болгарин: *хлев*. Слово *хлеб* будет звучать в украинском *хліб*, в болгарском – *хляб*, в сербско-хорватском – *хлеб*.

Выстраиваются целые славянские цепи: русская *брынза*, украинская бринза, польская *brynza*, чешская *vynza* (заимствовано в сл. из румынского *brinza*); русское *вино*, украинское *вино*, болгарское *вино*, словенское *vinо*, польское *wino*, русское *десна*, словенское *dlesna*, словацкое *d'asno*, польское *dziasto*, русское *дыня*, украинское *диня*, болгарское *диня*, чешское *dyne*, польское *dynia*, русское *яд*, болгарское *ядът*, чешское *jed*.

И так от А до Я, во всех понятийных сферах, во всех стилях речи. Родные имена, родная славянская кровь. Помнить об этом надо всем: молодым и старым, политикам и бизнесменам, физикам и лирикам, отцам и детям, русским и украинцам, болгарам и полякам, чехам и словакам, сербам и хорватам...

Конечно, у родственных когда-то языков свой путь развития, своя история. Свой, достаточно противоречивый путь развития прошел русский язык: менялись звуки (*рука* – *рученька*, *друг* – *друзья*, *возить* – *везти*, *начинать* – *начать*, *звенеть* – *звонкий*, *блин* – *млеть*); морфемы (*пи-р*, *жи-р*, *дар*, *недоумевать*, *обезлюдеть*, *об-лако*); слова (ушли из языка: *смерд*, *боярин*, *офеня*, *брань* в значении *битва*, *сражение*, *хабить*, ср.: *похабить*, *испохабить*, *похабный*; *сей*, *оний*, *иже*; пришли в XX веке в русский язык: *наличка*, *безналичка*, *послеоттепельный*, *послепутчевый*, *послеельцинский*, *постперестроечный*; вернулись в современный русский язык: *обет*, *постриг*, *катехизис*, *ворожей*, *лицей*, *гимназия* и др.); фразеологизмы (устарели: *бить челом*, *целовать крест*, *ваше превосходительство*; пришли новые: *сесть на иглу*, *брать на арана*, *белые воротники*, *черный четверг*, *фильм ужасов*). Складываются по ходу истории ряды сложносокращенных слов, сменяя друг друга, несут вахту слова *ГБ* – *ГПУ* – *ОГПУ* – *НКВД* – *МГБ* – *КГБ*; *ГАИ* – *ГИБДД*.

Остановить прекрасное (и не прекрасное) мгновенье при помощи языковых знаков можно, однако остановить жизнь языка, закрепить его в каком-либо состоянии декретом, договором никак нельзя. Меняется жизнь – меняется мир – меняется язык... Язык, отличающийся динамичностью, открытостью, неравномерностью развития, сложностью и асимметричностью, вариантностью и устойчивостью, совершает медленно и неуклонно свое поступательное движение. Социальная стабильность в обществе способствует размеренному медленному развитию языка. Времена исторической социальной нестабильности, потрясений, переворотов, революций вызывают ускорение процессов языкового развития. В недавнем прошлом русский язык пережил три ускорения: в 18 в. (эпоха Петра Великого), в 20 в. (революции 1917 г.) и в конце 20 – начале 21 в. (наше смутное, нестабильное время). Каждое из этих ускорений сопровождалось быстрой мас-

совой неологизацией лексики и фразеологии и не менее активной ее архаизацией.

Наше беспокойное языковое время отмечено разнонаправленными бурными процессами. Коммунизация, советизация, политизация, идеологизация языка сменяются декоммунизацией, десоветизацией, деполитизацией и деидеологизацией. Налицо кризис в политической терминологии, которая подверглась архаизации, десемантизации, перестройке семантической структуры. Это привело к кризису таких наук (дисциплин), как марксизм-ленинизм, диамат, истмат, история КПСС. Из жизни уходят такие слова как *АПК* (агропромышленный комплекс), *ВПК* (военно-промышленный комплекс), *актив* (партийный, комсомольский, профсоюзный), *контрпропаганда*, *антисоветизм*, *антисоветский*).

На смену дехристианизации языка начала XX в. идет христианизация и рехристианизация русского языка конца XX в. Возвращаются к новой неоднозначной жизни такие слова, как *апокалипсис*, *обет*, *монах*, *приход* (*церковный*), *батюшка*, *пострижение*, *воскресение*, *великопостный*,... *сатана*, *святейшество*, *святить*, *Святки*, *сочельник*, *солея*, *клирос*, *всенощная*, *дьякон*. “Ренессанс” наступил не только в сфере христианства, но и во всех религиях, поэтому пошли в ход термины “сакрализация”, “десакрализация” и “ресакрализация” языков. Этот термин обобщает исламизацию, католизацию и т.п.

Следует добавить, что чрезвычайно активизировались в современном русском языке заимствованные приставки де- (*дебюрократизация*, *девальвация*, *деидеологизация*, *деимпериализация*, *деиндустриализация*, *декриминализация*, *демонополизация*, *демонтаж*, *деколлективизация*, *декриминализация*, *денационализация*, *деноменклатуризация*, *департизация*, *деполитизация*, *депортация*, *дестабилизация*, *десталинизация*, *дефляция*, *деформация*, *децентрализация*), ре- (*реинвестиция*, *репрезентативный*, *репрессии*, *реприватизация*, *рефинансирование*, *реформирование*).

Длинные, неуклюжие, большегрузные слова-мастодонты, они рождаются и живут только в научном, официально-деловом, публицистическом стилях, но, по-видимому, они необходимы нашему времени. Соперничает с ними приставка анти- (*антиалкогольный*, *антивирус*, *антигорбачевский*, *антиельцинский*, *антигуманный*, *антидемократический*, *антизабастовочный*, *антизаконный*, *антикоммерческий*, *антикоммунистический*, *антикризисный*, *антиконституционный*, *антимонопольный*.)

В язык слова вливаются целыми блоками – гнездами. Первый хорошо заметный блок связан с корнем секс (допустимо: сэкс, секс): *секспросвещение*, *сексвидеофильм*, *сексдайджест*, *секстренинг*, *секс-бум*, *секс-идол*, *секс-меньшинства*, *секс-революция*, *секс-символ*, *секс-туризм*, *секс-культура*, *секс-клуб*, *секс-магазин*, *секс-шоп*, *секс-бизнес*, *секс-бомба*, *сексуальный*, *сексология*, *сексопатология*, *сексотерапевт*, *сексапильный*, *сексуализация*, *бисексуальный*, *бисексуал*, *гомосексуал*, *гетеросексуал*.

Особняком под сенью молодежного жаргона сложился наркоязык: *аб-стак, аптека* (фармакологические средства как наркотики), *анаша, вдолбиться, вдувать, волокуша, гашик, глюк, глюкалово, глюква, гонец, доза, дозануться, дозняк, дрянь, дряп, иглиться, кайф, кайфовать, кайфить, кайфануть, кайфово, кайфолом, кайфоломка, соломка, таблетолог, таблеточник, транквилик* и т.д.

Широкая компьютеризация страны сопровождается созданием компьютерного языка. Новые словари русского языка создают компьютерные приложения, которые помогают входить в контакт с компьютероманами. Слова эти большей частью заимствованные и не освоенные русским языком: *BB, CD, CD-ROM, DOS, IBM, INTERNET, Macintosh, MS-DOS, NC, PC, Pentium, Soft, Unix, Windows*. Но освоение этих слов протекает достаточно активно, от этих слов образуются производные русские слова: *сидером, сидеромный диск, интернетовский, MS-досовский*. Сложился длинный словообразовательный ряд: *компьютер – компьютеризировать – компьютеризироваться – компьютеризация; компьютерный, компьютерщик*.

Вхождение России в мировой рынок повлекло за собой всеобщую “экономизацию” языка. Главные неологизмы XX в. – экономические термины. Появились *агрофирмы и агробанки, акцизы, авизо, акции, биржи, бюджет, валюта, ваучер, вексель, венчур, дотация, инвестиции, квота, концерн, лизинг* и т.д.

Особая любовь у русских экономистов к иностранным словам типа *коммерция, коммерциализировать, коммерциализация; маркетинг, маркетинговый, маркетингология, бизнес, бизнесмен, бизнес-вумен, бизнес-леди, бизнес-класс, бизнес-план, бизнес-право, бартер*. “Повезло” в русском языке *бизнесмену* – его со всех сторон окружили *бизнесменками и бизнесменшами*, которые вступили в конкуренцию с *бизнес-вумен и бизнес-леди*. Что ж, по этому поводу можно сказать только одно: наш язык (наше зеркало) зафиксировал не только экономические понятия, но и отразил определенный этап в развитии “женского вопроса” в России.

Лингвистический бум наблюдается в сфере юридических и политических терминов. Чуть ли не вся страна включилась в освоение юриспруденции и политики. Престижны вузы и факультеты, готовящие чиновников и политиков. Язык наш сегодня “переваривает” огромное количество юридических и политических терминов: *администрация, губернатор* (странно, что губерний нет), *мэрия, мэр, великороссы, великорусы, вердикт, вожак, вождь, лидер, гильдия, городская налоговая полиция, криминализация – декриминализация, демократы, деморосы, демосоциалисты, демохристиане, перестройка, нефтедоллары, наркорубли*. Народ успевает включиться в политическое языкотворчество и создает, как всегда, “обидные” слова: *дерьмократ, дерьмократия, катастрошка, жутики, тамиздат, самиздат, совок...*

Политические и бытовые архаизмы еще мелькают в публицистике: *ген-*

сек, ГКЧП, гэкачеписты, перестроечник, контрпропаганда, диверсия, ежовщина, неблагонадежность, общепит, обэхаэсник, очередь и под.

Лавинообразный характер современного русского словообразования, неустойчивость образовавшихся слов отмечают многие лингвисты. Особенно активизировались такие слова, как *рынок, перестройка, бомж*: *перестройка – перестроечный, доперестроечный, постперестроечный, контрперестроечный; рынок – рыночник, антирыночник, дорыночный, нерыночный, квазирыночный; бомж – бомжиха, бомжевать*.

Полемичные оценки у современных русских языковедов вызывает процесс заимствования слов из других языков. Заимствования в русском языке на пороге третьего тысячелетия многолики, разнонаправленны. В какой-то мере они необходимы, но в иных случаях необходимости в них нет, они имеют избыточный, манерно-претенциозный характер; в некоторых случаях они просто скрывают от непосвященных истинную сущность явлений. К примеру, кому и зачем понадобились слова *киллер, рэкетир, буттик, шоп* и им подобные?

Слова киллер и рэкетир призваны опоэтизировать бандитов и убийц, *бутики и шопы* свидетельствуют о необразованности русских предпринимателей, а *ваучер и консенсус* выполняют политическую функцию – скрывать от народа грабительский характер экономических реформ и расслоение нашего общества на сверхбогатых и нищих.

Язык наш не враг нам, он предупреждает нас о главных социальных опасностях и болезнях: *алкоголизация, наркоманизация, ваучеризация, долларизация, фашизация, олигархизация*. Все болезни общества нанизывает язык на одну словообразовательную модель.

А какие обобщения скрываются за существительными, образованными от имен собственных! Вы только послушайте: *брежневизм, горбачевщина* (как не вспомнить *пугачевщину* и *шариковщину*), *ельцинизм*... Закончен ли скорбный список? Кто следующий?

Неоднозначна так называемая демократизация языка. По существу, она привела современное общество к анархическому, свободно-разнуданному огрублению языка. Грязные потоки матерщины, тотальная жаргонизация всех стилей, жанров, видов и разновидностей речи делают проблему культуры общества, культуру речи ненужной, архаичной, “пуристской” и “пуританской”. Шквал сквернословия обрушивается на незащищенные детские души, на нежные сердца женщин, на старомодные “интеллигентские” души стариков. В демократическом обществе все оказываются беззащитными перед сквернословием, матом, нецензурщиной, уголовщиной. Все поставлено на мощную финансовую основу: словари мата, словари жаргонные сыплются как из рога изобилия. Об удивительной жизнестойкости жаргона пишутся научные дифирамбы, в этих дифирамбах плавают сомнительные речевые фигуры: “живительная свобода”, “мощная струя жаргонизмов”, “горнило живой русской речи”, “словесное

многоцветье”, “единая мозаичная система”, “безбрежный речевой океан” и т.д. и т.п.

Экстраполируется на это многоцветье прекрасный образ К.И. Чуковского: “живой как жизнь”. Читаешь и думаешь, что за этими словами: “... жаргон с большим трудом и напряжением прорывался сквозь кордоны цензуры и словесной полиции нравов, неусыпно следящей, правильно ли мы говорим”. Итак, за что борются, чему открывают дорогу популяризаторы жаргона? Читаем: “Ав-Ав, неизм. Угол. жарг. Шутл.-ирон. 1. Орогенитальные половые контакты... 2. Половой акт.” “Удмуртия, -ии, ж. Мол. Пренебр. Некрасивая девушка.”

Даже не вглядываясь в смысл, ощущаешь грубость, насилие, разнузданность за этими словами: хабалка, хабара, хабира, хабло, хав, хавалка, хавир, хаза, хайло, хайральня, хайфай, халтай, хамло, харево-порево, харка, хеврак... А если вглядеться в смысл? “Хабалка, -и, ж. Гом. Неодобр. Крикливый, скандальный гомосексуалист, который компрометирует своих пассивных партнеров, афишируя их гомосексуальность при посторонних.”

Никогда не было запрета на эти слова, никуда они не прорывались сквозь кордоны цензуры. За этими словами особая философия зла, насилия, разврата, пустоты души человеческой, цинизма, скверны. И вдруг придумывается “словесная полиция нравов”, ведутся защитительные речи в пользу длинных синонимических рядов, обозначающих мужской половой член, проституток, половые извращения и т.п. Может, не валить все в кучу, отделить козлов от козлиц, живительный поток человеческой речи от мутной грязи речи бесчеловечной? Нет, нельзя забывать, что язык обнажает душу человека, а душа бывает больной, уродливой, заблудшей, падшей, порочной, и отбор слов только на первый взгляд кажется простым выбором слов, а на самом деле это выбор жизненных принципов, выбор философии жизни, выбор ориентиров и ориентации, поэтому деление словарей на нормативные и ненормативные не отменить заботой о свободе слова.

В чем же все-таки сила современного русского слова? В том, что оно хранит мудрость вековую, чистоту человеческую, радость жизни, добро, любовь, красоту.

“Язык сам собою правит”. Язык не заблудится, сорняками не зарастет, от скверны избавится. Но помогать языку надо.

К концу XX в. встал, наконец, вопрос о государственности русского языка. Много устойчивых словосочетаний породило слово *государственный*: *государственный флаг, государственный гимн, государственный аппарат, государственная безопасность, государственная собственность*. И вот еще одно: *государственный язык*. Русский язык как государственный. Прокатившийся по России “парад суверенитетов” привел к размыванию понятия *государственный язык*. Государственными были объявлены татарс-

кий, башкирский, ингушский и др. под. языки. В России около 200 народностей. Сколько же в ней будет государственных языков? Сможет ли русский язык стать государственным в такой ситуации? Плохие советчики в этом деле как великороссы, так и русофобы. Россияне ищут решения проблемы государственного языка. Уверена, решение будет найдено правильное. Государственная языковая политика определяется сейчас федеральными целевыми программами “Русский язык”. Первая из них была реализована в 1996-2000 гг. Вторая была подписана президентом России в 2000 году и определила направления языковой политики на 2001-2006 гг. Утвержден “Перечень научно-исследовательских работ и мероприятий для проведения конкурса по федеральной целевой программе “Русский язык”. Научно-исследовательские работы включают в себя проблему развития русского языка как государственного языка РФ (изучение языковой политики и языковой ситуации в России, исследование сфер функционирования русского языка как языка межнационального общения, перспектив развития его государственных функций, гармонизации взаимоотношений русского языка и национальных языков в федеральных структурах России).

Предполагается активизировать исследования в области теории и истории русского языка, культуры речи.

Особого внимания заслуживает оценка качества и уровня владения русским языком у лиц, работающих в органах власти и средствах массовой информации, в ближайшее время планируется разработать квалификационные требования к владению русским языком.

Предстоит также усовершенствовать содержание образовательных программ, учебников, учебных пособий и учебных словарей по русскому языку, русскому языку как неродному, русскому языку как иностранному, русской литературе. Необходимо разработать инновационные технологии и методы обучения русскому языку для всех форм обучения и различных категорий обучающихся.

Выполнение этих задач придаст русскому языку силу и статус государственности.

М.И. Лебединская

ПРЕДМЕТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ К. БАЛЬМОНТА

К. Бальмонт, безусловно, является харизматической личностью. Это понятие введено в литературоведческий обиход словарем “Константы: словарь русской культуры”, автор которого – Юрий Сергеевич Степанов, филолог и философ, академик РАН, автор работ по вопросам теории и философии языка, истории культуры, получивших мировое признание /6/. В разделе «Человек, личность» в подразделе «Харизматическая личность»

автор поясняет, что этот концепт (харизматическая личность) в русской культуре – новый, и само словосочетание может рассматриваться как неологизм. Под харизматической личностью понимается личность нравственно обаятельная, увлекающая за собой других (слово «харизма» – греческое, в христианской религии оно стало означать «божий дар, благодать»). В современной русской жизни концепт «харизматическая личность» приобретает особое значение, так как многие мыслящие люди полагают, что русская жизнь регламентируется не столько законами, сколько влиянием харизматически одаренных личностей.

Имя Бальмонта в русском литературоведении подается как в пейоративном, так и в мелиоративном контексте. Ему воздавали и хвалу и хулу. Любопытную оценку творчества поэта дали другие поэты, его современники. Так, О. Манделштам считал, что “от Бальмонта с его горящими зданиями, мировыми поэмами, сверхчеловеческими дерзновениями и демонической самовлюбленностью осталось несколько скромных хороших стихотворений” /5/.

Пожалуй, самая развернутая характеристика творчества Бальмонта дана в критической статье изысканного поэта-эрудита И. Анненского: “Лирическое я Бальмонта... кажется мне очень интересным... Бальмонт хочет быть и дерзким и смелым, ненавидеть, любоваться преступлением, совместить в себе палача с жертвой и сирену с призрачным черным монахом, он делает кровавыми даже свои детские воспоминания, а между тем нежность и женственность — вот основные и, так сказать, определительные свойства его поэзии, его я, и именно в них, а не в чем другом, надо искать объяснения как воздушности его поэтических прикосновений к вещам, так и свободы и перепевности его лирической речи, да, пожалуй, и капризной изменчивости его настроений. Среди всех черных откровений бодлеризма, среди холодных змеистостей и одуряющих ароматов внимательный взор легко откроет в поэзии Бальмонта чисто женскую стыдливость души, которая не понимает всей безотрадности смотрящего на нее цинизма, хотя пытливому воображению и горячей голове кажется, что они уже давно и безвозвратно осквернены холодной скользкостью порока”. “Стих не есть создание поэта, он даже, если хотите, не принадлежит поэту. Стих неотделим от лирического я, это его связь с миром, его место в природе; может быть, его оправдание. Я поэта проявило себя при этом лишь тем, что сделало стих изысканно-красивым. Медленность же изысканной речи уже не вполне ей принадлежит, так как это ритм наших рек и майских закатов в степи. Впрочем, изысканность в я поэта тоже ограничена национальным элементом и, может быть, даже в большей мере, чем бы этого хотелось поэту: она переносит нас в златоверхие палаты былинного Владимира, к тем заезжим молодцам, каждое движение которых ведется по-писаному и по-ученому, к щепетливому Чуриле, к затейливым наигрышам скоморохов и к белизне лица Забавы, которую не смеет обве-

ять и ветер”. Так писал о своем собрате по поэтическому цеху другой поэт, его предтеча и современник, Иннокентий Аннинский.

“Переплеск многопенный, разорванно-слитный”. Не проще ли: *морегоре, волны-челны?* Катись, как с горы. Да, поэт не называет *моря*, он не навязывает нам моря во всей громоздкости понтийского впечатления. Но зато в этих четырех словах символически звучит таинственная связь между игрою волн и нашим я. *Многопенность* — это *налет жизни* на тайне души, *переплеск* — беспокойная музыка творчества; а *разорванная слитность* — наша невозможность отделить свое я от природы, и рядом с этим его непрестанное стремление к самобытности” /2/.

Были высказаны в адрес поэта и злобно-ругательные оценки: строфы, которые многословны и неприятно шумливы, даже неблагозвучны, которые далеки от поэзии и обнаруживают прорывы и провалы в рассудочную, риторическую прозу... в его книгах вообще очень много лишнего, слишком большое количество слов, не выдержан строй его капризной лиры, его слова и их сочетания заменимы, и пристального взгляда, требовательной критики они порою не выдерживают. И так далее, и тому подобное: “Вот у Бальмонта пьяна не только грамматика, и потому не выдержан строй его капризной лиры: автор пьян словами, охмелел от их звуковой красоты. Он упоенно заслушивается их, он их сплетает в свои любимые «напевности», нанизывает ожерелье красивых или искусственных аллитераций, звенит ими, играет — то флейта слышится, то будто фортепьяно... Лютуют водопады и каскады, буйно и гремуче низвергаются с высоты или переходят в «ручеечек, ручеек» и медленными строками замирают в каком-нибудь тихом внутреннем Амстердаме, в элегическом покое затона, и слышишь тогда, как «незримо порывается струна от неба до земли» /1/.

Приговор поэту в устах строгого критика был несправедлив и жесток: “Поэт воздуха, небрежный к смыслу, он беспечно предоставляет содержанию выявлять себя самому, без его писательской помощи, просто из комбинации звуков, которые дадут же, образуют в своем узоре какую-нибудь тему, — не все ли равно какую? Зачарованный словами, загнипнотизированный их певучей властью, он пускает поводья и отдается на волю ветра, с которым недаром так часто и восхищенно сравнивает самого себя. Хорошо, что сейчас мало кто помнит о временах, когда поэтам пытались поставить в вину “зачарованность словами, загнипнотизированность их певучей властью” /1/.

Закономерности формирования и функционирования поэтической речи могут быть выявлены при изучении идиостиля поэта, его главных составляющих — лексики и фразеологии. Цель данного исследования — построить модель предметного фразеологического мира на материале стихотворений К. Бальмонта, вошедших в сборники “Тишина” и “В небрежности”. Ко времени выхода сборника в свет тридцатилетний поэт был признанным мастером-символистом /3/.

Фрагмент картины мира, выраженный предметными фразеологизмами, представлен многоаспектно. Большое разнообразие семантики и структуры характеризует их, ср.: *боль Мира, вестник Мая, вольный ветер, Враги беспокойного мира, Голубиная книга, Голос Молчания, жар души, Звезды призрачных Небес, мечты без названия, Небесная кадьльница, Судьбы неправый суд, храм Гениев единственных, черная измена, темная ночь жизни, старая любовь, сказка морских глубин, властитель зла и ночи.*

Фрагмент индивидуальной картины мира начинается с описания предметных фразеологизмов, обозначающих конкретные предметы. Мир конкретных предметов состоит из натурфактов (*бледный серп луны, небесная кадьльница, звезда пустыни, оплоты мира, воздушный белый храм, огненный столб* и под.) и артефактов (*мертвые корабли, светлые одежды, белый парус, альпийский рожок*).

Поэт-философ, Бальмонт предпочитает чаще употреблять предметные фразеологизмы отвлеченной семантики. Тематика сборника выражена абстрактными предметными фразеологизмами, обозначающими философские, психологические, социальные понятия: *таинственный зов, правда небес, земная жизнь, сила жизни, сладкая смерть, Высший Сон, Безмолвный Глагол, немые голоса, Голос молчания, Египетские ночи, персидский ритуал, земная печаль* и т.п.

Особые участки предметной картины мира представлены вещественными: *плакун-трава*. (С той поры до дней текущих Только Правдой и жива Меж цветов и трав цветущих Жизни грусть, **плакун-трава**), *предвечные снега* (Где ласка горячего лета Лишь снится **предвечным снегам**) и др., и собирательными предметными фразеологизмами: *смертные Земли* (Внемлите, **смертные Земли**, Я Тот, Кто был, Кто есть, Кто будет), *люди родные* (**Людей родных** мне далеко страданье, Чужда мне вся Земля с борьбой своей), *дети Эфира* (И шепчут: «Мы—**дети Эфира**, Мы — любимцы немой тишины, Враги беспокойного мира, Мы — пушистые чистые сны») и др. под.

Первая закономерность описываемой подсистемы – преобладание одушевленных фразеологизмов над одушевленными. Одушевленные предметные фразеологизмы называют, в основном, вымышленных живых существ мужского и женского пола (*Гений Света, гений светлоокий, стихийный гений, Гений гор, светлый дух, белый призрак, сын Земли, Избранник Судьбы; Матерь Бога, незримая душой, чужая жена*), собирательные множества людей (*дети Эфира, смертные Земли, отверженные братья, люди первородные*). Четыре одушевленных предметных фразеологизма называют вымышленных символических животных: *лебедь белый, лебедь чистый, птица Стратим, венчаный змей*.

Весь этот вымышленный поэтом мир живых существ страдает, любит, мучается, бродит по земле и Небу небес, выполняя волю неистового Бальмонта:

“Из-за лесов и морей, Медлит на высях обрывистых гор, Смотрится в

зеркало синих озер, Мчится **Богиня Рассвета**... Да, все монахи твои — это не **тени согбенные**, Это не **темные сонмы рабов**, Лица их странные, между других—удлиненные, С жадностью тянутся к высшей разгадке миров”.

Вторая закономерность – четырехкратное преобладание абстрактных предметных неодоушевленных фразеологизмов над конкретными. Тематика сборников выражена абстрактными предметными фразеологизмами, обозначающими философские, психологические, социальные понятия: *таинственный зов, правда небес, земная жизнь, сила жизни, сладкая смерть, Высший Сон, Безмолвный Глагол, немые голоса, Голос молчания, Египетские ночи, персидский ритуал, земная печаль* и т.п.

Поэтический хронотоп К. Бальмонта создается названиями пространства и времени: *царство звезд, царство подводное, Царство белой смерти, царство живых видений, царством белых льдов, царство могилы, царство сказок и чудес, туманность эфира, нездешние миры, Золотая Звезда; непознанный час, темная ночь жизни, час успокоения, Балтийские воды* (**Стекло Балтийских вод** под ветром чуть дрожало) и мн. др.

Природа в сборнике “Тишина” редко выражена фразеологическими номинациями: *белый снег, вечный ветер, черная гроза, предвечные снега, тени Чудесного* и др. Особые чувства вызывало у Бальмонта море. “Море синее”, “море—вечное стремленье”, “пустыня ледяная”, “царство белых льдов”, “царство живых видений” и “царство белой смерти” всегда привлекали поэта, который слышал “сказку морских глубин”, сжился “душой морской с вечным ветром, с Морем синим”, “всегда свободный, всегда один”:

Я слышу **сказку морских глубин**,
Я царь над **царством живых видений**,
Всегда свободный, всегда один.
Я царь над **царством живых видений**,

О, **волны морские**, родная стихия моя,
Всегда вы свободно бежите в **иные края**,
Всегда одиноки в холодном движеньи своем,
А мы безутешно тоскуем — **одни и вдвоем**
Зачем не могу я дышать и бежать, **как волна**,
Я в мире один, и **душа** у меня **холодна**,
Я также спешу все в **иные, в иные края**,—
О, **волны морские**, родная стихия моя!
Море—**вечное стремленье**, горы—**царственный покой**.
Если ты стремишься к счастью, вверь ладью **волне морской**.

В этом синем царстве воображение поэта поразили мертвые корабли как символ несбывшихся человеческих мечтаний (Гуманные видения **Искателей земли** Для жадного стремления **Преграду** здесь **нашли**), поэту хо-

чется понять, что влекло людей на гибель:

Вьются хлопья, вьются, точно стаи птиц.

Царству белой смерти нет нигде границ.

Что ж вы здесь искали, выброски зыбей,

Остовы немые **мертвых кораблей?**

Созданная в сборнике “Тишина” картина предметного мира являет нам эстетику К. Бальмонта, выражает лирическое я поэта, позволяет нам увидеть мир в символах, создающих настроение огромного мира, в котором человек чувствует себя призраком, духом, Гением, погруженным в размышления, в чувства.

В построении формы предметных существительных принимают участие имена прилагательные.

Большая зыбкость прилагательного, а отсюда и его большая символичность, так как прилагательное не навязывает нашему уму сковывающей существенности, делает прилагательное едва ли не самым любимым словом Бальмонта.

118 качественных прилагательных создают предметные фразеологизмы, привнося в них цветовую символику (*черная гроза, черная измена, черная подземная пустыня, белый лебедь, белые крыла, белые цветы, царство белых снегов, светлая слава, светлые одежды, светлый гений, сын светлый, светлый сон, темная судьба, темная ночь жизни, темные сонмы рабов, синее Море, синяя безбрежность, синие дали, лазурная мгла*), звуковые эффекты (*даятель немых сновидений, немые голоса, немые корабли, тихое царство мертвых гор*).

Любимые прилагательные Бальмонта – вечный, предвечный, родимый, родной, чужой, нездешний (*чужая жена, чужая сторона, чужие края, родимая межа, тени родные, предвечные снега, предвечная завеса, нездешняя любовь, нездешние миры, нездешние цветы, вечная Красота, вечное счастье, вечная тревога*).

Спектр относительных прилагательных компонентов предметных фразеологизмов также многообразен: они вносят в семантическую структуру фразеологизма семы времени (*полуденный час, час вечерний, час ночной, вечерняя звезда, ночная тишина, липы вековые, полночный лес*), пространства (*земное страдание, пути небесные, обитель земная, земная жизнь, дальние страны, дальние звезды, волны морские, мирные нивы, небесная кадьница, неземные цветы, кошмар мировой*), отношение к стране, народу (*испанская столица, персидский ритуал, русские женщины, сон Египетских ночей*).

“Стих - это **новое яркое слово**, падающее в море вечно творимых”. Это и бесконечно новая поэтическая фразеология, неустанно создаваемая пульсирующей, творимой в процессе свободного художественного отображения реальной и вымышленной действительности мыслью поэта. Предметный мир, созданный поэтом-символистом, есть часть индивидуальной картины мира.

Конец 20 века ознаменован лексикографическим бумом: созданы или

создаются ортологические словари, продолжается работа над толковыми словарями, актуальной становится авторская лексикография.

Авторская, или писательская, лексикография может быть определена в целом как теория и практика создания словарей языка отдельных авторов. Теория авторской лексикографии охватывает широкий круг проблем: это определение статуса, объема, содержания данного научного направления, прагматической специфики авторских словарей, выявление макро- и микроструктуры таких справочников, их объяснительного аппарата, системно-типологической организации и т. д. Сюда же относятся и вопросы истории авторской лексикографии.

Предметом и целью авторской лексикографии является создание словарей языка отдельных авторов (“авторских подъязыков”). Рамки ее расширяются за счет произведений, отражающих в словарной форме, кроме собственно стилистико-языковых черт, образную систему автора, культурно-исторический фон, на котором осуществлялось его творчество, и т. д.

Авторские словари отражают языковое сознание, языковую картину мира отдельной личности. В качестве основной функции они выполняют функцию научно-описательную (в рамках более общей — справочной — функции, первой для словаря любого типа). В соответствии с этим определяется и основной адресат авторских словарей — лица, профессионально занимающиеся языком, специалисты-филологи и литературоведы.

Авторский словарь — это лингвистический монографический справочник объяснительно-фиксирующего характера, содержащий черты комплексного авторского словаря: он совмещает в себе элементы словаря языка (словаря-справочника) и словаря идиостиля (словаря поэтического словоупотребления).

В отечественной авторской лексикографии созданы основные типы и виды авторских справочников: словари лингвистические и энциклопедические, монографические и сводные, объяснительные и фиксирующие, нормативные и стилистические, и т. д. /4/.

Большим недочетом многих авторских словарей является неразграничение лексического и фразеологического состава произведений того или иного писателя, поэта. Изучение фразеологии К.Д. Бальмонта позволит создать материальную базу для авторского фразеологического словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. Бальмонт. Диск “Поэзия Серебряного века. Символисты”.
2. Анненский И. Бальмонт-лирик. Диск “Поэзия Серебряного века. Символисты”.
3. Бальмонт К.Д. В безбрежности. М., 1895.
4. Бальмонт К.Д. «Тишина». СПб., 1898
5. Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М., 1965.
6. Мандельштам О. Слово и культура // Сов. Юг, Ростов н/Д, 21 янв. 1922.
7. Степанов Ю.С.. Константы: словарь русской культуры. М. 2001.

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ “ДУША”, “ДУХ” В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

В произведениях А.С. Пушкина содержится большое количество фразеологизмов с компонентами “дух”, “душа”, которые придают национальный колорит всему творчеству поэта. Семантика этих фразеологизмов весьма разнообразна.

Так, в классе предметных объединяются фразеологизмы, которые обозначают предмет в широком значении этого слова. Предметные фразеологизмы распадаются на три субкатегории – лица, предмета и отвлеченного понятия.

Фразеологизмы первой субкатегории обозначают одно лицо, характеризуя человека:

- по гендерным признакам, например: *душа – девица*: “Ну, это, - говорит жених. – Прямая небылица! Но не тужи, твой сон не лих, Поверь, **душа-девица**” (*Жених*);

- по национальной принадлежности, например: *русская душа, жидовская душа*:

“Неужто ни одна **русская душа** не принесет достойной дани его памяти?” (*Письмо к П.А. Вяземскому. 25 января 1825 г.*); “Да знаешь ли, **жидовская душа**, Собака, змей! Что я тебя сейчас же На воротах повешу” (*Скупой рыцарь*).

К группе фразеологизмов, обозначающих одно лицо, относится и ФЕ *душа моя*, который употребляется как обращение и отвлечен от гендерных характеристик. Фразеологизм *душа моя* вводит нас в мир взаимоотношений поэта с близкими ему людьми: женой, братом, друзьями. Чаще всего А.С. Пушкин использует это обращение в письмах. Так, он пишет Н.Н. Пушкиной: “Ей богу, *душа моя*, я не с ними кокетничал, они со мной...” (22 сентября 1832 г.); “Благодарю, *душа моя*, за то, что в шахматы учишься” (30 сентября 1832 г.); “Прощай, *душа моя* – Христос с тобою” (30 сентября 1832 г.).

О теплоте его отношений с братом, Л.С. Пушкиным, свидетельствует частое обращение “душа моя”: “Надеюсь, что критики не оставят в покое характера Пленника, он для них создан, **душа моя**...” (Октябрь 1822 г.); “Прощай, **душа моя**! Если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю” (1 – 10 января 1823г.); “Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь в уксусе – да книг...” (14 марта 1825 г.).

Поэт с непосредственной искренностью обращается и к своим друзьям – П.А. Вяземскому, А.А. Дельвигу, П.А. Плетневу: “...ты будешь жить с княгиней прелестной; не верь ему, **душа моя**, и не ревнуй...” (7 июня 1824

г.); “Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, **душа моя**, под старость нашей молодости - как не воспомина- ниями?” (23 марта 1821 г); “Ах, **душа моя**, какую женку я себе завел!” (5 мая 1830 г.).

Обращение – фразеологизм *душа моя* поэт вкладывает и в уста лири- ческих героев своих произведений: “Это чудо знаю я Полно, князь, **душа моя**” (*Сказка о царе Салтане*); “**Душа моя**, граф Нулин...” (*Граф Нулин*); “Не тужи, **душа моя**” (*Сказка о царе Салтане*).

В группу фразеологизмов, обозначающих одно лицо, мы включили ФЕ, называющие богов (христианских, языческих), а также духов умерших людей. Их в нашем исследовании немного, например:

святой дух (в значении “одна из ипостасей Бога в христианской тра- диции): “... **святой дух** иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шек- спира” (*Письмо к П.А. Вяземскому. Апрель – первая половина мая 1824 г.*);

злой дух; дух нечистый; душа Мефистофиля – в значении “сверхъесте- ственное существо, заключающее в себе зло”: “**Злой дух** тревожил и сму- щал Его тоскующую душу” (*Руслан и Людмила*); “Хочу воспеть, как **дух нечистый** Ада Оседлан был брадатый стариком” (*Монах*); “Этот Герман, - продолжал Томский, - лицо истинно романическое: у него профиль На- полеона, а **душа Мефистофеля**” (*Пиковая дама*);

чета духов - в значении “Адам и Ева”: “**Чета духов** с начала мира, Без- молвная на лоне мира, Дремучий берег стережет...” (*Руслан и Людмила*);

В эту группу мы включили и фразеологизм *духовной скорби врач* в зна- чении *священник*: “Грехов могущий разрушитель, **Духовной скорби врач**, служитель За нас распятого Христа” (*Полтава*).

Фразеологизмов, относящихся к субкатегории предмета, в нашем ис- следовании практически нет. Непродуктивность компонентов “дух”, “душа” в образовании ФЕ, обозначающих неодушевленные предметы, мы объясняем, в первую очередь, семантикой самих компонентов, которые являются отвлеченными, абстрактными существительными, значения которых трудно поддаются толкованию и лексикографическому описанию.

Фразеологизмы субкатегории отвлеченного понятия, по нашим дан- ным, составляют больше половины единиц с семантикой предметности; они не единообразны по характеру выражаемых отвлеченных понятий и представляют собой совокупность тесно связанных между собой групп. Большую группу составляют фразеологизмы, обозначающие этические категории – ценности, нравственные качества. При этом большая часть ФЕ этой субкатегории не включена во фразеологические словари. Так, для обозначения идеала А.С. Пушкин использует следующие фразеологи- ческие сочетания:

идеал души; *светило души*; *божество души*: “Священный сладостный об- ман, **Души** волшебное **светило**...” (***) *Храни меня мой талисман*); “Свои ми- нутные виденья, **Души** неясный **идеал**” (“*Фонтану Бахчисарайского дворца*”).

Характеризуя героев своих произведений, раскрывая их внутренний мир, моральные качества, поэт использует следующие ФЕ: *прелесть души; беспечность души; слабость духа; меркантильный дух; подлый дух; нежность духа; благородство души; качества души; чернота души* и др., например: “И **твердостью души**, и смелостью ума. Как изумилася поэзия сама” (*Второе послание цензору*); “Тут был Проласов, заслуживший Известность **низостью души**” (*Евгений Онегин*); “Перед судом он оказал неожиданную **слабость духа**” (*История Пугачева*).

Вторую группу составляют фразеологизмы, обозначающие внутренний мир человека, психологическое состояние героев и самого поэта: *мир души; расположение духа; сон души; покой души; холод души; поэзия души* и др., например: “Боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела **поэзии души**” (*Письмо к В.И. Туманскому. 13 августа 1825 г.*); “И в шуме света, и в тиши Тревожат **сон моей души**” (*Евгений Онегин*).

Следующая группа фразеологизмов примыкает к предыдущей, т.к. входящие в нее ФЕ обозначают различные психологические оттенки, чувства, эмоции, переживания, например: *тоска души; мучения души; печаль души; муки души; душевная скорбь; мечты души; вздох души; души отрада; печаль души*. “Она отвергла заклинанья, Мольбы, **тоску души** моей: Земных восторгов излишня, Как божеству, не нужно ей!” (*К Языкову*); “**Души** глубокая **печаль** Стремится дерзновенно в даль” (*Полтава*).

Как видим, фразеологизмы этой группы помогают передать грустное, мечтательное, а порой и тоскливое состояние героев произведений А.С. Пушкина, его самого, что отражается и в переписке поэта.

Четвертую группу составляют фразеологизмы, обозначающие психологические способности, то, что побуждает к действию. В отличие от единиц третьей группы, ФЕ четвертой группы обозначают такие психологические качества, которые являются мотивами к действию: *пища души; душевные силы; душой исполненный полет; движение души; творческий дух; порывы души; пыл души; дух воинственный; жизни дух; просвещения дух*: “Walt<er> Scott! Это **пища души**” (*Письмо к Л.С. Пушкину. Первая половина ноября 1824 г.*); “Удержите сие благородное, справедливое негодование, обуздайте свирепость творческого духа вашего!” (*Письмо к А.А. Орлову 24 ноября 1831 г. и 9 ноября 1832 г.*); “И жизни дух проснулся в нем, Невнятный стон в устах раздался” (*Кавказский пленник*).

В следующую группу мы включили фразеологизмы, обозначающие мыслительную деятельность человека, включая и внутреннюю речь лирических героев: *молитвы души; роптанье души; глас души; признанья души*: “Я одарю тебя **молитвами души** Пред утренней зарей, в полунощной тиши” (*Анджело*); “Ты здесь найдешь воспоминанья, Быть может, милых сердцу дней, Противуречия страстей, Мечты знакомые, знакомые страданья И тайный глас **души моей**” (*Кавказский пленник*); “Томим и ветреным успехом, Внимая в шуме и в тиши **Роптанье** вечное **души**, Зевоту подавляя сме-

хом: Вот как убил он восемь лет, Утрата жизни лучший цвет” (*Евгений Онегин*).

В отдельную, шестую, группу мы включили фразеологизмы, называющие отличительные особенности чего - либо (народа, ментальности, сознания), настроения социума, группы людей, человека, например: *дух словесности; дух праздности; дух суждений; смерти дух; дух упрямства; дух века; дух державный; дух отрицанья; дух времени; христианский дух; русский дух; народный дух*: “Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы **духом** нынешней нашей **словесности**” (*Письмо к К.Ф. Рылеву. Вторая половина июня – август 1825г.*); “Изучение новейших языков должно в наше время заменить латинский и греческий - таков **дух века** и его требования” (*Письмо к А.А. Бестужеву. 30 ноября 1825 г.*); “Там царь Кашей над златом чахнет Там **русский дух**... Там Русью пахнет” (*Руслан и Людмила*);

ФЕ, называющие категории христианской теологии, составляют седьмую семантическую группу: *спасение души; бессмертие души*: “Дай бог **душе** его **спасенье**, А косточкам его покой В могиле, в мать - земле сырой” (*Евгений Онегин*); “Ах! Ведает мой добрый гений, Что предпочел бы я скорей **Бессмертию души** моей Бессмертие своих творений” (*Мой друг! Неслышный я поэт...*).

Таким образом, класс предметных фразеологизмов достаточно широк и включает несколько семантических групп.

Достаточно многочисленными в произведениях А.С. Пушкина являются процессуальные фразеологизмы с компонентами “дух”, “душа”.

Фразеологизмы, входящие в класс процессуальных, традиционно делятся на субъектные, обозначающие действие, свойства лица и не направленные на другое лицо или предмет, и объектные, которые обозначают действия лица, направленные на другое лицо или предмет. В свою очередь, субъектные ФЕ делятся на два разряда, обозначающие деятельность и состояние.

Фразеологизмы со значением деятельности поэт использует для выражения различных семантических оттенков, например:

- мыслительной деятельности: *предаваться душой; погружаться душой; питать в душе; узнать душой; стремиться душой; лететь душой; понять душой; лелеять в душе*: “Издавна умысел ужасный **Взлелеял** тайно злой старик **В душе** своей” (*Полтава*); “**Поймешь** ли ты **душою** скромной Стремленья сердца моего?” (*Полтава*); “И я любовь **узнал душой** С ее небесною отрадой, С ее мучительной тоской” (*Руслан и Людмила*).

- речевой деятельности, включая и внутреннюю речь персонажей произведений А.С. Пушкина: *петь душой; проклинать в душе; покривить душой; благодарить душой; открыться душой; сетовать душой; открыть душу; молиться душой*: “Воспламененною **душой** Я **пел** на троне добродетель С ее приветною красой” (*К Н.Я. Плюсковой*); “**Благодарю** тебя ду-

шою умиленной...” (Совет анониму);

- поведения, поступков: *взять грех на душу; жить душой; служить душой; жертвовать душой; заплатить душой*: “Воспоминание, рисуй передо мной Волшебные места, где я **живу душой**” (Царское Село); “Он, бедный гетман, двадцать лет Царю **служил душою** верной” (Полтава);

- культовую деятельность, верования: *молить о спасении души; веровать душой*: “В свое погибельное счастье Ты дерзкой **веровал душой...**” (Письмо к А.И. Тургеневу. 1 декабря 1823 г.).

Фразеологизмы со значением состояния могут передавать различные оттенки психологического состояния человека, его чувства, эмоции:

облегчить душу – в значении “избавиться от чего-либо гнетущего”: “**Облегчив душу** сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа - и въехал прямо на двор” (Дубровский);

упасть духом – в значении “прийти в уныние, отчаяться”: “Получив известие о взятии Чернышева, Кар совершенно **упал духом**, и думал уже не о победе над презренным бунтовщиком, но о собственной безопасности” (История Пугачева);

собираться с духом – в значении “перебарывая, преодолевая в себе страх, робость, неуверенность и т.п., решаться на что-либо”: “**Соберись с духом и пиши**” (Письмо к П.А. Вяземскому. 9 ноября 1826 г.)

Фразеологизмов, обозначающих физическое состояние человека, в нашем исследовании немного: *переводить дух* – в значении “тяжело дышать”: “Я не хотел отказаться, и хлебнул, стараясь **не перевести духа**” (Путешествие в Арзум...);

Одна из семантических подгрупп процессуальных ФЕ – фразеологизмы, обозначающие переход из одного состояния в другое:

отдать душу; гаснуть душой; расстаться с душой; проститься с душой – в значении “умереть”: “Лила, Лила! Я страдаю Безотрадною тоской, Я томлюсь, я умираю, **Гасну** пламенной **душой**” (Лиле);

уснуть душой; смириться душой – в значении “успокоиться”: “Приду ли вновь под сладостные тени **Душой уснуть** на лоне мирной лени?” (Кто видел край...);

обновить душу – в значении “внутренне воскреснуть”: “Едет в Грузию, чтобы **обновить** увядшую **душу**” (Письмо к А.А. Дельвигу. 2 марта 1827 г.).

Объектные фразеологизмы также образуют несколько семантических подгрупп:

1) со значением отрицательного или положительного воздействия:

усыпить душу – в значении “успокоить”: “Во мне надежду, скорбь и радость [И **душу**] [бурную] [Дремотой] [лени] **усыпил?**” (Кто, волны, вас остановил...);

зарониться в душу – в значении “надолго запомниться”: “Слова Томского были не что иное, как мазурочная болтовня, но они глубоко **заронились в душу** молодой мечтательницы” (Пиковая дама);

тревожить душу; трогать душу – в значении “волновать”: “Герман смотрел на нее, молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не **тревожили** суровой души его” (*Пиковая дама*);

играть душой; властвовать душой – в значении “манипулировать человеком”: “Участьем, нежностью притворной; Одушевлять свой дивный взгляд, **Играть душой** моей покорной” (*Как наше сердце своенравно!*);

иссушить душу; мертвить душу; томить душу; терзать душу – в значении “измучить, изнурить кого – либо”: “Парады, караул, ученья - Всё это оды не внушит, А только **душу иссушит**” (*Послание В.Л. Пушкину*);

2) со значением активной социальной деятельности, осуществляемой по отношению к другому лицу:

отпустить душу на покаяние – в значении “пощади, смилуйся, не убивай и т.д.”: “**Отпустите душу на покаяние**” (*Капитанская дочка*);

сокрушить дух; губить душу; сжечь душу; тащить душу – в значении “уничтожить, погубить”: “Упоение соблазна **Сокрушает дух** его...” (*На Испанию родную*); “Закричал он старшему брату: «Милый брат! **не губи** свою **душу**...”” (*Гайдук Хризич*);

овладеть душой – в значении “получить власть над кем – либо”: “Скажите: вашу **душою** Какое чувство **овладеет**...”” (*Евгений Онегин*).

Группа фразеологизмов, обозначающих деятельность, малочисленна. Процессуальным фразеологизмам с компонентами “дух”, “душа” свойственно обозначать именно состояние, так как сами фразеобразующие компоненты “душа”, “дух” являются существительными с отвлеченным значением, которые употребляются для раскрытия внутреннего мира человека или народа в целом.

Часть фразеологизмов в нашем исследовании способна обозначать признак, свойства предмета и признак, состояния лица. А.С. Пушкин использует в произведениях фразеологизмы, передающие состояние своих персонажей, например:

чист душой, душой превосходный, прав душою, добр душою, добр душой, с душою благородной, милый сердцем и душой – в значении “нравственно безупречный, честный, правдивый, беспорочный”: “Она **чиста** была **душою** как эфир. Ее смутить не мог неведомый ей мир” (*Анджело*); “И помог ему Магницкой благородный, Муж твердый в правилах, **душою превосходный**” (*Чедаеву*); “**Милых сердцем и душой** Что за ножка- боже мой” (*Царь Никита и сорок его дочерей*);

не в духе – “в плохом настроении”: “Шабашкин, видя, что он **не в духе**, поклонился и спешил удалиться” (*Дубровский*);

смелый духом – “мужественный”: “Жил на свете рыцарь бедный, Молчаливый и простой, С виду сумрачный и бледный, **Духом смелый** и прямой” (*Сцены из рыцарских времен*);

слаб духом, болен душой – “морально неустойчивый”: “Отец, я **духом**

слаб, не смею слова дать” (*Безверие*);

В класс качественно – обстоятельственных (наречных) фразеологизмов с компонентами “дух”, “душа” объединяются единицы, которые являются обозначением признака, обстоятельства действия или степени проявления действия и признака предмета, например:

- признак действия:

в духе – “в стиле”: “...лишить одного двух братьев была бы жестокость без цели, средств. **Вовсе не в духе** нашего времени” (*Письмо к Л.С. Пушкину. Конец января – первая половина февраля 1825 г.*);

за упокой души: “**За упокой души** несчастных Безмолвно молится народ” (*Полтава*);

по доброте души: “**По доброте души** я верил в упоеньи Волшебнице-Мечте, шепнувшей: ты поэт” (*К Шишкову*);

от души – “искренне”: “Цалую тебя и детей и благословляю вас **от души**” (*Письмо к Н. Н. Пушкиной. 27 июня 1834 г.*);

с душой – “с увлечением, подъемом”: “Спешит на верх горы крутой, Достиг, и с радостной **душой** Летит в волшебные палаты” (*Руслан и Людмила*);

- разную степень проявления действия или признака:

всей душой; от всей души – “искренне”: “Иль с резвым Гамильтоном Смеешься **всей душой**?” (*К сестре*); “В случае какого-нибудь затруднения пусть он располагает мною, я готов ему служить **от всей души**” (*Письмо М. А. Корфу. 14 июля 1833 г.*);

одним духом; во весь дух – “быстро”: “Выходит на дорогу волк Его почуя, конь дорожный Храпит – и путник осторожный Несется в гору **во весь дух**” (*Евгений Онегин*); “При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил **одним духом**” (*Капитанская дочка*);

- различные обстоятельства, при которых совершается действие:

в душе, на душе – в значении “внутри”: “Ты шагом едешь меж полей, И медленно **в душе** твоей Надежда гибнет, гаснет вера” (*Руслан и Людмила*); “Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня **на душе**: грустно, тоска, тоска” (*Письмо к П. А. Плетневу. 31 августа 1830 г.*);

для счастья души – “для удовлетворения внутренних духовных запросов, потребностей”: “В собраньи полном слов не вижу пользы я: **Для счастья души**, поверьте мне, друзья” (*От многоречия отрекшись добровольно...*).

Особенно часто А.С. Пушкин использовал в своих произведениях и переписке ФЕ *в душе* (в значении “внутри”): около 30 употреблений (“Руслан и Людмила”, “Бахчисарайский фонтан”, “Гаврилиада”, “Полтава”, “Роза”, “Дубровский”, “Пиковая дама” и др).

В произведениях А.С. Пушкина встречаются и местоименные фразеологизмы с компонентами “дух”, “душа”, тождественные местоимениям тех или иных разрядов – неопределенным, отрицательным, например:

ни души – в значении “никого”: “Идет, на мертвеца похожий. Нет **ни** одной **души** в прихожей. Он в залу дальше: никого” (*Евгений Онегин*);

ни одна душа – “никто”: “Заставами: чтоб **ни одна душа** Не перешла за эту грань” (*Борис Годунов*).

Модально – междометные фразеологизмы единичны, например:

чтобы духу не было: “Мужик, подлая тварь! Извините, граф, я с ним управлюсь... Вон!... (Толкает его в спину.) **Чтобы духу** твоего здесь **не было**”. (*Сцены из рыцарских времен*);

помилуй наши души: “Тогда молвила, вздохнувши, Катерина: «Господь бог! **помилуй наши души!**» И упала мертвая на землю” (*Гайдук Хризич*).

Таким образом, в результате исследования семантики фразеологизмов с компонентами “душа”, “дух” в произведениях А.С. Пушкина было выявлено, что наиболее многочисленными являются предметные, процессуальные ФЕ. Фразеологизмы со значением признака, качества действия и другие немногочисленны, а порой и единичны. Использование фразеологизмов с компонентами “душа”, “дух” помогает поэту раскрыть внутренний мир героев, передать их чувства и желания.

Н.И. Морозова, Н.Б. Усачева

ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В современном русском языке чрезвычайно распространено явление перехода слова из одной части речи в другую или одного разряда в другой, при этом исходное не исчезает, происходит расщепление языковой единицы на две, самостоятельно и по-разному функционирующие в языке.

Слова многих частей речи (исключение в русском языке составляют глаголы) могут подвергнуться процессу переходности, термины “субстантивация”, “адъективация”, “нумерализация”, “прономинализация”, “адвербиализация”, “предикативация”, “препозиционализация”, “конъюнкционализация”, “партикуляция”, “копуляция”, “интеръективация” и “модальция” становятся общепринятыми.

Предметом нашего исследования являются переходные явления, в результате которых пополняются служебные части речи: предлоги, союзы, частицы и связки.

В русском языке наблюдаются многочисленные факты перехода самостоятельных слов в служебные, когда первые начинают утрачивать свою полноточность, номинативность, начинают иначе функционировать – выражать отношения между словами и предложениями, а это возможно лишь тогда, когда в самостоятельных словах (хотя бы потенциально) заложена способность выражать релятивность. Поэтому не все самостоятельные слова переходят в служебные, а лишь те, семантика которых по-

зволяет выражать абстрактные грамматические отношения. Часть слов функционирует одновременно то в роли служебных, то в роли самостоятельных, другая часть совсем утратила связь с разрядом-источником, например, в современном русском языке слова **близ, кроме, через, меж** и т.п. употребляются только как предлоги, следовательно, здесь наблюдается полный переход в разряд служебных слов.

На наш взгляд, в процессе перехода из знаменательных частей речи в служебные происходят изменения, касающиеся четырех аспектов:

1. Изменения на уровне значения. Речь идет не только о само собой разумеющемся изменении категориального значения, слово приобретает иное лексическое значение, ср.: “Он каждому руку пожал, за службу **благодаря**” (*Тихонов*) и “Гробовщик просил сапожника садиться и выкушать чашку чая, и **благодаря** открытому нраву Готлиба Шульца вскоре они разговорились дружелюбно” (*Пушкин*). В первом случае перед нами деепричастие со значением “выражая благодарность”, во втором – предлог с причинным значением.

2. Изменение морфологических признаков. Специфика морфологического функционирования служебных слов заключается в отсутствии грамматических категорий (исключение составляют связки, имеющие несобственные, заимствованные у глаголов и процессуальных фразеологизмов категории наклонения, времени, лица, числа и рода). С этим связана утрата изменяемости и грамматических категорий слов, подвергшихся переходу в служебные части речи, ср.: “От **добра добра** не ищут” (поговорка) и “**Добро**, заткнул я уши (*Грибоедов*). В первом предложении существительное “добро” имеет грамматические категории ср. р., Р.п., ед.ч., во втором – частица “добро” лишена всяких грамматических категорий.

3. Изменения синтаксических свойств. С этого начинается процесс переходности, именно на эти изменения обращали внимание исследователи, впервые отметившие процесс переходности из одной части речи в другую. Изменения на синтаксическом уровне касаются двух особенностей: изменения синтаксической функции (служебные части речи не являются самостоятельными членами предложения, за исключением предлогов, образующих вкуче с существительным предложно-падежную форму, и связок, входящих в составное сказуемое) и изменения типичных синтаксических связей с другими словами.

4. Изменения словообразовательных признаков. С одной стороны, служебные слова, возникающие на базе знаменательных, всегда подвергаются опрощению: их прежние морфемы утратили свое значение и не вычлениются больше, с другой - все исследуемые единицы являются производными единицами, образованными неморфологическим (морфологосинтаксическим) способом.

Остановимся на результатах перехода разных частей речи в служебные. В современном русском языке наблюдается три группы производных

предлогов: отыменные (отсубстантивные и отадективные), отнаречные и отглагольные. Продуктивной является группа отыменных предлогов (72 единицы, или 52,2%). Группа отнаречных предлогов насчитывает 51 единицу (36,9%), но в основном содержит застывшие формы, образованные в процессе исторического развития языка. Непродуктивными являются отглагольные образования – 15 единиц, или 10,9%.

Самыми продуктивными классами слов, пополняющими союзы, являются предлоги и местоимения; менее продуктивны в образовании союзов существительные, прилагательные, наречия. Обязательное условие перехода полнозначных слов в союзы – сближение присущих им лексических и грамматических значений со значениями, типичными для союзов. Активно идет образование фразеологических союзов, которых, по данным нашей картотеки, насчитывается 97 единиц (80,8%), лексических же производных союзов всего 23, что составляет 19,2%.

В современном русском языке частицы – достаточно “молодая” часть речи, состав которой складывается постепенно и постоянно пополняется. Первообразных частиц, не связанных по происхождению с другими частями речи, немного: **не, ни, же** и др. под. В основной своей массе частицы были образованы в процессе партикуляции. Наиболее продуктивно отнаречное образование частиц (35,5%), качественные наречия переходят преимущественно в усилительные и утвердительные частицы (**просто, подлинно, точно, решительно, ровно** и под.). Большой активностью в процессе образования частиц характеризуются местоимения (30,2%), это связано со спецификой значения местоимений: дейктическая семантика этой части речи очень близка к категориальному значению частиц, призванных вносить дополнительные смысловые и экспрессивные оттенки в предложение. Менее продуктивны отглагольные (18,8%) и отыменные (15,5%) частицы.

Специфика связок заключается в том, что все они являются в современном русском языке производными. Процессу копуляции подвергается только одна часть речи – глаголы и процессуальные фразеологизмы. Путь перехода процессуальных единиц языка в связки заключается в том, что единица становится в положение между подлежащим и сказуемым, выражая грамматическую связь между ними. Количество лексических и фразеологических связок, по нашим данным, приблизительно одинаково: соответственно 51,3% и 48,7%, но в современных текстах более частотны лексические связки. По значению лексические связки разделяют на фазовые (продолжать, прекратить, начинать, кончить и под.), модальные (хотеть, желать, мочь, уметь и т.д.) и эмоциональные (бояться, любить, страшиться, ненавидеть и др.). По нашему мнению, такое разделение не является корректным, так как эмоциональные связки являются частью модальных, наряду с рациональными.

Лексические и фразеологические связки обслуживают два типа модального содержания: рациональный и эмоциональный. Первый тип может

выражать разные виды рациональной оценки действия, выраженного следующим за связкой глаголом или процессуальным фразеологизмом:

– возможность осуществления действия. Это такие единицы, как **мочь, иметь возможность, получить возможность, найти время, предоставить слу- чай** и т.д.;

– необходимость совершения действия, например: **иметь потребность, почувствовать потребность, обещать, иметь необходимость** и под.;

– желательность совершения действия: **хотеть, изъявить желание, вы- ражать тяготение, иметь стремление** и т.п.;

– готовность к совершению действия. Это такие связки, как **уметь, проявить смелость, иметь мужество, изъявлять готовность** и др. под.;

– намерение совершить действие. В эту группу мы отнесли связки типа **намереваться, собираться, иметь замысел, иметь намерение, обдумать план** и под.;

– привычность совершения какого-либо действия: **привыкнуть, взять манеру, иметь моду, завести привычку** и т.д.;

– побуждение к выполнению действия. В эту группу мы отнесли та- кие единицы, как **поручить, заставить, иметь приказ, выполнить указание, исполнить поручение** и др. под.

Второй тип модального содержания заключается в эмоциональной оценке действия, которое обозначено инфинитивом основной части ска- зуемого. Эта оценка субъективна и может выражать либо положитель- ную характеристику процесса (любить, обожать, иметь удовольствие, про- явить деликатность, счесть за счастье и т.д.), либо отрицательную (стра- шиться, иметь несчастье, бояться, избавить от неудовольствия, лишить удовольствия и под.).

Таким образом, все классы служебных частей речи в современном рус- ском языке активно пополняются единицами, образованными путем пе- рехода слов из других частей речи, производные служебные слова выпол- няют функцию семантической “разгрузки” непрямых предлогов, со- юзов, частиц, связок, более точно и определенно выражают разные виды отношений между самостоятельными частями речи.

В.Е. Пазгалова, Г.И. Сапожникова

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Поскольку язык находит свое конкретное проявление лишь в различ- ных функциональных стилях, то для практических целей полезно иссле-

довать каждый из функциональных стилей как особую замкнутую систему. Это касается, в частности, и описания грамматики. Так, было бы очень полезным создание грамматики разговорной речи, грамматики научной речи и т.д. в отличие от грамматики языка, которую следует рассматривать как некую «идеальную» грамматику, описывающую грамматический строй языка как грамматический арсенал всех функциональных стилей.

Отличия, которые дают основание говорить о грамматике научной речи, имеют как количественный, так и отчасти качественный характер. К количественным различиям можно причислить следующие:

1. Повышение или падение частотности употребления грамматических категорий, структурно-семантических разрядов слов, составляющих некоторые грамматические категории, вплоть до полного исчезновения некоторых из них. Например, повышение частотности употребления пространственного определения, пассивной конструкции, конструкций *sein + zu + Infinitiv*, *sich lassen + Infinitiv*, некоторых предлогов, указательных местоимений и т.д., или практически полное исчезновение вопросительных, восклицательных и всякого рода эллиптических конструкций. Междометия, 2-е лицо и вежливая форма глаголов воспринимаются в научном тексте как нечто чужеродное. Сильно падает частотность употребления перфекта, сочетаний с модальным глаголом *wollen*, предикативного определения типа *sehen, hören, fühlen* с прямым дополнением + *Infinitiv* и т.д.

2. Увеличение линейного размера некоторых синтаксических категорий, обусловленное как задачами стиля научной речи, так и письменным характером последнего.

3. Перераспределение частотности отдельных значений и функций грамматических категорий, словообразовательных моделей, сочетаний с грамматической направленностью, а именно выдвижение на первый план значения, не характерного для других стилей речи, утрата некоторых значений.

К качественным же различиям следует причислить: обеднение значений и специализацию на одном-двух значениях, связанных с качественным изменением, обычно в сторону большей абстрактивации. Все сказанное дает основание для рассмотрения грамматики научной речи как особой системы средств, служащей для выражения мыслей и суждений по определенным научным проблемам, а также для изложения результатов научных исследований в возможно краткой форме.

Особое место в языке науки и техники занимает пассив. По исследованиям различных авторов, частотность употребления пассива в научном тексте превосходит все остальные грамматические явления. Е.С. Троянская получила данные, согласно которым количество пассивных конструкций в научном стиле в 10 раз превосходит их количество в художественной литературе и в 20 раз - в разговорном стиле. Конечно, в текстах из разных научных дисциплин частотность пассива различна, тем не менее

можно сделать вывод о том, что в научной речи исходной конструкцией становится пассив. Используя выражение Л. Вейсгербера, ситуацию, складывающуюся в научной речи, можно было бы охарактеризовать как «мир в пассиве». Каковы же причины столь частого использования пассивных конструкций? Форма изложения в научной литературе предполагает особые стилистические приемы, порождающие ее качественно-речевые характеристики: ясность, логичность, сжатость, точность, объективность. Объективность предполагает абстрагирование от личности автора и выдвигание на первый план действия. Как известно, основное содержательное отличие между произведениями художественными и научными состоит в том, что в первом случае в центре внимания находятся люди и их переживания, а во втором - вещи и их характеристики. Природа употребления пассива в специальных текстах чрезвычайно интересна: с одной стороны, роль исследователя в научном поиске чрезвычайно важна, а с другой стороны, исследователь «отступает в тень» ради объективности научной истины. Данное противоречие, по словам О.А. Лаптевой, и явилось основой для особой манеры изложения научного произведения и соответственно для особо отобранных лексико-грамматических средств.

Анализу и подсчету подвергались следующие явления: двучленный и трехчленный пассив, безличный пассив, конструкция sein + Partizip II переходного глагола, пассивные конструкции с модальными глаголами. Цель анализа - выявление общих, наиболее характерных тенденций их функционирования в научном тексте. Были проанализированы тексты по математике, физике, химии, биологии (200 предложений из текстов каждой специальности). Итоги исследования представлены в таблице 1. Количество пассивных конструкций в текстах по специальности - математика (М), физика (Ф), химия (Х), биология (Б).

Всего проанализировано 800 предложений. Можно сказать, что практически в каждом четвертом предложении употребляется какая-либо пассивная конструкция.

В большинстве случаев неназванным деятелем в двучленном пассиве является сам автор. В. Шнайдер называет такой пассив «пассивом скромности». Например: Es wurden Beobachtungen angestellt, die sich mit ihren Prinzipien nicht vertrugen. Очевидно, что потенциальным деятелем является сам автор. Завуалирование автора и выдвигание самого процесса на первый план придают этому процессу обобщенность. Например: Der Aufbau einer Ziffer ist so beschaffen, dass beim Anhängen von 1 jedesmal eine neue Ziffer gewonnen wird.

Наиболее употребительны в пассиве презенс и претеритум, однако достаточно часто встречается и перфект. Перфект пассива используется там, где необходимо суждение констатирующего характера. Как отмечают И.М. Горохова и Н.А. Филиппова, «основная сфера применения перфекта пассива во всех его конструкциях - это научный стиль речи ...».

Конструкция sein + Partizip II переходного глагола весьма частотна в научной литературе. В современной лингвистике наличие этой конструкции истолковывается по-разному. Среди немецких германистов широко представлена концепция, согласно которой конструкция причастия II со связкой sein рассматривается как третий член залоговой оппозиции: Aktiv - Passiv - Stativ (Zustandspassiv). Мотивируется это тем, что «пассив состояния» не выражает действия, а значит, и не может впрямую примыкать к пассиву. В основном по этой причине Zustandspassiv противопоставляется пассиву. Отечественные германисты всегда включали «пассив состояния» в категорию страдательного залога, отмечая, впрочем, его достаточно особую функцию. О.И. Москальская отмечает неполную грамматикализацию статива и, таким образом, не вполне разделяет точку зрения немецких лингвистов.

В конструкции sein + Partizip II деятель, как правило, не упоминается, но достаточно часто им является сам автор. Например: Ein vierter Begriff, wie der Begriff der Kraft oder der Energie ... ist als selbständige Grandvorstellung beseitigt; in der Tat ist ja die Ziffer a angebaut, indem man von 1 beginnend, den Prozess des Anhangens von 1 anwendet.

Интересно сочетание «актив-пассив в действиях, сопоставляемых друг с другом». Например: Welcher Hypothese vor den ubrigen der Vorzug zu geben ist? Daruber kann die Entscheidung nur dadurch gewonnen werden, dass man die Resultate ... hinterher im Lichte der thermodynamischen Erfahrungssatze ruft. В данном предложении пассив формулирует более общее положение, а актив - конкретное действие. По словам В.К. Гречко, «в подобных случаях наблюдается тенденция к противопоставлению предложений в активе и пассиве по признаку «более частное - более общее».

С особой предрасположенностью пассива к построению обобщенных формулировок несомненно связана и их повышенная сочетаемость с модальными глаголами. Особенно повышается частотность пассивных конструкций с модальным глаголом können. Например: Diese Behandlungsart kann ... auf die elementaren Vorgange der Bewegung selbst angewandt werden;

Gebiete, auf die nicht ausführlich eingegangen werden kann, seien unter Hinweis auf die moderne Literatur kurz erOrtert. Несколько менее часто употребляется пассивная конструкция с модальным глаголом *müssen*. Например: *Ash der organischen Bodensubstanz muss der Stickstoff durch die Tatigkeit der Mikroorganismen freigesetzt werden.*

Безличный пассив, как обычно, определяется в лингвистической литературе, «используется тогда, когда требуется выделить само действие без упоминания о действующем лице». Безличный пассив образуется не только от переходных, но и от непереходных глаголов. Г. Хельбиг называет такой пассив *Passivform mit aktivischer Bedeutung*. Эта конструкция дает возможность представить действие в отвлечении от осуществляющего его лица. Причем за формой безличного пассива в научном тексте, в отличие от художественного, как правило, угадывается конкретный деятель, так как в научном стиле безличный пассив дает возможность скрыть автора, тогда как в художественном главным является выделение самого действия:

hinweisen auf, ausgehen von, verzichten auf, arbeiten, beginnen mit, sprechen über.

Таким образом, пассивное высказывание дает возможность не упоминать производителя действия и сосредоточить все внимание на самом действии, т.е. придать научному тексту свойство «безличности» и следовательно - объективности. Этой же цели служит и конструкция *sich lassen + Infinitiv*. В художественном тексте эта конструкция - достаточно редкое явление, но в научном тексте она встречается гораздо чаще. Следует отметить, что эта конструкция не только имеет всегда «пассивное значение», но и характеризуется обобщенностью. Например: *Flachen, in denen es keine Grenzen gibt, und die tertzdem endlich sind, lassen sich leicht angeben; Nicht alle biologischen Objekte lassen sich ohne weiteres im Durchlichtmikroskop untersuchen; Hier lassen sich zunachst die Negationen auf Grund der Aquivalenz beseitigen.* Пассивное и обобщающее значение этой конструкции тем более высоко, что в основном субъектом предложения является не лицо, а предмет или явление.

Значительно увеличивается частотность употребления конструкции *sein + zu + Infinitiv*, т.к. ей присущи те же значения обобщенности и безличности, что и пассиву. Например: *Im fixierten und gefarbten Praparat sind viele Teile zu sehen; Darunter sind zwei verschiedene Methoden zu verstehen.* Кроме функции пассивности и обобщенности, эта конструкция имеет также задачу активизации внимания читателя. Например: *es ist zu sagen; es ist zu betonen; es ist darauf zu achten* и т.п. Как «сигналы», привлекающие внимание читателя, данные конструкции начинают или заканчивают абзац либо раздел.

Конструкция *sei + Partizip II* употребляется только в научном стиле и имеет своей функцией обобщить сказанное и привлечь внимание читателя. Например: *es sei erwahnt, es sei betont, es sei hervorgehoben* и т.п.

Обращает на себя внимание высокое число предложений с *man*. Обобща-

ющее значение неопределенно-личного местоимения синонимично пассиву, но, в отличие от него, *man* более конкретизирует и подчеркивает процесс.

Таким образом, мы проследили использование некоторых лексико-грамматических форм употребляемых для придания обобщенности и «безличности» повествованию. Данные формы наиболее ярко характеризуют научность стиля, где в большинстве случаев речь идет о неодушевленных предметах. Важно также и то, что эти предметы и явления выступают здесь лишь объектом исследования и, таким образом, определяют отбор грамматических и лексических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гречко В.К. *Синтаксис немецкой научной речи.*- Л., 1985.
2. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. *Грамматико-лексические поля в современном немецком языке.*-Л.,1968.
3. Троянская Е.С. *Лингво-стилистическое исследование немецкой научной речи.*-М. 1982.
4. *Тексты на немецком языке для студентов физического факультета.*- Л.: Изд-во Лен.ун-та, 1973.
5. *Тексты и упражнения по немецкому языку для студентов-химиков.*-Изд-во Лен.ун-та, 1973.
6. D. Hilbert, P. Bemays. *Grundlagen der Mathematik I.*- Springer-Verlag Berlin? 1968.
7. K. Gloy. *Die Kantische Theorie der Naturwissenschaft.*- Walter de Gruyter Berlin, 1976.

В.И. Полынская, Т.С. Терещенко

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Французские заимствования занимают видное место в словарном составе английского языка. Английский язык стал заимствовать французские слова приблизительно в XI веке. Французские заимствования можно поделить на три периода: 1) появившиеся до XVII века; 2) появившиеся после XVII века; 3) появившиеся в XX веке. Они отличаются друг от друга своей семантикой и формой.

подавляющее большинство французских заимствований первого периода относятся к области: 1) государственного устройства и управления (state, govern, government, country, county, power, parliament, people, nation, council и многие другие); 2) судопроизводства и правовых отношений (court, justice, accuse, judge, jury, attorney, solicitor, crime, fraud и др.); 3) религии (religion, parish, sermon, prayer, parson, clergy, abbey, saint и др.); 4) литературы и искусства (literature, art, architecture, prose, story, volume, poet, chapter, tower, arch, porch и др.); 5) военных терминов (army, enemy, battle, war, peace, defence, defeat, conquest, victory, navy, officer, soldier, captain и др.); 6) моды, кулинарии, а также предметов роскоши, развлечений, спорта, охоты (dress, gown, costume, dinner, supper, soup, to boil, to fry, to roast, sport, chase, pleasure, luxury, jewels и др.); 7) обыденной жизни (table, chair и др.).

В этот период были заимствованы и некоторые словообразовательные элементы из французского языка: суффиксы: -ment, -age, -able, -ess и некоторые другие. С их помощью был образован ряд новых слов, у которых были исконно английские основы (fulfilment, breakage, eatable, drinkable, shepherdess и т.д.).

Все перечисленные французские заимствования уже полностью ассимилировались в английском языке и ничем не выдают своего иноязычного происхождения.

Другой характер у французских заимствований XVII – XVIII веков. Они недостаточно ассимилированы английским языком и своей формой обнаруживают свое иноязычное происхождение. Такие слова, как: machine, bourgeois, bourgeoisie, camouflage, velours, garage, ballet и т.п. - обладают несвойственными английскому языку произношением и орфографией (в ряде слов ударение на последнем слоге, написание ch, передающее звук [ʃ], непроизнесение конечных t, s и т.д.).

В этот период из французского языка английским были заимствованы такие термины литературы и искусства, как: memoir, cartoon, critique, miniature, symphony и др.; термины политики: regime, police; военного дела: platoon, bomb, corps, blockade, marine и др.

Этот период дал английскому языку большое количество слов политического содержания: despotism, revolution, demagog, tyranny, democrat, centralize и др. Многие из этих слов восходят к латинским и греческим корням, но пришли в английский язык как французские заимствования, т.к. приобрели во французском языке новое значение и по праву могут считаться заимствованиями из французского языка.

Французские лексические единицы составляют почти половину от общего объема иноязычной лексики, используемой в современном английском языке. Особенно много французской лексики поступает в английский язык в XX веке в связи с расширением всесторонних контактов в современном мире, увеличением потребности в новых средствах обозначения и более широким знакомством с иностранными языками. Это приводит к более тесным языковым контактам и способствует интенсивному обмену лексикой между языками. Изменилось и отношение англичан к иноязычным элементам. Если в другие периоды своей истории они отрицательно относились к появлению в их языке иноязычной лексики и старались приблизить написание и произношение иностранных слов к словам родного языка, то в данный период они стремятся сохранить или имитировать исходное произношение заимствованных слов. Например, словосочетание art trouvé произносится [ʔartru:ˈveɪ] и т.д. Подобная тенденция распространяется и на уже ассимилированные единицы. Так, слово bruit, ассимилированное еще в XV веке, недавно снова вошло в английский язык с французским произношением, и т.д.

Следует обратить внимание на то, что французские лексические еди-

ницы используются в рамках английских структур, сохраняя при этом особенности своей графики (например, диакритические знаки – vis-à-vis, tête-à-tête), а также некоторые другие специфические лексико-грамматические характеристики (например, сохранение артикля – a la carte, предлогов - en masse, особого порядка слов - ordre comique).

По структурно – морфологическим признакам французские лексические единицы, заимствованные английским языком, подразделяются на простые корневые слова (abbé, début), производные слова (accouchement, déshabille, midinette), сложные слова, различающиеся характером и способом соположения основ (procès – verbal, bienséance, bêche-de-mer, rouge-et-noir), и словосочетания нескольких разновидностей предложных структурно – морфологических типов (a fond, en garde, du luxe, entre nous) и адъективных типов (ame damnée, bon goût, déjà vu).

Основное место среди используемых в современном английском языке французских лексических единиц занимают существительные (70%) и прилагательные. Заимствовано всего несколько глаголов, междометие adieu, предлог chez. Большое количество существительных среди заимствованных французских лексических единиц объясняется тем, что одни из них используются для обозначения реалий французской жизни, с которыми знакомится англичанин (например, apache, Quartier Latin), другие – для выделения особых семантических оттенков при описании предметов и явлений, знакомых англичанам (bizarre, ennui).

Если рассматривать франкоязычные лексические единицы с точки зрения их тематической принадлежности, то можно выделить ряд групп: 1) слова, обозначающие людей и характеризующие психику и поведение человека (abbé, belle, laide, débutante, ingénue; acharné, bêtise, chagrin и др.); 2) слова, относящиеся к искусству, а именно - к балету, театру, кинематографу, живописи (art engagé, ballet chanté, cinéma-vérité и др.); 3) слова, относящиеся к кулинарному искусству, еде, напиткам (a la carte, apéritif, éclair и др.); 4) слова, относящиеся к светской жизни, развлечениям (café chantant, fête, soiree и др.); 5) слова, относящиеся к области политики и дипломатии (bloc, communique, coup d'état и др.); 6) слова, относящиеся к атрибутам быта (chaise-longue, entagère и др.); 7) названия одежды, тканей, украшений (beret, bijouterie, crepe, plissé и др.); 8) названия специфических французских реалий (legionnaire, droit administratif и др.); 9) слова, относящиеся к области спорта, охоты (bisque, gepochage и др.); 10) слова, называющие средства транспорта и другие средства передвижения (chaise, coupe, fiacre).

Довольно большое количество французских слов вошло в речевой обиход благодаря нововведениям, характерным для современного образа жизни. Это и boutique - “небольшой магазин, торгующий дорогами, часто необычными товарами и расположенный в людном районе”, и cinéma-vérité “реализм в киноискусстве”, discothèque “ночной клуб, посетители которого танцуют, поют в сопровождении музыкальных записей”, visagisme “уход за

лицом, умение применять косметику”. Особенно много французских слов связано с явлениями женской моды: culotte “юбка – брюки”, discothèque dress “вид одежды, популярный среди посетителей клубов – дискотек” и др.

Следует отметить тот факт, что французские лексические единицы встречаются в различных стилях языка как в художественной литературе, так и в периодической печати. При этом они функционируют не параллельно с английскими словами, а используются на месте английских эквивалентов, являясь фактически составной частью текста. Как правило, они настолько естественно вписываются в речевую ткань, что при всем ощущении их иноязычной формы воспринимаются легко и так же успешно служат целям коммуникации в английском языке, как и его исконные элементы.

Использование французских лексических единиц характерно для творчества многих современных английских писателей. В произведениях У.С. Моэма, О. Хаксли, Г. Грина, Ч.П. Сноу, А. Мердок, Э. Уилсона, Д. Дюморье, А. Кристи и других очень часто встречаются вставки на французском языке. Эти вставки могут быть краткими (например, афоризмы или пословицы), и достаточно длинными, допустим, тексты официальных документов, приводимых на языке оригинала. Они, как правило, сохраняют исконный фонографический облик и выполняют определенные семантические и экспрессивно – стилистические функции. Вставки могут появляться в тексте регулярно, как, например, в романе У.С. Моэма “Острие бритвы” или как в романе Э. Уилсона “Англо–саксонские отношения”, но могут встречаться и очень редко, как в романе Д. Дюморье “Ребекка” или как в романе Ч.П. Сноу “Новые люди”.

Франкоязычные вставки в художественных текстах обычно фигурируют внутри основного текста. Основными функциями, которые выполняют такие вставки, являются: 1) репрезентативная функция; 2) изотерическая функция; 3) корпоративная функция.

Одной из наиболее распространенных функций является репрезентативная функция, под которой понимается репрезентация в тексте персонажа – иностранца, пользующегося своим родным языком. В качестве примера можно привести множество отрывков из произведений Агаты Кристи. В ее произведениях одним из персонажей является сыщик Эркюль Пуаро, бельгиец по происхождению. Он свободно говорит по-английски, но время от времени вставляет французские слова и выражения. Приведем некоторые примеры:

Poirot paid no attention to my request. He continued to revolve the hat slowly on his finger. “Pas encore. *Ça m’amuse.*” “Really, Poirot!” (*A. Christie. Peril at End House*).

Poirot laughed. “I told you so, *mon ami*. Your instincts are always wrong. *C’est épatant!*” (*A. Christie. Peril at End House*).

В целом, выражения, употребляемые Пуаро, отличаются краткостью и

однотипностью. Это обычные слова типа: *mon ami, eh bien, ma foi, mon cher, pas ça, merci, mademoiselle, mon enfant, au revoir, bonjour, et alors, je vais* и др. В речи Пуаро не встречается длинных французских высказываний и целых абзацев. Есть вероятность, что репрезентативная функция здесь сопровождается какими-то другими прагматическими функциями, которые довольно трудно выделить, так как этот персонаж использует указанные слова практически в любых ситуациях.

Изотерическая функция означает, что франкоязычные вставки используются персонажами для того, чтобы сделать свою речь непонятной для некоторых из окружающих их лиц. Подобного рода примеров довольно много в классических романах и повестях XIX века. Более второстепенный характер имеет возвышающая функция. Назначение ее в том, чтобы подчеркнуть ученость того или иного персонажа, интеллектуально возвысить его среди других действующих лиц. Реально это проявляется в форме цитирования каких – либо высказываний на французском языке.

Суть корпоративной функции заключается в том, что французский язык используется как средство характеристики лиц, принадлежащих к некоему закрытому или избранному кругу.

Часто английский описательный оборот заменяется французской единицей, более краткой и всеобъемлющей. Например, простое *café filtre* называется более предпочтительным по сравнению с громоздкой английской перифразой *a cup or glass of coffee made by allowing hot water to filter down through a detachable vessel containing ground coffee*.

Проникшие в английский язык французские лексические единицы нередко передают понятия терминологического характера. Так, словосочетание *au pair* обозначает договоренность, согласно которой девушка – иностранка выполняет в семье легкую домашнюю работу без денежного вознаграждения в обмен на жилье и питание. В английском языке нет даже приблизительного эквивалента для обозначения такого понятия, и поэтому французское *au pair* относительно легко “внедрилось” в английскую речь и является в настоящее время одним из наиболее употребительных французских слов, используемых в различных видах текстов. Кроме *au pair*, в современном английском языке существует много других франкоязычных квази – терминов, типа *belles lettres, charge d'affaires, poste restante* и др.

Следует также отметить, что французские лексические единицы часто используются для воспроизведения облика той среды, где говорят на французском языке. Введенные в художественный текст такие единицы, как, например, *chateaux* - “большое поместье во Франции”, - явно указывают на то, что речь идет о событиях, происходящих во Франции, то есть они служат целям воссоздания национального колорита.

Использование французских лексических единиц характерно и для газетных и журнальных статей. Часто в прессе, чтобы дать не только представление о событиях, описываемых в статье, но и определенную оценку

этим событиям (как правило, высокой интенсивности), и тем самым создать у читателя соответствующий эмоциональный настрой для восприятия сообщения, а также для того, чтобы привлечь читателей к определенной информации, прибегают к использованию французских лексических единиц в качестве заголовков статей, комментариев к фотографиям и т.д. Например:

Déjà vu in the Balkans (Moscow News. Moscow, 12, 2001).

That British and American authors should have little *vis-à-vis* perhaps matter less than it does for other professions, because they talk to one another through their language (*The Author. London, '12*).

Итак, вполне очевидно, что появление и относительно легкое вхождение в английский язык франкоязычных единиц, а следовательно, и их восприятие объясняются как языковыми причинами, так и культурно-историческими условиями межъязыковых контактов, способствующих широкому притоку в английский язык новых французских единиц вместе с новой информацией и новыми реалиями. Это явление - не случайное соположение разноязычных элементов, а своеобразный вид языкового контакта. Изучение этого явления расширит знания о путях развития словарного состава языка. Это явление следует учитывать при обучении английскому языку, поскольку обилие французских слов в его словарном составе вызывает трудности в плане понимания и при чтении для лиц, изучающих английский язык и не владеющих французским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов В.В. Прагматика иноязычных вставок в текст / Функционально-текстовые аспекты языковых единиц: Сборник статей. - Санкт - Петербург, 1995. - С. 8-12.

Г.А. Прохорова

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДИАЛОГЕ ПОКОЛЕНИЙ

Связь поколений... Диалог поколений... Есть ли они в современном российском обществе? Тревожит это фронтовиков и всех тех, кто знает войну 1941-1945 годов не только по учебникам. Знаю, тревожило это и моего мужа З.А. Атласа, прошедшего войну от ее начала до конца...

В память о нем, об ушедших фронтовиках, в том числе о работавших в Курганском пединституте и университете, - эти размышления о диалоге поколений.

Говоря об отношениях поколений в современном российском обществе, социологи отмечают все большее несовпадение основных систем ценностей и норм старшего и молодого поколений. Общество озабочено тем, что

значительная часть молодых людей выходит из школы с нигилистическим отношением к истории своего отечества (особенно советской истории) и нравственному опыту предшествующих поколений.

Нам, старшему поколению, следует учитывать, что современное поколение молодых людей живет в непростых условиях кризисного состояния нашего общества, с его стихией бесконечных перемен, не всегда продуманных реформ и “модернизаций”, глубоким социальным расслоением, войной в Чечне, неустоявшимися мировоззренческими идеалами, неясными перспективами в получении образования и работы. Это, безусловно, влияет на становление ценностных ориентаций поколения. Основное место, по данным социологов, в ценностных установках молодых занимают материальные ценности, снижается роль гражданских, духовных ценностей. Беспокоит и кажется кошунственным то, что в стране, пострадавшей от фашизма, сыгравшей основную роль в победе над ним, появились молодые люди, которые фактически предают идеалы дедов. Все как будто начинается незаметно: на стенах домов появляются свастики, вспоминают день рождения Гитлера, избивают “нечистокровных”. Общество, школа должны помочь молодым распознать этот опасный недуг. Они должны помочь молодежи вписаться в историческую традицию, осмыслить неоднозначный социальный опыт предшествующих поколений, в частности, фронтового поколения, увидеть те нравственные, духовные ценности, которые оно исповедовало и защищало, попытаться “примерить” их на себя.

Что знают о Великой Отечественной войне старшеклассники? Меня, как человека и преподавателя вуза, непосредственно связанного со школьным историческим образованием, беспокоит следующее. Как показывает анализ знаний старшеклассников, итогов экзаменов в школе, вступительных экзаменов в университет, в сознании многих школьников как бы затушевывается и отходит на второй план вопрос о том, почему мы победили в войне, каковы источники победы, каков был вклад СССР в победу над фашизмом, какое значение имела эта победа для нашего народа и народов других стран.

Учащиеся могут рассуждать о неудачах первого периода войны, об ошибках и просчетах командования и И.В. Сталина, о том, готовил или нет СССР “упреждающий удар”, и готов ли он был к войне вообще, какова цена победы.

Эти вопросы переосмысливаются сейчас исторической наукой, и естественен интерес молодежи к этим проблемам. Но не смещаем ли мы акценты в изучении темы? Не порождаются ли у молодежи новые стереотипы? Школьники не знают (в массе своей) конкретных имен героев войны, с иронией, и даже долей цинизма, судят о роли коммунистов в войне, сомневаются в освободительной миссии Красной Армии в Европе. О работе и жизни в тылу имеют самое общее представление. Они лучше знают о коллаборационизме и Власове, чем о “рельсовой войне”, партизанских

рейдах и Ковпаке.

Авторы современных школьных учебников по истории обращают внимание на такие реалии войны, как “заградительные отряды”, “шарашки”, репатриации целых народов. Это правда войны, и ее не надо скрывать от молодых. Но чем были продиктованы подвиги А. Матросова, А. Маресьева, А. Маринеско, летчиков, идущих на таран? В некоторых учебниках даже не названы их имена. Единство народа нашей страны перед лицом врага тоже не выдумка советских историков 50-80-х годов. Но из учебников исчезли факты, свидетельствующие о том, что единство, дружба народов страны были одним из факторов, обеспечивших победу в войне. Неудивительно, что школьники в большинстве своем не знают этих фактов.

В течение последних 10-12 лет объем изучаемого по истории Великой Отечественной войны материала, связанного с подвигом советского народа в войне, в учебниках снизился чрезмерно. Этот недостаток, наконец, был отмечен и в проекте “Концепции преподавания отечественной истории XX века”, обсуждавшейся участниками Всероссийского совещания по проблемам преподавания новейшей отечественной истории (декабрь 2001 года): “До сих пор бледно и скупо освещается период Великой Отечественной войны, факты о массовом патриотическом подъеме даются недостаточно полно...”/4/.

Как организовать диалог поколений при изучении истории Великой Отечественной войны? Выскажу несколько соображений по данной проблеме.

Уже первые уроки по теме должны помочь молодым людям понять, ощутить ее “особость” среди других тем курса. Она должна “зазвучать” в душах учащихся, найти в них эмоциональный отклик. Боевые плакаты времен войны, голос Левитана, хроника начала войны, крупнейших битв Великой Отечественной, песни тех лет, памятники-мемориалы, карикатуры Кукрыниксов и Б. Ефимова, произведения живописи о войне, стихи и проза военного времени – “живые ее свидетели” – тот внешний фон, который поможет вовлечь учащихся в разговор о войне, о фронтовом поколении.

Надо стремиться к тому, чтобы состоялся серьезный “диалог” старшеклассников с теми, кто участвовал в войне, с теми, кто писал и пишет о войне, с авторами мемуаров, научных исследований, фильмов о войне, авторами учебников, родными и близкими школьников. Правду о войне молодежь почувствует, если узнает о наличии разных взглядов на ее историю, осмыслит аргументы в их защиту, осознает вес и значимость этих доказательств.

Большое значение в переключке поколений имеет выполнение школьниками таких заданий, которые затрагивают их личностное отношение к Великой Отечественной войне. Особое место занимают задания: рассказать о событиях в жизни своих родных и близких во время войны, собрать материал о работе своей школы в годы войны, об учителях, работавших в

ней, познакомиться с работой областного (городского, районного) комитета ветеранов войны, поисковых школьных отрядов, увидеть проблемы, с которыми встречаются фронтовики.

Многие из этих форм работы используются учителями истории нашей области и студентами-историками Курганского университета. О работе учащихся над экспозицией музея по теме “Наш край в годы Великой Отечественной войны”, о подготовке рефератов, сочинений по теме “Мои родные и близкие в войне” я уже имела возможность писать.

В своей практике работы со студентами в школе мы ориентировались на использование широкого круга источников, которые бы перекликались между собой, дополняли и опровергали друг друга, чтобы возникла полифония мнений, чтобы ученик знал, что путь к пониманию событий войны - не одноразовый акт, что постижение истины - сложный и противоречивый процесс.

На уроке, посвященном партизанскому движению, мы попытались столкнуть, сопоставить содержание фильма “Партизанская борьба в тылу врага”, текст современного учебника по истории России (XX в) В.П. Островского и А.И. Уткина, документов, освещающих тему, фонозаписи воспоминаний партизана Героя Советского Союза А.Ф. Федорова и других источников.

Следует сказать, что и фильм, и фонохрестоматия “Великая Отечественная война” для школы были созданы в 70-е годы. Учителя, как правило, не используют их, потому что они “устарели”. Безусловно, нужны новые фонохрестоматии и видеофильмы с учетом новых исследований о войне. Но, мне думается, нельзя игнорировать то, что было создано раньше. В этих пособиях говорит само время Великой Отечественной войны и эпохи создания этих пособий, взгляд на историю войны из 70-х годов.

Сопоставляя источники, школьники отмечали, что в фильме обстоятельнее, глубже раскрыты причины партизанского движения, оккупационный режим, роль коммунистов в организации партизанской борьбы, действия подпольных комсомольских молодежных организаций, рассказывается о партизанах – героях. В учебнике эти сюжеты раскрыты очень кратко. Школьники заметили, однако, что учебник не скрыл того факта, что перед человеком, оказавшемся на оккупированной территории, был выбор: либо идти на сотрудничество с захватчиками (“а изменники, предатели, каратели-полицаи – реальности войны”), либо попытаться отсидеться, либо в той или иной форме оказывать сопротивление. “Последний вариант был связан с огромным риском для жизни... Но именно всегда страна будет ценить тех, кто выбрал борьбу” /3/. К сожалению, отмечали школьники, о конкретной борьбе против фашистов, о примерах этой борьбы авторы учебника не рассказывают.

Пользуясь документальными сборниками, справочниками, энциклопедиями, специальной литературой, учащиеся подготовили рассказы о пла-

не “Ост”, об оккупационном режиме на территории СССР, захваченной фашистами, о “тактике выжженной земли”, собрали статистические данные о массовых казнях советских граждан, о мерах “возмездия” населению, сочувствующему партизанам, и т.д. /9/, о трагедии Хатыни и Красухи. Школьники познакомились с биографиями отдельных руководителей партизанских соединений: С.А. Ковпака, А.Н. Сабурова. Была заслушана фонозапись о действиях партизанского соединения А.Ф. Федорова.

Внимание учащихся было обращено на имеющиеся в учебнике документы по теме: фрагмент из воспоминаний одного из руководителей партизанского движения – П.К. Пономаренко (о том, что он был первым секретарем компартии Белоруссии, авторы учебника умолчали) и фрагмент из приказа фельдмаршала Кейтеля “О подавлении коммунистического повстанческого движения” (16 сентября 1941 года). По мнению учащихся, первый документ конкретизировал их представления о формах партизанского движения, второй – из “первых рук” сообщил о размерах возмездия фашистов партизанам – смертная казнь 50-100 коммунистов за одного убитого солдата рейха.

Были даны также индивидуальные задания: подготовить сообщения о земляках-участниках партизанского движения или родственниках – бывших партизанах Великой Отечественной войны. Возник “диалог”, в котором участвовали представители разных поколений: военные корреспонденты, авторы хроник, очевидцы и участники событий, звучали их голоса, учащиеся видели их лица. В разговор включились авторы современного школьного учебника, ученики, учитель. Создавалась объемная, “стереоскопическая” история партизанского движения, составной части Великой Отечественной войны.

В заключение урока старшекласники зрело размышляли над вопросом: “Можно ли партизанское движение в тылу врага считать одним из факторов победы в Великой Отечественной войне? Немецкие генералы считали партизанскую борьбу войной “не по правилам”. Что бы вы могли им возразить? Почему фашисты столкнулись с массовым сопротивлением народа? Что толкало советских людей на борьбу с врагом? Как вы относитесь к коллаборационизму? Можно ли его оправдать?”

Занятие “Фронтовое поколение 1941-1945 годов” было одним из итоговых в блоке тем “по войне”.

Перед старшекласниками ставилась задача: на основе анализа мемуаров, писем фронтовиков, свидетельств родственников-участников Великой Отечественной войны, исследований российских и зарубежных историков понять духовный облик этого поколения, его мировоззренческие установки, ценности и идеалы, нравственные черты.

Для того, чтобы помочь школьникам осмыслить имеющуюся в источниках разнородную информацию, им предлагались вопросы и задания:

1. Какой видели войну солдаты и офицеры, непосредственно участву-

ющие в войне? Как они оценивали ее характер? Есть ли разница в восприятии войны в разные ее периоды разными людьми?

II. Попробуйте выделить наиболее типичные черты духовного облика фронтового поколения.

III. Сопоставьте следующие фрагменты из исследований историков:

1) “Понятия “советский народ”, “советские люди”, “советский человек” не были пропагандистской выдумкой... В сознании подавляющего большинства населения господствовали убежденность в справедливости войны, ненависть и презрение к жестокому и коварному врагу, необходимость мобилизации всех сил для спасения Родины, вера в победу, несокрушимость Советского государства” (*Ю. Поляков. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны. // Свободная мысль.- 1994.- №11.- С.72-73*).

2) В учебнике по истории России XX века (для 11 класса) В.П. Островского и А.И. Уткина (М.: Дрофа, 1998) в главе VI “Вторая мировая, Великая Отечественная...” в итоговом заключении (С. 311-312) о причинах победы страны в Великой Отечественной войне ее название “СССР” стыдливо заменяется названием “Россия”, не говорится о решающей роли победы СССР над фашизмом, ни разу не упоминаются такие понятия, как “советские люди”, “советский народ”, “советский солдат”. В обобщающем параграфе говорится: “Уже на первом этапе войны происходит консолидация общества не на основе коммунистической идеологии, а на основе традиционных патриотических ценностей” (С.311).

Следует ли, по-вашему, противопоставлять “советский патриотизм” “традиционным патриотическим ценностям”? Как Вы относитесь к утверждению известного французского историка Н. Верта, что “устойчивым элементом советского государства в годы войны стал “упор на всенародное единство вокруг идеи Советской Родины, наследницы великого русского государства (эта тема уже обозначилась до войны)...” (*Н. Верт. История советского государства. М.: Пресс-Академия, 1995. С.322*). В чем эта тема проявлялась до войны? Во время войны?

IV. “В массовом сознании поколения, на которое всей тяжестью обрушилась война, “причудливо сплетались искренняя вера в социалистические идеи и психология страха, трудовой энтузиазм миллионов и массовые репрессии, вполне реальный советский патриотизм и худшие черты тоталитарного мировосприятия”.

“Слепая вера значительной части населения в безусловную справедливость установившегося при большевиках общественного строя не могла не отразиться на настроениях в армии, в которой служили преимущественно вчерашние крестьяне и рабочие. На эти настроения, конечно, влияли и результаты целенаправленной пропаганды, и собственный социальный опыт низов, получивших при большевистском режиме возможности продвижения вверх, вплоть до высших государственных и военных постов.

...Большинство красноармейцев были искренне преданы государству

и готовы его защищать”.

“...дезориентированным, с противоречивым сознанием, с раздвоенной моралью подошло к лету 1941 года поколение, составившее основную часть действующей армии” (*Сенявская Е.С. Фронтовое поколение. 1941-1945*) /10/.

Подумайте, нет ли у автора противоречий в оценке фронтового поколения? Что же на самом деле было характерно для массового сознания поколения “сороковых”: “искренняя вера в социалистические идеи” или “слепая вера” значительной части населения в безусловную справедливость установившегося при большевиках общественного строя”? (подчеркнуто нами – Г.П.). Какому государству “было предано большинство красноармейцев”?

Побеседуйте с фронтовиками, своими родственниками и знакомыми на эту тему. Как они воспринимают положения, высказанные Е.С. Сенявской? Полностью ли Вы согласны с ней?

V. Кто, на ваш взгляд, прав: Е.С. Сенявская, которая утверждает, что “система творила символы и в области военной героики”, “насаждая девиз “За Родину! За Сталина!””, или Н. Верт, который пишет, что “личность Сталина отождествлялась с высшей ценностью – Родиной, и солдаты шли в бой с криком: “За Родину! За Сталина!”? Как это было на самом деле, спросите у старых солдат? Они помнят...(*Сенявская Е.С. 1941-1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование.*- М., 1995; *Н. Верт. История советского государства.* -М.: Прогресс-Академия, 1995. - С.-322).

VI. Перед вами отрывок из размышления Ю. Бондарева о фронтовом поколении (*Вкус истины // Советская Россия.* - 11 марта 1999. - №27).

“Я не жалею ни об одном дне своей военной молодости... Я был самым обыкновенным солдатом в многомиллионной армии моих соотечественников...”

Война отняла у моего поколения юность? Полнейшая чепуха... Ни “потерянным”, ни “утерянным”, ни “разочарованным” поколением мы не были. Мы пришли к своему месту и действию и сделали то, что на роду наказано. Большинство знаменитых писателей, ученых, художников, кинорежиссеров, живописцев, актеров - из военного поколения. Отечественная война – это наша юность, наш тяжкий опыт, наша совесть, наше достоинство...”

О каких чувствах писателя можно судить по этому фрагменту его размышлений? Какие черты военного поколения для Ю. Бондарева особенно дороги?

Учащимся предлагались также индивидуальные и групповые задания по темам: “Военное поколение глазами писателей-фронтовиков”, “Говорят погибшие герои”, “Фронтовое поколение по предсмертным письмам советских солдат”, “Феномен “советский солдат” в пословицах и поговорках”. Наиболее интересующиеся школьники могли познакомиться с полным текстом статей Е.С. Сенявской и Ю. Полякова о фронтовом поко-

лении, о массовом сознании военного поколения. К этому занятию учащиеся готовили рефераты, сочинения “Мои родные и близкие в Великой Отечественной войне”, “Фронтвой путь моего деда”, “Моя семья в годы Великой Отечественной войны”, “Четыре года из жизни моих бабушки и дедушки”, и т.д.

При подготовке этих заданий старшеклассники неизбежно “выходили” на вопрос: что защищало фронтвое поколение, какие черты являются определяющими в этом поколении, какие мировоззренческие установки были ему свойственны, каков менталитет этого поколения, образ жизни и чувств, тот сложный мир, в котором оно жило и действовало.

Занятие встречалось учащимися с большим интересом. Строки “Поклонимся суровым тем годам...” являлись его доминантой. Школьники начали осознавать, что:

- фронтвое поколение, как любое другое поколение, не было монолитным: было много героев, но были, к сожалению, и предатели. Но не они определяли лицо поколения. Главными чертами фронтвого поколения были его сплоченность в борьбе за независимость Родины, стойкость и мужество в защите права на свободу, жизнь, социальное равенство, труд, будущее, в защите ценностей, понятных и близких советским людям;

- это поколение было героическим поколением, поколением большой нравственной силы. Оно не только верило в победу над фашизмом, но все делало для того, чтобы ее приблизить. Война требовала напряжения всех человеческих сил, а порой и самопожертвования. Поколение 40-х годов оказалось готовым достойно выполнить свой долг перед страной, семьей, перед будущими поколениями;

- военному поколению народы бывшего СССР обязаны не только своей независимостью, но восстановлением хозяйства, разрушенного войной, строительством мирной жизни. Оно до сих пор воплощает в себе совесть и достоинство наций;

- существует правда истории, и нельзя допускать тенденциозности в освещении истории Великой Отечественной войны и поколения, которое победило фашизм.

В заключение хочется сказать: диалог – это не просто учебная процедура. В диалоге ученик вовсе не обязан некритически принимать чью-то позицию, чей-то взгляд на прошлое. В диалоге люди учатся слышать друг друга и понимать.

Я принадлежу к поколению, которое росло и взрослело во время войны. Мы уже далеко не молоды. С фронтовиками нас роднит святое отношение “к суровым тем годам”, и хочется, чтобы в исторической памяти наших детей и внуков сохранилось отношение к войне 1941 – 1945 годов, как нетленной странице истории нашего государства, в которой проявились такие качества народа, как стойкость, любовь к отечеству, мужество, самоотверженность, терпение. Качества, которые нужны людям во все времена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов В.Г. Социальная адаптация молодежи в начальный период перехода к рыночным отношениям. - Екатеринбург, 1994; Елифанцева М.В. Методика формирования межпоколенческой солидарности на уроках социологии в средней школе / Третьи Уральские историко-педагогические чтения. - Екатеринбург, 1999. - С.313-315.; Школьная политика государства и воспитание подрастающего поколения. "Круглый стол" // Педагогика. -1999. - №3. - С.3-36.
2. Попова Г.Л. Формирование гражданской ответственности учащейся молодежи: современные проблемы и исторические традиции / Третьи Уральские историко-педагогические чтения. - Екатеринбург, 1999. - С.281-284.
3. Прохорова Г.А. Великая Отечественная война в школьном курсе истории / Зауралье в годы Великой Отечественной войны. -Курган, 1995. - С.176-184.
4. Концепция преподавания отечественной истории XX века (проект) // Преподавание истории в школе.- 2002. - №1. - С.3.
5. Внеклассная работа по истории. Региональный компонент / Тезисы научно-практической конференции. - Курган, 2000.
6. Прохорова Г.А. Об организации исследовательской работы школьников по внеклассному краеведению / Внеклассная работа по истории. Региональный компонент. - Курган, 2000. - С.11-16.
7. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 класс. - М.: Дрофа, 1998. - С.241-312.
8. Там же. С.283.
9. СС в действии. Документы о преступлениях СС / Перевод с немецкого. Под ред. М.Ю. Рагинского. -М.: Прогресс, 1968. - 623с.
10. Сенявская Е.С. Фронтовое поколение. 1941-1945 // Приложение к газете "Первое сентября". История. - 1997. - №18.
11. Верт Н. История Советского государства. - М.: Прогресс-Академия, 1995. - С.322.
12. Поляков Ю. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. - 1994. - №11.

Е.Р. Ратушная

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ГОЛОВА

В современном русском языке выделяется значительный разряд фразеологизмов, обозначающих человека, включающий около 1000 единиц. Эти фразеологизмы имеют категориальное значение предметности и по своим семантико-грамматическим свойствам соотносительны с именами существительными. Интегральным признаком фразеологизмов, обозначающих человека, является субкатегориальное значение одушевленности и лица. Большинство данных единиц построено по синтаксической модели субстантивного словосочетания. Компонентный состав фразеологизмов-наименований человека различен. В роли грамматического центра могут выступать компоненты-существительные, в свободном употреблении принадлежащие к разным лексико-семантическим группам: существительные – наименования лица, зоонимы, наименования неодушевленных предметов, собственные существительные и т.д.

Активное участие в образовании фразеологизмов со значением лица принимают компоненты-соматизмы, которые в свободном употреблении называют органы и части тела человека и животных. По нашим данным, в этом процессе используется около 10 существительных-соматизмов, обладающих разными фразеобразовательными возможностями.

Высокую активность проявляют соматизмы, называющие наиболее важные части тела человека: рука (20 фразеологизмов), лицо (15), глаз (10). Из них максимальной активностью характеризуется существительное *голова*, образующее более 40 единиц.

Процесс формирования семантической структуры фразеологизмов с компонентом-соматизмом имеет определенную специфику, которая связана с семантическими особенностями фразеобразующих соматизмов. Типичным свойством названных соматизмов является сложность их семантической структуры. Так, семантическая парадигма лексемы *голова*, по данным БАС, включает 7 лексико-семантических вариантов со множеством оттенков значений. Основное, первичное значение связано с наименованием верхней части тела человека или животного. На основе метонимического переноса по типу синекдохи у существительного *голова* развивается новое значение: название части тела переносится на целый предмет, т.е. на человека. В результате соматизм приобретает иную предметную направленность, становясь обозначением лица, человека: “человек как носитель каких-либо качеств, свойств”.

Таким образом, в семантической структуре существительного *голова* содержатся семы “человек” и “носитель определенных свойств, качеств”, которые активно участвуют во фразеобразовании, являясь основой для формирования фразеологизмов-наименований человека. Важная роль в механизме фразеобразования принадлежит также атрибутивным компонентам, которые вносят в семантическую структуру фразеологизмов семы, указывающие на конкретный признак, свойство человека: *удалая голова*, *светлая голова* и другие.

Существительное *голова* характеризуется максимальной фразеобразовательной активностью среди соматизмов, образуя десятки фразеологизмов разных типов семантики: *буйная голова*, *поднять голову*, *очертя голову*, *хоть кол на голове теши*, *сесть на голову*, *с головой*, *без головы* и мн. др.

Такое явление обусловлено, с экстралингвистической точки зрения, исключительной важностью, актуальностью обозначаемого соматизмом понятия в жизни человека. С другой стороны, данная лексема отличается наибольшей сложностью и разветвленностью своей семантической структуры среди других соматизмов. Последний фактор играет важнейшую роль в процессе фразеобразования, так как фразеологические единицы формируются на основе различных сем из лексического значения соматизма.

Наряду с прямым, номинативным значением, *голова* символизирует такие понятия, как ум, рассудок, сознание, а также используется для обо-

значения умного, знающего, толкового человека, может быть и номинацией человека как носителя каких-либо качеств, свойств.

Фразеологизмы с компонентом *голова* семантически объединяются в две группы, которые формируются на основе различных базовых, исходных сем, актуализируемых из лексического значения соматизма; фразеологизмы, обозначающие человека по интеллектуальным свойствам; фразеологизмы, обозначающие человека по свойствам характера, поведению, образу жизни.

Первая группа объединяет около половины единиц, которые содержат в своей семантической структуре интегральную групповую сему “интеллектуальное свойство”, причем большинство из них характеризует человека с отсутствием интеллекта, образуя синонимический ряд с общим значением “очень, крайне, в высшей степени глупый, тупой, бестолковый человек; дурак, болван, тупица”, например: *баранья голова, дубовая голова, мякинная голова, дура-голова, дурья голова, телячья голова* и др. Им семантически противопоставлены фразеологические единицы, дающие позитивную оценку умственных способностей человека: *золотая голова, светлая голова, хорошая голова, ясная голова, умная голова*. Семантическая структура фразеологизмов первой группы, обозначающих человека по интеллектуальным свойствам, складывается на основе переносного, образного значения лексемы *голова*, которая является символическим обозначением интеллектуальных качеств человека.

Очень важную роль в формировании семантической структуры названных фразеологизмов выполняют атрибутивные компоненты, которые в свободном употреблении имеют разную субкатегориальную отнесенность: они могут быть качественными, относительными или притяжательными. В процессе образования фразеологизмов компоненты-прилагательные испытывают различные семантические преобразования, их субкатегориальное значение может либо сохраняться, либо утрачиваться.

Качественные имена прилагательные в составе фразеологизмов-антропонимантов сохраняют свою субкатегориальную семантику, формируя у фразеологизма значение качественной оценки лица: *светлая голова, ясная голова, хорошая голова, пустая голова, умная голова*. Все эти компоненты-прилагательные в свободном употреблении имеют сложную семантическую структуру. В процессе фразеологизации они в значительной степени утрачивают свое лексическое значение, актуализируя лишь некоторые отдельные семы из своего прямого или переносного значения, которые непосредственно участвуют в формировании фразеологической семантики.

Так, фразеологизм *умная голова* образуется на базе прямого, основного значения соответствующего прилагательного. Сравн.: умный (1-й ЛСВ) - “обладающий здравым умом, сообразительностью” и *умная голова* - “умный, знающий, толковый человек”.

Однако в большинстве случаев актуализируются семы из неосновных, переносных значений. Сравн.: светлый (перен.) - “ясный, логичный” и *светлая голова* - “очень умный, ясно, логично мыслящий человек”; ясный (перен.) - “способный логично, четко мыслить” и *ясная голова* - “человек, способный логично, четко мыслить”; дурной (перен.) - “глупый” и *дурная голова* - “глупый, бестолковый человек”.

В состав ряда фразеологизмов входят компоненты - относительные прилагательные: *дубовая голова, еловая голова, мякинная голова* и др. В процессе фразообразования эти компоненты испытывают гораздо более сложные и существенные семантические преобразования по сравнению с качественными именами прилагательными. Они утрачивают свое субкатегориальное и групповое значение, теряя способность обозначать отношение к какому-либо материалу. Индивидуальное значение фразообразующих относительных прилагательных практически полностью утрачивается, актуализируются лишь отдельные потенциальные семы, находящиеся на периферии лексического значения. Данные семы обусловлены сложными ассоциативными связями, существующими в сознании человека между различными признаками одушевленных и неодушевленных предметов.

Так, компоненты *дубовый, еловый и чугунный* содержат в своем индивидуальном значении потенциальные семы “твердый”, “прочный”, которые ассоциируются с представлением об интеллектуальной тупости, “непробиваемости” человека: *дубовая голова, еловая голова, чугунная голова* - “очень, крайне тупой, бестолковый человек”.

Фразеологизмы *мякинная голова, посконная голова* формируются на основе метафорического сопоставления низкого качества материала, обозначаемого прилагательным, и крайне низким интеллектуальным уровнем человека. Прилагательное *мякинный*, образованное от существительного *мякина* - “отходы при обмолоте зерна хлебных злаков и некоторых других культур”, содержит в своей семантике потенциальные семы “ненужный”, “бесполезный”, “негативная оценочность”, на основе которых формируется фразеологическое значение. Прилагательное *посконный*, обозначающее очень дешевый материал низкого качества (“сделанный из поскони - домотканого холста из волокна конопли”), в процессе фразообразования актуализирует потенциальные семы “низкое качество”, “очень дешевый”, которые выходят на первый план, принимая участие в формировании фразеологического значения. Таким образом, на основе ассоциативного сопоставления качественных признаков неодушевленных и одушевленных предметов формируется фразеологическое значение “глупый человек, дурак”.

Фразеологизм *золотая голова* имеет противоположную семантику - “способный, даровитый человек”, которая образуется на основе ассоциативной связи между высокой ценностью материала и высокой интеллектуальной ценностью человека.

В создании фразеологизмов с компонентом *голова* также могут принимать участие притяжательные отзоонимные имена прилагательные, образованные от наименований различных животных и птиц, которым человек приписывает какие-либо негативные свойства - глупость, бестолковость, несообразительность. В процессе фразеобразования эти свойства переносятся с животного на человека; притяжательная семантика атрибутивного компонента при этом утрачивается. Например: *баранья голова, куриная голова, тетерья голова, телячья голова*.

Вторая группа объединяет фразеологизмы с компонентом *голова*, которые обозначают человека по свойствам характера, по поведению, по отношению к жизни, образу жизни: *отчаянная голова, отпетая голова, трезвая голова, ветреная голова* и др. Семантическая структура этих фразеологических единиц формируется на основе сем “человек”, “носитель каких-либо свойств, качеств” из лексического значения компонента-соматизма.

Как правило, в состав таких единиц входит атрибутивный компонент, который выполняет функцию семантического конкретизатора, вносит семы, указывающие на определенное свойство обозначаемого лица. В роли атрибутивных компонентов обычно выступают качественные прилагательные, включающие в свою семантическую структуру от одного до трех ЛСВ.

В процессе фразеологизации атрибутивный компонент утрачивает свое лексическое значение, актуализируя лишь те семы, которые обозначают свойства, признаки человека; данные семы непосредственно вносятся в семантическую структуру фразеологизма, не испытывая при этом каких-либо семантических преобразований. Сравн.: забубенный (прост.) - “бесшабашный, удалой, разгульный” и *забубенная голова* - “бесшабашный, разгульный, отчаянный, необузданный человек”.

Большинство имен прилагательных, участвующих во фразеобразовании, являются многозначными; при формировании фразеологической семантики они, как правило, актуализируют элементы из своих переносных значений. Например: горячий (перен.) - “пылкий, страстный” и *горячая голова* - “пылкий, увлекающийся человек”; ветренный (перен.) - “легкомысленный, непостоянный” и *ветреная голова* - “легкомысленный, несерьезный, непостоянный человек”; трезвый (перен.) - “руководствующийся в своих поступках, суждениях требованиями рассудка, здравого смысла” и *трезвая голова* - “рассудительный, здравомыслящий человек”; путаный (перен.) - “беспутный, легкомысленный” и *путаная голова* - “беспутный, легкомысленный, бестолковый человек”; пропащий (перен.) - “дурной, неисправимый, ни к чему не пригодный” и *пропащая голова* - “ни к чему не пригодный, дурной, неисправимый человек”.

Как показывает сопоставительный компонентный анализ лексического и фразеологического значения, атрибутивные компоненты в составе

исследуемых фразеологизмов сохраняют известную семантическую самостоятельность, некоторые элементы из своего лексического значения. Поэтому синонимичные (или антонимичные) в свободном употреблении компоненты-прилагательные входят в состав фразеологических единиц, образующих синонимические или антонимические пары и ряды. Например: *отчаянная голова*, *бедовая голова*, *буйная голова*, *удалая голова* - “отчаянный, удалой, лихой человек, которому все нипочем”; *отпетая голова*, *пропащая голова* - “погибший, конченный, неисправимый человек, ни к чему не пригодный”; *горячая голова* - “пылкий, увлекающийся человек”; *трезвая голова* - “рассудительный, здравомыслящий человек”.

Таким образом, лексема *голова* проявляет высокую активность в формировании фразеологизмов, актуализируя различные семы из своего лексического значения. Фразеологизмы с данным компонентом называют лицо по интеллектуальным свойствам, по характеру и образу жизни. Компонент *голова* передает идею лица, а атрибутивные компоненты выполняют роль семантического конкретизатора.

А.Н. Саливон

ИСТОРИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА “ИДТИ В КАНОССУ”

Сочетание слов “идти в Каноссу” воспринимается как крылатое выражение. Оно означает крайнюю степень покаяния, унижения перед противником и употребляется не только в обиходно-бытовой, но и в политической речи. Его история имеет средневековые корни, уходя к событиям диалога-конфликта двух универсальных властей – папской и императорской. Речь идет об одном из эпизодов этого многовекового противостояния католической церкви за властный приоритет в христианском мире, за определение и разграничение правомочий папы и императора. Папство отстаивало идеи теократии, верховенства власти духовной над властью светской, применяя все средства для их реализации. Еще в V веке папа Геласий I (492 – 496 гг.) сформулировал так называемую теорию двух властей. Он строго разграничил компетенцию каждой из них, считая безусловным злом любое вмешательство империи в дела церкви /1, с.50/. Однако в раннее средневековье, в V – IX веках, папство еще не выработало действенных механизмов проведения в жизнь своих теократических замыслов. Оно было в то время подвластно светским правителям. Сложилась система “имперской церкви”, основанием которой служили феодальные принципы вассально-ленной зависимости духовных иерархов от императора. В обоснование своей власти над церковью Каролинги, в особенности начиная с правления Карла Великого (768 – 814 гг.), развивали теорию сакральности королевского и императорского сана, практически

отождествляя монарха со священнослужителем. *Rex et sacerdos* (король и священнослужитель) – формула, отражавшая представление о двояком – светском и религиозном – характере власти императора. Это выражалось в акте помазания на трон, которое впервые принял Пипин Короткий в 751 году. Как наместник Бога на земле, монарх являлся защитником и одновременно управителем церкви, а также проповедником истинного христианства. Папе же и клиру надлежало лишь молиться о даровании верховному государю удачи. Каролинги пользовались исключительным правом созывать общеимперские синоды духовенства, лично вмешиваться в решение догматических и богослужебных вопросов, утверждать кандидатуры пап и епископов.

С распадом Франкской империи в 843 году и образованием в 962 году Священной Римской (Германской) империи подчинение папства, теперь германскому императору, усилилось. Неслучайно историки называют период с десятого до середины одиннадцатого века “темным столетием”. Повсеместно процветали симония (торговля духовными должностями), падение нравов в среде клира. Коммерциализация, материальные заботы церкви отодвинули на второй план ее пасторскую миссию. Императоры, крупные магнаты присваивают право инвеституры, т.е. право вводить в епископскую должность и наделять епископа землей, доходами, властными полномочиями. Сам акт инвеституры представлял собой символическое действие вручения посвящаемому из рук короля или его представителя кольца и посоха. Кольцо символизировало обручение епископа с верующими, а посох – власть над епархией /2, 90/. Что же касается пап, то не они делали светских князей императорами, а императоры превращали местных епископов в пап. По свидетельствам источников, из 25 пап, занимавших трон с 962 по 1059 год, 21 был назначен непосредственно императорами и ими же пять понтификов низложены /3, 6/. Аналогично вели себя по отношению к епископам и аббатам местные светские правители на территориях своих феодалов.

В XI веке возникает внутрицерковное монашеское движение за освобождение церкви от влияния светских властей, императорской и местной. В литературе оно получило название “клюдийское движение”, по названию аббатства Клюдни в Южной Франции. В подчинении этого аббатства находились сотни дочерних монастырей в других странах. Клюдийцы повели целенаправленную борьбу против обмирщения церкви, добиваясь изменения порядка инвеституры в выборах папы. Назревал конфликт между папой и императором. Его идеологической основой стало сочинение кардинала Гумберта “*Adversus simoniacos*” (“Против симонистов”), где светская инвеститура духовных лиц определялась как симония. Передача церковных должностей и относящихся к ним владений, а также символическое вручение кольца и посоха не может выполнять король. Это прерогатива только папы и высших церковных иерархов.

Сущность конфликта из-за инвеституры состояла, разумеется, не в ритуальных формальностях, а в том, под чьим контролем должна находиться церковная организация, кому быть во главе христианского мира – императорам или папам. Ярким олицетворением конфликта, имеющим прямой выход к словосочетанию “идти в Каноссу”, стали отношения между папой Григорием VII и императором Генрихом IV. Григорий VII, он же Гильдебранд (1015 – 1085 гг.), до избрания папой прошел клюнийскую школу, в течение двадцати лет занимал высокие посты при папском дворе, целенаправленно готовя церковное обновление. Любопытную характеристику дает ему современный католический историк Йозеф Лортц в недавно изданной на русском языке книге “История церкви”. “Абсолютная верность духу христианства в контексте широкой политической реальности и тесное взаимодействие этих двух начал, – по словам Лортца, – чревато конфликтами... некоторым насилием, которое Григорий осуществлял с поразительными душевными, духовными и церковными результатами и с чистейшими намерениями, которые составляют формальную характеристику его личности. Одаренный несгибаемой волей борца, не без некоторой жестокости, властный покоритель людей и себя самого, он навсегда оставил в сознании народов Запада образ идеального монаха (аскетическое благочестие), но прежде всего папы–повелителя” /4,329/. Аналогичные эпитеты находят подтверждение в отзывах современников. Они отмечают в Григории незаурядную энергию, властность, религиозный фанатизм, политическую расчетливость. Видимо, не случайно соратник Григория, кардинал Петр Дамиани назвал его с почтительным страхом “святой сатаной” и сказал: “Твоя воля всегда была приказом – злым, но законным...”.

Григорий, чтобы поднять авторитет церкви, принимает комплекс мер по ее реформированию, получивших название “григорианские реформы”. Издаются строгие постановления против симонии и нарушителей целибата. Введение целибата, безбрачия духовенства, согласно его концепции, призвано прервать общность плотских интересов между клиром и мирянами, целиком отдаваться служению Богу. Такое требование не устраивало значительную часть духовенства, но Григорий проявил твердость, запретив верующим принимать причастие от женатых либо корыстолюбивых священников, и разослал своих легатов по всем странам Европы следить за исполнением принятых в Риме решений. Главной же его целью – было добиться утверждения универсальной папской власти в христианском обществе в противовес универсализму светской империи, другими словами – установить папскую теократию. Для этого нужны были теоретические обоснования, и римская курия начала искать в хрониках истории церкви тот правовой авторитет, который мог бы стать юридическим фундаментом для претворения в жизнь теократической программы. Однако такого документа найти не удалось, и тогда Григорий VII в 1075

году сам написал или продиктовал его. Документ, состоящий из 27 положений, известен в историографии под названием “Диктат папы” (“*Dictatus papae*”). Согласно категоричному тону содержания “Диктата”, Бог возложил на папу сохранение божественного порядка. Поэтому папа может выносить суждения обо всем, и они непогрешимы. Провозглашалось право папы на детронизацию королей, включая императора, и на освобождение подданных от вассальной присяги монарху, совершившему грех. Недвусмысленно заявлялось, что светская власть должна подчиняться “наместнику Бога на земле” и князя “обязаны целовать папе ногу” /2,100/. В этом же году на синоде папа лишил императора, князей права осуществлять назначение и смещение епископов, аббатов, а также запретил духовенству получать какие бы то ни было церковные должности из рук светских владык. Был изменен, таким образом, ранее действовавший порядок инвеституры.

Исследования Н.Ф. Колесниченко дают основание видеть в Григории не доктринера-мечтателя, а энергичного политика. Для достижения своих целей он готов был использовать и использовал любые силы и средства: политические и военные союзы, наемные войска, денежный подкуп, интриги, противоречия в стане своих противников /5,86/. Несомненно, устремления Григория VII представляли угрозу цезарепапистской власти германского императора.

Императорский трон занимал тогда Генрих IV - личность по характеру столь же сильная, как и Григорий VII. Изменение порядка инвеституры означало для него потерю власти над епископами, и с этим он никак не мог согласиться. 8 декабря 1075 года Григорий отправил послание, где требовал от Генриха под угрозой отлучения прекратить назначения на церковные должности, что фактически означало полный запрет практиковавшейся императорской инвеституры прелатам. Вместе с тем в папском послании давалось понять, что курия не признает за германским королем никакой власти над Италией и Римом. Это был открытый вызов, и Генрих IV его принял, рассчитывая на непрочность положения папы в Италии и на поддержку части немецкого епископата, недовольного политикой Григория VII. Однако Генрих, как свидетельствуют последующие события, переоценил свои силы. Настроение епископов оказалось переменчивым, и немецкие князья, заботясь о сохранении своих вольностей, не склонны были содействовать усилению центральной власти. Папа объявил об отлучении Генриха IV от церкви и лишении его королевского сана, произнеся в форме молитвы обращенные к святому Петру такие слова: “Святой Петр, князь апостолов, преклонись ко мне ухом своим, молю выслушать твоего слугу... опираясь на могущество твое и авторитет, я запрещаю королю Генриху, сыну императора Генриха, который с неслышанным высокомерием напал на церковь твою, править Германией и всей Италией, и запрещаю каждому, кто бы то ни был, служить ему как коро-

лю. И тот, кто хочет нанести ущерб чести церкви, заслуживает того, чтобы и самому потерять престол... И поскольку он, будучи христианином, не желает повиноваться... моими увещаниями пренебрегает... предаю его анафеме” /2,105/. В ответ Генрих обратился в марте 1076 года к папе со своим, весьма грозным посланием, где обрушивается на него за то, что он хочет отнять у короля его законный трон. “Ты поднял на меня руку, - хоть и недостойного, но через помазание вознесенного к власти в королевстве, которого, как учит святоотеческая традиция, судить может только Бог”. Нашла, как говорится, коса на камень. Григорий в новом, специальном письме к германским князьям подтвердил освобождение их от вассальной присяги королю и призвал выступить против него. Феодалы сплотились в оппозицию Генриху и начали борьбу, стремясь освободиться от его абсолютистских замыслов. Ими готовится созыв рейхстага с приглашением папы, чтобы там провести суд над королем. Генрих понял, что ему удастся спасти свой трон только в том случае, если он опередит события и получит от папы отпущение грехов.

Зимой 1076 – 1077 гг. вместе с женой, ребенком и без значительной охраны направился в далекое путешествие через Альпы на поклон к папе. Григорий находился в это время в Ломбардии (Северная Италия) в замке Каносса, принадлежавшем маркграфине Матильде. Вот как описываются эти события хронистом Ламбертом Герсфельдским. “Была чрезвычайно суровая зима, и горы, через которые лежал его путь, с вершинами, уходящими в облака, до того покрыты были снегом и льдом, что ни на лошади, ни пешком нельзя было спуститься с них по скользким отвесным склонам. Между тем, день годовщины его отлучения был уже близок, и в распоряжении короля был ограниченный срок для снятия отлучения, после чего он терял свое королевское достоинство. Нужно было спешить... На каждом шагу скользя и скатываясь вниз, с большой опасностью для жизни, достигли, наконец, равнины...” /6,286/. 25 января 1077 года Генрих, без оружия, с небольшой свитой явился к воротам замка, окруженного тройной стеной. Он был пропущен и стоял, по словам Ламберта, трое суток в одежде кающегося грешника с просьбой об аудиенции. “Там Генрих, - пишет хронист, - сняв решительно все знаки королевского достоинства, без всякой пышности, босым, стоял без еды с утра до вечера в ожидании приговора римского первосвященника. То же было и на второй день, и на третий. Наконец, на четвертый день был он допущен к папе, и после длительных объяснений с него снято было, в конце концов, церковное отлучение...” /6,290/. Преемник Карла Великого и Оттона I, Генрих IV испытал страшное унижение. Отсюда и возникло выражение “идти в Каноссу” - каяться, смиряться, идти на унижение перед противником.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковальский Я. Папы и папство / Пер. с польск. – М.: Политиздат, 1991.

2. Гергей Е. *История папства / Пер. с венг. – М.: Республика, 1996.*
3. Филиппов Б.Н. *Империя и папство в средние века: вокруг Клонийской реформы // История. – 1997. - № 9.*
4. Лортц Й. *История церкви Т.1. / Пер. с нем. – М.: Христианская Россия, 1999.*
5. Колесницкий Н.Ф. *Священная Римская империя: притязания и действительность. – М.: Наука, 1977.*
6. *Анналы Ламберта // Хрестоматия по истории средних веков Т.1.– М.: Просвещение, 1949.*

А.Н. Саливон

ЧЕЛОВЕК ВОЗРОЖДЕНИЯ: ОБРАЗОВАННОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ

Изучение западной цивилизации как особого типа в мировом цивилизационном развитии, со своей системой ценностей, имеет богатую историографическую традицию. Зарубежные и отечественные исследователи М. Вебер, О. Шпенглер, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, А.Я. Гуревич и другие дали весьма обстоятельную характеристику способам жизнедеятельности западного мира. Вскрыты его фундаментальные ценности, отличия от других типов цивилизаций. По Максус Веберу, они сводятся к следующему: динамизм, ориентация на новизну; утверждение достоинства и уважения к человеческой личности; индивидуализм, установка на автономию личности; рациональность; идеалы свободы, равенства, терпимости; уважение к частной собственности (1, 429).

Общеизвестен аксиологический тезис о связи ценностей с существующей культурой общества, с его социальной системой. В литературе последних лет обозначился особый интерес к проблеме истоков культурно-социальных западных ценностей, и в связи с этим совсем не случайно наше обращение к эпохе Ренессанса в Европе. Эта эпоха не просто один из многочисленных периодов истории, а, по утвердившемуся в историографии мнению, своеобразный исторический феномен, когда происходят коренные перемены в сознании человека и его видении мира. Она стала важной вехой, а в определенной степени - базисом формирования личности западного человека, тех ее черт, которые выделял М. Вебер. Не нами удачно замечено, что, познавая Возрождение, мы в значительной мере познаем себя, высказываясь о Возрождении, раскрываем себя и свои глубинные мировоззренческие установки. Причем для россиянина, русской культуры это справедливо не в меньшей степени, чем для человека Запада /2, 319/.

Невольно напрашивается сравнение исторической ситуации, которая дала толчок эпохе Возрождения, с нашим временем. По сути, сегодня мы сталкиваемся с теми же проблемами, хотя они и облакаются в иные фор-

мы. Так же, как и итальянцы XIV – XV вв., переживаем кризис, развал старых систем и старых подходов, так же в воздухе ощущается уже в течение десяти лет обостренная, сильная потребность в глобальном обновлении, утверждении новых идеалов и ценностей.

В статье ставится вопрос об осознании итальянскими гуманистами “образованности” как ценности в социокультурной реальности той эпохи. Общефилософский уровень теории ценностей нами не затрагивается /3/.

Ценность будем определять как положительную значимость или функцию тех или иных явлений в системе общественно-исторической деятельности человека, приравнивая ее к полезности /4,107/. Общие оценки Возрождения Буркхардтом считались хрестоматийными и, в основном, восприняты современными историками. Но что уже больше не встречается одобрения, так это тезис о полном разрыве культуры Возрождения с культурой Средневековья.

Возрожденческая образованность осознавалась всеми гуманистами как апология античности, и, скорее, была связана не столько с ценностной категорией “истина” (познание), сколько с категориями “добро”, “гражданственность” - своеобразным регулятором поведения изнутри, голосом долга, совести. Показательно - образ пробуждения или возрождения античного мира стал компонентом определения “Возрождение”, особенно в той нормативной формулировке, которая была предложена в середине XIX века французским историком Жюлем Мишле и швейцарским историком культуры Якобом Буркхардтом. Буркхардт рассматривал Возрождение прежде всего как возрождение античности, как “открытие” человеком окружающего мира и вместе с тем собственной неповторимой индивидуальности. Существуют иные мнения по вопросу “Можно ли считать пользу ценностью?” См., напр., Каган М.С. Философская теория ценностей.

Общеизвестно, что европейская культура, западная европейская цивилизация складывались во взаимодействии нескольких глобальных историко-культурных традиций: христианской, античной и “варварской” кельто-германской. Первая, христианская традиция, порождает, по выражению М.Л. Андреева, “образ человека в истории” с такими характеристиками европейского исторического сознания, как линейность и финализм, и образ человека в его духовном измерении /5/. Античная традиция стоит у истоков европейской социальности, рационализма, образованности. Взаимодействие проходило в течение всего средневековья, крайне медленно, с преобладанием христианского субстрата. Особенно пострадала античная составляющая в культуре раннего средневековья. Новую форму и интенсивность получил этот процесс в эпоху Возрождения, когда современники-гуманисты ввели уничижительное название “*Medium aevum*” к обозначению промежуточного времени между античностью и эпохой Данте и Джотто, рассматривая его “темными веками”, как антитезу: “варварство” – “образованность”. Выход из темных столетий они видели в вос-

становлении античной образованности. Содержание ценностного отношения гуманистов к античности, к образованности можно определить как мировоззренчески-смысловое (гуманизм и авторитет прошлого). Оно детерминировалось общим социокультурным контекстом эпохи и, в свою очередь, влияло на функционирование общества и культуры. Адекватно осмыслить ренессансную “образованность” как ценность можно только в контексте базовых экзистенциальных ценностей - ценности человека, смысла его жизни. Именно человек, постигнутый в качестве связующего звена всего мироздания, творца окружающей действительности и самого себя, выступал структурообразующей ценностью Возрождения. Напомним своего рода программную “Речь о достоинстве человека” флорентийского гуманиста Пико делла Мирандолы, где он от имени Бога провозглашает: “Я создал тебя существом не небесным, но и не только земным, не смертным, но и не бессмертным, чтобы ты, чуждый стеснений, сам себе сделался творцом и сам выковал окончательно свой образ. Тебе дана возможность пасть до степени животного, но также и возможность подняться до степени существа богоподобного – исключительно благодаря твоей воле...”. Пико славит человека как сотворца, который, поднимаясь к Богу, творит себя. Природа человека двойственна, и одна ее часть поднимает его вверх, а другая тянет вниз. Чтобы подняться выше по лестнице, нужно очистить душу этикой и осветить естественной философией. Он ратует за серьезную работу над собой, своим образованием; это дело каждого отдельного человека /2/. Цель жизни – “достоинство” и самосовершенствование, осознаваемые как переплетение этических, социальных, эстетических ценностных аспектов, в том числе образованности.

Достигается образованность посредством изучения комплекса гуманитарных античных дисциплин (*Studia humanitatis*) – грамматики, философии, поэзии, риторики, истории. Носителей образованности, преподавателей этих дисциплин и стали называть гуманистами. Внимательное чтение их сочинений показывает, что они увидели в “гуманитарных студиях” не просто набор дисциплин, занятых изучением человека, а необходимое средство его развития, совершенствования, возвышения. Если другие учебные предметы призваны формировать практические навыки овладения определенной профессией, то гуманитарные науки в контексте главной ценности антропоцентризма осознавались как формирование человеческого в человеке с акцентом на античность. Обращение к прошлому можно объяснить сохранением циклического представления о времени как о непрерывном движении от древнего золотого века чистоты и истины к векам медному и железному, и поэтому, как отмечает американская исследовательница Френсис Амелия Йейтс, поиски истины, добра, гражданских свобод, гармонии “оказывались поисками раннего исконного золота” /6, 9/.

Начиная с Франческо Петрарки, обнаруживается отчетливая тенден-

ция: восстановить античную классическую древность, необходимую для самоутверждения. Латинские и греческие авторы после долгого “летаргического сна” средневековья рассматриваются теперь в качестве истинных учителей человеческого. Под “человеческим” гуманисты понимали совокупность качеств, требующих специальной тренировки и образованности. Среди них: изысканность вкуса, красивая речь, наслаждение жизнью, способность вызывать симпатию, добродетель, ученость /7,173/. Обновление (*renovatio*) осознается как восстановление образованности и, в первую очередь, чистой латыни, красноречия, публичного диалога.

О преклонении гуманистов перед искусством слова написано много. Важно подчеркнуть, что они увязывали воскрешение чистых форм латинского языка и овладение им с нравственными, эстетическими ценностями, в том числе - с красотой, добродетелью, общественной и индивидуальной активностью. Гуманист Никколо Никколи в диалоге с сыном благородного пополана говорит: “Постыдно, что ты, будучи сыном своего отца и пригожим с виду, не занимаешься изучением латинской словесности, которая была бы тебе великим украшением. Если ты ее не изучишь, тебя совсем не будут уважать и когда пройдет цвет твоей молодости, ты окажешься лишенным всякой доблести” /8,73/. Приведем еще одну выдержку из сочинения другого гуманиста XV века Анджело Полициано, как яркое свидетельство тому, что латинский язык Цицерона, риторика становятся для деятелей Возрождения царицами всех наук, показателями образованности. Он произносит такие слова похвалы красноречию: “Что может быть лучше, чем как можно более превосходить людей в том, в чем сами люди стоят выше прочих животных? Что может быть более восхитительным чем, обращаясь ко множеству людей, настолько проникать в их сердца и умы, что побуждать их к тому, чего хочешь, или отвращать их от чего-нибудь по своему желанию?.. Что может быть, в самом деле, прекраснее, чем прославлять и превозносить в речи выдающихся доблестью мужей и их замечательные деяния, обращаться против людей нечестивых и порочных и поражать их всей мощью ораторского искусства?.. Что может быть столь полезно и столь плодотворно, как обладать способностью убеждать людей в том, что ты нашел полезным и целесообразным для государства и для них самих, и отклонять их от дурных бесплодных замыслов... Что более приятно и сообразно со свойством человеческой природы, чем владение таким родом речи, который исполнен мысли, украшен словами, отличается остроумием и изяществом, лишен всякой грубости, невежества и нелепости” /9,247/.

По мнению ряда историков, культура Возрождения есть культура по преимуществу риторическая. Слово понималось как высшее проявление человеческой природы. Поэтому образованность предполагала обязательную работу над словом, стилем. Отсюда – эстетическая доминанта ренессансной культуры /10, 349/.

Воспевая человека, гуманисты (“Гражданский гуманизм”) требуют от него глубокой образованности, увязывают ее с практической пользой как для общества, так и для отдельной личности, включая в концепции “общего блага”, “гражданского служения”. Показательны слова Поджо Браччолини на похоронах в 1444 году своего друга, Леонардо Бруни: “Все те, кто хотел быть великими мужами, превосходящими остальных, прославить свое имя, пусть соединяют с занятиями литературой и наукой совершенствования в добродетелях и обращают их на пользу государства и каждого человека... Тех, у кого в сердце музы и кто посвящает себя занятиям добрыми искусствами, я молю, чтобы они со всем усердием и душевным напряжением старались продолжать в речах и сочинениях тот жизненный путь, который начали” /12, 191/. Приведем еще одну фразу из уст Леона Альберти: “Образованный, ты заставишь слушать себя, сограждане станут охотно выслушивать тебя, восхищаться тобой, хвалить и любить тебя” /11, 31/.

В данном случае мы не ставим задачу выявлять противоречия в суждениях Браччолини, Альберти, Пальмиери, Салютати о приоритете учености или гражданского служения в системе ренессансных ценностей. Симптоматичен сам факт такой связки.

Примечательна также в аксиологическом контексте связь образованности и благородства. Гуманисты отвергают благородство, даруемое родовым происхождением, богатством, и превозносят благородство как результат личных заслуг и образованности. Тот же Браччолини замечает: “Благородными становятся с помощью добрых наук и добродетелей, и то благородство истинно, которое каждый приобретает для себя сам справедливым деянием, а не то, что рождено старанием и трудом другого” /15/.

Образованность предполагала знание и обращение к античной истории как к “наставнице жизни” в формировании на героических примерах гражданской доблести, добродетели, долга и ответственности. Царил энтузиазм античной образованности и в художественной сфере – живописцев, ваятелей, зодчих. Они не только учились у античников в “подражании природе”, но и соревновались с ними, реализовывали себя как творцов красоты, понимая, что без знаний нельзя превзойти своих предшественников и утвердить свою индивидуальность в глазах современников.

В эпикурейском (“наслажденческом”) варианте гуманизма образованность увязывается с принципом разумного наслаждения. Лоренцо Валла в диалоге “Об истинном и ложном благе” (другое название – “О наслаждении”) убежден, что наслаждение (*voluptas*) – это естественное свойство человека и цель его устремлений. Все богатство материальных и духовных благ, в том числе образованность, по его словам, должно приносить наслаждение человеку и, в конечном счете, радость, счастье в земной жизни /13/.

У другого сторонника Эпикура, Козимо Раймонди, читаем: “Занятия

и опыт людей свидетельствуют о том, что все совершается ради наслаждения. Для чего мы беспокоимся проводим дни и ночи в тяжких трудах... как не из-за надежды жить в будущем счастливо?.. А с какой целью изучали бы науки, литературу и искусства, как не ради особого для приобретения богатства, благодаря которым мы сможем провести жизнь с наслаждением?" /14, 73/.

Анализ источников обнаруживает противоречия, нестыковки в итальянском гуманизме культа человека и смысла его жизни. По справедливому замечанию М.Л. Андреева, гуманизм – явление изменяющееся и развивающееся. Он не полностью равен себе ни в пространстве (Флоренция, Милан, Рим), ни во времени (ранний, зрелый, поздний) /15, 341/. Но, при всех выявляемых частностях, антропоцентризм, образованность остаются стержнем разных вариантов гуманизма и неотъемлемой ценностью социокультурной реальности Италии в эпоху Возрождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь по культурологии. – М., 1997.
2. Андреев М.Л. Культура Возрождения // История мировой культуры: Наследие Запада. – М., 1998.
3. Коган М.С. Философская теория ценностей. – СПб., 1997.
4. Коришун А.М. Диалектика субъекта и объекта познания. – М., 1982.
5. Бурхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. – М., 1996.
6. Мирандола П. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. Т.1. – М., 1981.
7. Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. – М., 2000.
8. Шаповалов В.Ф. Основы философии: От классики к современности. – М., 1998.
9. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. – М., 1995.
10. Анджело Полициано. Речь о Фабии Квинтилиане и "Сильвах" Стация // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. – М., 1985.
11. Поджо Браччолини. Речь на похоронах Леонардо Бруни // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб., текстов. – Саратов, 1984.
12. Ревякин Н.В. Некоторые вопросы формирования личности в итальянской гуманистической педагогике. – М., 1986.
13. Поджо Браччолини. Книга о благородстве // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов. – Саратов, 1984.
14. Валла Л. Об истинном и ложном благе // Эстетика Ренессанса. Т.1. – М., 1981.
15. Раймонди К. Речь в защиту Эпикура // Эстетика Ренессанса. Т.1. – М., 1981.
16. История мировой культуры: Наследие Запада. – М., 1998.

Т.М. Смакотина

ЭЛЛИПСИС КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ В АНГЛИЙСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Согласно предикатно-аргументной концепции структуры предложения, между глубинно-семантической и поверхностной структурами предложения нет однозначного соответствия. Не все элементы семантической струк-

туры эксплицитно выражаются на синтаксическом уровне. Понятие эллипсиса широко использовалось в традиционной грамматике, далее отрицалось как смешение языковых и логических категорий и находит вполне адекватное объяснение в свете теории глубинных структур. Эллипсис – не что иное, как стирание или замена нулем в поверхностной структуре предложения тех или иных элементов его глубинной структуры. Эллиптическое предложение отличается от полносоставного тем, что в его позиционной структуре имеются те или иные незамещенные позиции. Наиболее типичными синтаксическими структурами для разговорной речи являются именно эллиптические предложения. Их большая частотность и регулярность воспроизведения обусловлена рядом структурных и коммуникативных факторов. Тенденция к экономии в разговорной речи проявляется в различных видах компрессии при формировании поверхностной структуры предложения. Данная статья посвящена одному из видов компрессии – эллиптической редукции, в частности анафорическому эллипсису в английской диалогической речи.

Типичным случаем употребления эллиптических предложений являются диалогические единства – комбинации реплик, состоящие из вопроса – ответа, утверждения – подтверждения или отрицания. Нормой является реагирующая реплика с нулевой формой вместо повторяющихся знаменательных компонентов.

“When will you be moving, if you get the job?” Ingrid asks.

“Probably not till Easter” (*S. Barstow, The Watchers on the Shore*). = I’ll not be moving probably till Easter.

Mrs. Barker: ...they say I was here before.

Grandma: Well, you were (*E. Albee, The American Dream*). = You were here before.

Эллиптические предложения строятся в точном соответствии с имеющимися в языке моделями. Выпадение отдельных позиционных звеньев модели оттого и возможно, что остающиеся звенья позволяют восстановить целую позиционную модель предложения. А с другой стороны, стремление к краткости передачи сообщения приводит к тому, что сохраняются только те позиции, которые несут новую информацию. Содержание опущенного звена известно, оно дублируется контекстом диалогического единства. Тесная смысловая и структурная связь стимулирующей и реагирующей реплик делает излишним повторение всех знаменательных компонентов, которые являются в коммуникативном отношении тематическими. Эллиптизация наиболее часто осуществляется, когда в реагирующей реплике реализуется та же синтаксическая модель, которая лежит в основе стимулирующей реплики.

Stanley: What are you doing?

Clive: Stealing your drink (*P. Shaffer, Five Finger Exercise*). = I am stealing your drink.

Lottie: Where was I?

Freda: Driving round the Ringstrasse, my dear, talking business (*N. Coward, Bitter Sweet*). = You were driving, you were talking business.

Неполная модель реагирующей реплики имеет ряд незанятых позиций, которые получают в сознании слушающего лексическое наполнение, обусловленное предшествующей репликой. Синтаксическая неполнота ответной реплики опирается на полную синтаксическую модель стимулирующей реплики, которая проецирует на нее незаполненные позиции и способствует их восстановлению. В семантическом отношении вторая реплика безусловно зависит от предшествующей, она понятна только в связи со стимулирующей репликой, и именно ее эллиптичность служит дополнительным средством связи в диалогическом единстве.

Особый интерес представляет собой взаимодействие в диалогическом единстве специального вопроса и ответа, выраженного неполным предложением.

Laura: When will you go?

Alec: In about two months time (*N. Coward, Still Life*). = I'll go in about two months time.

Здесь происходит замена ряда коммуникативно неактуальных компонентов анафористическими субститутами, т.е. неполная реализация структурной схемы. Коммуникативно неактуальными являются те компоненты, которые называют повторяющиеся объекты. Пропуск компонента оказывается возможным благодаря его референционному тождеству с компонентом предшествующего предложения в пределах того же текста /1/. Анафорический эллипсис реализуется в условиях синтаксической симметричности построения предложений с повторяющимися объектами. Симметричность структуры предложений играет важную роль при однозначном восстановлении опущенного элемента, благодаря его связи с предшествующим текстом. Для интерпретации ответной реплики необходимы те пропущенные звенья, которые полностью выражены в первой стимулирующей реплике, независимо от ее коммуникативного типа (вопрос, утверждение и т.д.)

Эллипсис, или структурная неполнота, рассматриваются исследователями закономерностей построения диалогических единств на материале английского языка как собственно грамматический вид связи между репликами диалогической речи /2/. Первая реплика в диалогических единствах более автономна и структурно независима, чем последующие, она чаще имеет законченную структуру. По мнению К.А. Гузеевой, именно отсутствие словесных форм в каких-то позициях в предложениях – вторых репликах можно рассматривать как сигнал связи с предыдущей репликой. Нулевые формы выступают как формальный показатель взаимосвязанности двух высказываний собеседников.

Leo: How do I appear to you now?

Gilda (gently): The same (*N. Coward, Design for Living*). = You appear the same to me.

В последующей реплике не повторяется, эллиптируется знаменательный состав первой. Полное содержание подобных ответов легко восстанавливается из содержания вопроса.

Эллиптироваться могут различные члены предложения. Эллипсис подлежащего в английском языке составляет особенность лишь разговорной речи. Типичной для разговорной речи является элиминация подлежащего двусоставных предложений, выраженного личными местоимениями I, he, she, it, you, а также местоимением it, употребляющимся в качестве “вводящего” или безличного. Эллипсис подлежащего встречается как в стимулирующей, так и в реагирующей реплике.

Наибольшую гибкость проявляет повторяющееся сказуемое, которое часто эллиптируется при повторном упоминании либо полностью, либо частично. Наблюдаются следующие виды эллипсиса сказуемого:

1) Эллипсис именной части составного сказуемого вместе с глаголом – связкой “be”:

Splendor: ... Say! That'd be a great story!

Becker: What would? (*Holland, Headline*) = What would be a great story

-Do you think the children will be there?

-Of course they will (*M. Drabble, The Needle's Eye*). = They will be there.

Эллиптические предложения в вышеприведенных диалогических единствах строятся на способности вспомогательного глагола замещать полную глагольную форму в позиции сказуемого в определенных контекстах, каковым является анафорический контекст.

2) Эллипсис только именной части составного именного сказуемого:

“It's a better face than mine”, said Frankie generously.

“It isn't – but it sort of haunted me” (*A. Christie, Why didn't They Ask Evans*). = It isn't a better face.

3) Эллипсис части составного глагольного модального сказуемого:

“He looked a very presentable young chap”.

“He should with his backing” (*S. Barstow, Ask Me Tomorrow*). = He should look a very presentable young man with his backing.

Подобные эллиптические предложения строятся на способности модального глагола в английском языке замещать все модальное глагольное сказуемое.

4) Эллипсис глагола – связки вместе с подлежащим:

“Who the hell is this Philippe Chantier?”

“The hungry young man of course” (*Greene, Loser Takes All*). = He is the hungry young man.

5) эллипсис простого глагольного сказуемого, выраженного полнозначным глаголом, вместе с подлежащим:

-You'll write to me anyway, won't you?

-In a day or two, when I know how it's going" (*S. Barstow, The Watchers on the Shore*). = I'll write to you in a day or two.

Эллипсис может включать все члены предложения, за исключением тех, которые несут на себе новую информацию. Это могут быть второстепенные члены предложения: дополнение, обстоятельство и др.

В эллиптированных реагирующих репликах либо сообщается новая информация, либо передается лишь модальная реакция собеседника, либо сочетается фактуальная информация с модальной.

"You'll write to me anyway, won't you?"

"In a day or two..." (*S. Barstow, The Watchers on the Shore*).

Здесь реагирующая реплика является непосредственным продолжением стимулирующей и содержит фактуальную информацию, в то время как в следующем единстве эллиптическая реагирующая реплика является модальной, выражает подтверждение.

Alec: Shall I see you again?

Laura: Of course (*N. Coward, Still Life*).

Реагирующая реплика может состоять из одного слова – подтверждения Yes, либо отрицания No. В таких предельно простых с точки зрения синтаксического строения репликах содержится только модальная информация согласия или несогласия, подтверждения или отрицания. Эти предложения характеризуются, в основном, своей позицией после вопросительного предложения. Без предшествующего контекста они не несут никакой информации. Слова – предложения Yes и No репрезентируют в ответной реплике предикативное ядро предыдущего вопросительного предложения.

"You mean – you are giving me notice?"

"Yes" (*Greene, Loser Takes All*).

При этом необходимо отметить специфику слов – предложений Yes, No в английском языке в отличие от русского языка. Реплика Yes может выражать несогласие с мнением собеседника, в то время как No может передавать полное подтверждение информации, содержащейся в исходной реплике.

Явление эллиптизации распространяется в диалогической речи и на сложные предложения. В тех случаях, когда реагирующая реплика представлена сложноподчиненным предложением, может быть эллиптирована либо главное, либо придаточное предложение.

В таких случаях тесная смысловая и структурная связь реплик диалога делает излишним повторение изъяснительного придаточного предложения, которое содержит в коммуникативном отношении только тематические компоненты. Главные предложения, представленные в реагирующих репликах, имеют при этом оценочную семантику, выражают положительное или отрицательное отношение говорящего к содержанию придаточного.

Сложноподчиненные предложения с придаточными условными, локаль-

ными, темпоральными, как правило, представлены в реагирующей реплике именно этими придаточными предложениями с союзом, который имплицитно связывает главное предложение.

“So you might be moving away?”

“If it comes off, yes” (*S.Barstow, The Watchers on the Shore*). = If it comes off, I'll be moving away.

Двусторонний характер коммуникации, динамизм диалога, выражающийся в быстрой смене реплик, их краткости, проявляется в своеобразном приеме – подхвате, когда реагирующая реплика содержит продолжение предложения, начало которого в предшествующей реплике.

“So if you hear anything which might have even the faintest significance...”

“I'll pass it on to you”, he promised (*D.Francis, Dead Cert*)

Интерпретация этого интересного явления, базирующегося на способности слушающего прогнозировать начатое собеседником высказывание, связана с прагматикой и выходит за рамки данной статьи.

Значительное место в диалогической речи занимает ситуативный эллипсис. В этом случае пропущенные звенья не эксплицитно восстанавливаются в предшествующем контексте, но коммуниканты понимают друг друга на основе общности фоновых знаний, пресуппозиций и других экстралингвистических факторов. Такого рода эллипсис не предполагает однозначного восстановления опущенной информации, поскольку ее источником не является строго фиксированный языковой контекст. Следовательно, при восстановлении исходной конструкции возможна определенная вариативность интерпретации. Перспективной представляется мысль об изучении ситуативного эллипсиса с точки зрения так называемой “неопределенности” (*vagueness*) в языке /3/.

Языковая неопределенность безусловно характерна прежде всего для разговорной речи. Точное выражение своих мыслей зачастую не предусматривается коммуникативной установкой собеседников. Недосказанность может соответствовать коммуникативному намерению говорящего, который полагается на творческое, активное восприятие его высказывания партнером по диалогу. В связи с этим обратимся к цитате из Карла Бюлера: “Хорошо говорить также означает быть экономным в выборе языковых средств и многое оставлять слушателю – прежде всего далеко простирающуюся свободу проявления собственного попутно созидающего мышления. Строго говоря, анафорические указательные знаки определенным образом регулируют это конструктивное параллельное мышление слушателя” /4/. Признание за эллиптическими предложениями в контексте диалога статуса “анафорического указательного знака” открывает перспективу их изучения в прагматическом аспекте, как своеобразного приема в коммуникативной стратегии говорящего.

Рассмотренные в статье эллиптические предложения являются своеобразной нормой для английской диалогической речи. Их структурная не-

полнота представляет собой один из видов связи реплик. Эллипсис можно рассматривать как нулевой повтор, и как таковой он служит приемом отсылки в текст “слева”, выполняя функцию анафорической связи реплик диалога. Эллиптический повтор – это нулевой знак, являющийся анафорическим связующим звеном в диалогическом единстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ариштейн В.М. Анафорический эллипсис событийного дополнения в разговорной речи в современном английском языке // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Республиканский сборник научных трудов. – Горький, 1982. – С. 6-11.
2. Гузеева К.А. Синтаксическая неполнота предложения как имплицативная интеракция // Семантико-стилистические исследования текста и предложения: Межвуз. сб. науч. трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. – С. 38-43.
3. Свиридова Е.В. Ситуативный эллипсис как способ сокращения поверхностно – синтаксической структуры предложения // *Studia Linguistica. Проблемы теории европейских языков.* – СПб.: Тригон, 2001. – Вып. 10. – С. 419-423.
4. Карл Бюлер. Теория языка. Репрезентативная функция языка/Пер. с нем. / Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной. – М.: Изд. группа “Прогресс”, 2000. – С. 362.

А.А. Соколова

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛАМИ

Отношения между мужчиной и женщиной складывались веками. Первоначально, в природе, они, скорее всего, были чисто биологическими, равноправными отношениями между полами. В социальных условиях понятие пола приобрело, кроме биологического, социо-культурное значение, и отношения между полами стали неравноправными: патриархату свойственно главенство мужчины над женщиной, при матриархате – женщины над мужчиной. В XXI веке, когда гражданский брак считается нормой, когда повсюду создаются феминистические организации, когда женщины освоили все виды труда и участвуют в политической и экономической жизни страны, вопросы гендерного просвещения становятся особенно актуальными. На смену патриархатному типу отношений между полами приходит эгалитарный тип отношений, который заключается в личностной взаимодополняемости мужчины и женщины в обществе и семье.

Во фразеологической системе русского языка сложилась подсистема процессуальных фразеологизмов, выражающая отношения между полами. Интересно проследить, как во фразеологии интерпретируются роли мужчины и женщины, кто является инициатором возникновения отношений, их развитие и прекращение, каковы гендерные стереотипы, то есть выработанные обществом привычные ожидания способов социального поведения и требования к личности в соответствии с биологическим полом.

Среди процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения есть подсубкатегория, которая включает единицы, выражающие отношения между лицами (субъект-лицо – объект-лицо): *вставлять палки в колеса* кому-л., *идти навстречу* кому-л., *подложить свинью* кому-л., *перейти дорогу* кому-л. и др. Внутри этой подсубкатегории особое место занимает семантический разряд фразеологизмов, выражающих отношения между полами. Отношения между мужчиной и женщиной, по данным нашей картотеки, могут быть брачные и внебрачные.

В современном русском языке спектр брачных отношений, выражаемых фразеологическими единицами, очень широк. В нашей картотеке насчитывается 60 единиц в 290 употреблении, самой частотной из которых является фразеологизм *выходить/выйти замуж*. Сравните: на фразеологизм *выходить/выйти замуж* приходится 129 употреблений, на фразеологизм *выдавать/выдать замуж* - всего 13, *брать/взять в жены* - 8, *брать/взять замуж* - 3.

Этот семантический подразряд имеет 4 семантические группы:

1) фразеологизмы, которые соотносятся только с субъектом-мужчиной (*брать/взять в жены, брать/взять замуж, предлагать/предложить руку и сердце, предлагать/предложить руку, просить руки, звать/позвать замуж, делать/сделать предложение* и др.),

2) фразеологизмы, которые соотносятся только с субъектом-женщиной (*выходить/выйти замуж, выскакивать/выскочить замуж, идти/пойти замуж, принять/принимать предложение* и др.),

3) фразеологизмы, которые соотносятся и с субъектом-мужчиной, и с субъектом-женщиной (*иметь на примете, вступать/вступить в брак, заключать/заключить брак, заключать/заключить брачный союз, регистрировать/зарегистрировать брак, идти/пойти под венец, стоять под венцом, обмениваться/обменяться обручальными кольцами, проходить/пройти обряд венчания, оформлять/оформить брак, регистрировать/зарегистрировать отношения, связать судьбу, создать брак, сочетаться семейными узами, сочетаться законным браком, связывать/связать узами Гименя, венчать венцом, венчаться венцом, жить в браке, бросать/бросить семью, не иметь видов, состоять в браке, разорвать брак, не иметь браков, не иметь видов),*

4) фразеологизмы, которые соотносятся с субъектом-родителем (*отдавать/отдать в жены, выдавать/выдать замуж, пораспихать замуж, играть/сыграть свадьбу*).

В нашей картотеке насчитывается 64 фразеологизма в 220 употреблении, которые обозначают взаимоотношения между мужчиной и женщиной без указания на семейные узы, например: *заводить/завести роман, воспылать аллюром, объясняться в любви, подбивать клинья, покорить сердце, быть в связи, входить в совокупление, вешаться на шею, загонять под каблук, заниматься любовью, любить до гроба, крутить шаши, наставить рога, отвечать взаимностью, разбить сердце, разрывать отношения, сво-*

дить с ума, иметь интрижку, иметь близость и др.

Семантический подразряд фразеологизмов, выражающих внебрачные отношения между полами, можно дифференцировать на группы в зависимости от половой характеристики субъекта.

Первую семантическую группу составляют фразеологизмы, которые соотносятся преимущественно с субъектом-мужчиной, например, *воспы- лать аллюром* в значении “влюбиться в кого-л., увлечься”, *находиться под каблуком* в значении “быть в подчинении у женщины”, *оказывать знаки внимания* в значении “ухаживать за кем-л., проявлять свою симпатию к кому-л.”, *сходить с ума* в значении “быть влюбленным в кого-л.”, *иметь сношения* в значении “вести половую жизнь с кем-л.”, *объясняться в любви* в значении “открывать свои любовные чувства кому-л.”, *иметь связь* в значении “находиться с кем-л. в любовных, интимных отношениях и др.:

Белобородов был казнен в Москве прежде поимки Пугачева. Ген.<е- рал> Потемкин **имел связь** с Устиньей, второй женою Пугачева. (*А.С. Пуш- кин. История Пугачева*). Беневоленский, Феофилакт Иринархович, статс- кий советник, товарищ Сперанского по семинарии. **Имел** любовную **связь** с купчихою Распоповою, у которой, по субботам, едал пироги с начин- кой. (*М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города*). Его супруга со сле- зами рассказала, что ее супруг, оказывается, **имел “связь вне брака”**. (*Ком- мерсант, №84, 2000*).

Одним из показателей субкатегориального значения отношения является наличие в контексте объекта. В приведенных цитатах объект есть только в первых двух, а в третьей употреблено сочетание “связь вне бра- ка”. Скорее всего, здесь можно наблюдать переход к созданию семантики состояния, так как в контексте акцент делается не на отношениях мужчи- ны с любовницей, а на характеристике самого мужчины, его моральных качествах.

Во фразеологизмах первой семантической группы субъект-мужчина ак- тивен, является инициатором отношений и направляет их на объект-жен- щину. Субъект обычно выражен одушевленным личным существительным и называет мужчину по имени, званию, должности или социальному ста- тусу. Также субъект может быть выражен личным местоимением: Он **объяс- нился мне в любви**, будто речь на симпозиуме произнес: пространно и ви- тиевато. (*Работница, №1, 1999*).

Во вторую семантическую группу входят фразеологизмы, которые име- ют субъектом преимущественно женщину, к примеру, *загонять под каблук* в значении “брать власть над мужчиной, подчинять его себе”, *делать глазки* в значении “заигрывать с кем-л., привлекать к себе внимание”, *сводить с ума* в значении “влюблять в себя кого-л., увлекать”, *вешаться на шею* в значении “открыто проявлять свою любовь к кому-л., приставать к кому- л. со своими чувствами” и др.:

Женщины всегда влюблялись в вас и **вешались на шею**. (*А.П. Чехов*.

Чайка). И все из-за женихов, из-за проклятых. До того обнаглела Надёха, что рада всякому встречному на **шею повеситься!** (*М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*). Но такой уверенности у Тоси не было; она боялась, что Илья, чего доброго, решит, будто она **вешается** ему на шею, и смиренно стояла у женской стенки, караулила портреты Ильи и Веры и делала вид, что ей совсем не хочется танцевать. (*Д. Бедный. Девчонка*).

В этих фразеологизмах активна женщина, она строит свои отношения с объектом-мужчиной. Субъект чаще всего выражен собственным одушевленным личным существительным или личным местоимением.

В третью семантическую группу мы включили фразеологические единицы, которые соотносятся и с субъектом-мужчиной, и с субъектом-женщиной: *вступить в связь* в значении “начать интимные отношения с лицом противоположного пола”, *крутить шаши* в значении “флиртовать, быть в любовных отношениях”, *разбить сердце* в значении “влюбить в себя кого-л. и сделать несчастным вследствие неразделенной любви”, *иметь свидание* в значении “встречаться с любимым человеком, иметь романтические встречи”, *заниматься любовью* в значении “вести половую жизнь с кем-л.”, *вскружить голову* в значении “влюблять в себя кого-л., увлекать”, *выяснять отношения* в значении “пытаться разобраться в сложившихся отношениях между кем-л., сделать их ясными, искать причину непонимания, ссоры, размолвки” и др. В таких фразеологизмах складываются равноправные отношения между субъектом-мужчиной и субъектом-женщиной.

При этом в контексте второй субъект-лицо может быть выявлен синтаксически по-разному. Существительное, выражающее субъект-лицо, может выступать в функции дополнения к сказуемому:

Вы пришли со своим чином и деньгами, поугали родителей и **вскружили** семнадцатилетней девочке **голову** разной мишурой (*А.П. Чехов. ПСС, т. 2.*) По правде говоря, **она** будет далеко не первой женщиной, которая **вскружит** гениальную **голову** Гёте (*Работница, №11, 2000*). По Стэнфорду поползли слухи, что президент университета Герхард Каспер **закрутил роман** с первокурсницей Челси (*Коммерсант, №33, 2000*). Галина Леонидовна была настоящей царевной – купалась в бриллиантах и **крутила романы** с самыми красивыми мужчинами папиной страны (*АиФ, №45, 1999*).

Два субъекта-лица могут быть выражены существительными в функции неразложимого подлежащего:

Когда-то давно Тимофей с Полей **“крутили”** преступную **любовь** (*Шукшин. Билет на второй сеанс*). На такой основе (“гостевой брак”) **строились отношения** Владимира Высоцкого и Марины Влади (Москва – Париж); Тома Круза и Николь Кидман (Нью-Йорк и Лос-Анджелес)... (*АиФ, №44, 1999*). Он и его Долли **имели** безудержные половые **сношения** на этом диване по крайней мере сто восемьдесят раз с тех пор, как она зачала (*В.Набоков. Лолита*).

И наконец, субъект-лицо может быть выражен существительным или местоимением в форме множественного числа: **-А в любви вы друг другу признавались?** Конечно (*Московский комсомолец, № 50, 1998*).

В нашей картотеке есть фразеологизмы, которые употреблены со всеми тремя типами равноправных субъектов:

Те, кто чаще **занимается любовью**, менее агрессивны и реже испытывают чувство тревоги (*АиФ, №27, 1999*). Более того, при анонимном тестировании выясняется, что во время полового акта 92% женщин представляют, что они **занимаются любовью** с другим человеком (*АиФ, №12, 2000*). Я неоднократно был свидетелем того, как люди **занимались сексом**, даже не зная, как зовут партнера (*АиФ, №12, 2000*). Девушка с парнем, за секунду до этого иступленно **занимавшиеся сексом** на раскладном диване..., остановились... (*АиФ, №20, 2000*). Недавно нашелся виртуоз, который **занимался** со Светой **сексом**, когда она стояла на голове (*Комс. пр., №207, 2000*).

У фразеологизмов **заниматься любовью** и **заниматься сексом** возможен переход семантики из субкатегории отношения в другие субкатегории:

Именно в это время я **занималась любовью** на кухне на подоконнике, с раскрытым окном, все грохотало, рушилось, падало, сверкала молния (*АиФ, №47, 1999*). Но пока мужчина живет, он должен хотеть **заниматься сексом** регулярно (*АиФ, №25, 2000*).

В данных употреблениях второй равноправный субъект не выражен, акцент делается на характеристике одного человека, его физиологической потребности, следовательно, можно говорить о создании семантики состояния.

Фразеологизм может уходить своей семантикой и в субкатегорию деятельности: Мы гуляем, ходим в кино, **занимаемся сексом** (*Работница, №4, 2000*). Несмотря на то, что субъект выражен личным местоимением в форме множественного числа, главным здесь является деятельность субъектов (гуляем, ходим в кино, занимаемся сексом).

В системе фразеологических единиц, выражающих внебрачные отношения между полами, возникают различные виды связей: каузативные, синонимические и антонимические.

Каузативные отношения возникают между фразеологизмами разных семантических групп, например, **находиться под каблуком** (субъект-мужчина) - **загонять под каблук** (субъект-женщина):

Зато в домашнем быту **находился под каблуком** своей бойкой, настырной и вездесущей супруги, терпеливо перенося ее нелегкое иго (*И.Бессонов. Сибирские перекаты*). Современной истории известны восточные красавицы, **загонявшие под каблук** не только своих домашних, но и целые страны: Индира Ганди, Корасон Акино (Филиппины), Беназир Бхутто (Пакистан) (*АиФ, №3, 2000*).

Сходить с ума (субъект-мужчина) - **сводить с ума** (субъект-женщина):

Эта упрямая девчонка **сводила** его **с ума** (В.П. Правдухин. *Ялик уходит в море*). –“Значит, есть в ней что-то такое удивительное, если и через столько лет красавец мужик по ней **с ума сходит**”, – думали втайне женщины (*Работница, №1, 2000*).

Принимать знаки внимания (субъект-женщина) - *оказывать знаки внимания* (субъект-мужчина). Она с малых лет охотно **принимала** все **знаки внимания** мальчиков. (*И.Зюсюкин. Из-за девчонки*). ... однако вечером супруг вообще не пришел ночевать. Зато **знаки внимания** ей стал **оказывать** владелец магазина, в котором Таня работала продавцом (*АиФ, №17, 2000*).

Внутри каждой семантической группы фразеологизмы с общей семой “внебрачные отношения между полами” вступают в синонимические связи.

В первой семантической группе фразеологизмов, соотносимых преимущественно с субъектом-мужчиной, мы выделили 2 синонимических ряда. Первый представлен фразеологизмами *иметь контакт, иметь сношения, иметь связь*, объединенными общим понятием “находиться, быть в любовных, интимных отношениях с кем-л.”:

Сабуров с неудовольствием вспомнил, что когда-то имел с нею интимные **контакты** на этом самом диване, и сейчас снова придется отработать выданные авансы. (*А.Мелихов. Горбатые атланты, или новый дон Кишот*). В других домах рассказывалось это несколько иначе: что у Чичикова нет вовсе никакой жены, но что он, как человек тонкий и действующий наверняка, предпринял, с тем чтобы получить руку дочери, начать дело с матери и **имел** с нею сердечную тайную **связь**... (*Н.В. Гоголь. Мертвые души*). Итак, немудрено, что моя взрослая жизнь в Европе была чудовищно двойственна. Во вне я **имел** так называемые нормальные **сношения** с земнородными женщинами, у которых груди тыквами или грушами, внутри же я был сжигаем в адской печи сосредоточенной похоти (*В.Набоков. Лолита*).

Также в первую семантическую группу входит синонимическая пара *находиться под каблуком, находиться под башмаком* с общим понятием “быть в подчинении у кого-л.”.

Во второй семантической группе фразеологизмов с преимущественным употреблением субъекта-женщины синонимическую пару образовали фразеологизмы *вешаться на шею и липнуть как мухи* с общим значением “открыто проявлять свою любовь к кому-л., приставать к кому-л. со своими чувствами”: Такие никогда не ждут. Таким, небось, сами **на шею вешаются**... (*ЛГ, №44, 1972*). Девушки **липли** к нему, **как мухи** (*В.Попов. И это называется будни*).

В третьей семантической группе, которая соотносится и с субъектом-мужчиной и с субъектом-женщиной также можно выделить синонимические ряды.

Фразеологизмы *быть в связи, крутить роман, крутить шашни, иметь*

роман, крутить любовь, крутить шуры-муры образуют синонимический ряд с общим понятием “находиться с кем-л. в интимных, любовных отношениях”:

Наконец однажды на бале у польского помещика, видя его предметом внимания всех дам, и особенно самой хозяйки, **бывшей со мною в связи**, я сказал ему на ухо какую-то плоскую грубость (А.С. Пушкин. *Выстрел*). Значит, в моем доме **ты крутила с ним шашни** (С. Есин. *Р18*). По Стэнфорду поползли слухи, что **президент** университета Герхард Каспер **закрутил роман** с первокурсницей **Челси** (*Коммерсант*, №33, 2000). Когда-то давно **Тимофей с Полей “крутили” преступную любовь**. (*Шукишин. Билет на второй сеанс*). **Шуры-муры крутят**, директора вокруг пальца обводят (А.Виногорадов. *В конце аллеи*).

Фразеологизмы *вступить в связь, заводить роман, входить в связь* создают синонимический ряд с общим понятием “начинать с кем-л. любовные, интимные отношения”:

Он вошел в связь с женщиной, известной в свете своей красотой и любовными похождениями. Она для него развелась с своим мужем, который уступил ее отцу моему за 10000 и потом обедал у нас довольно часто. (А.С. Пушкин. *Русский пелам*). И вот племянничек-драгун, благодаря дядю за заботы о нем, не находит ничего лучшего, как **вступить** в незаконную **связь** с его женой (*Работница*, №1, 1999). Но, как считает французский стилист Жан-Ноэль Лемон, **заводить романы мужчины** предпочитают **с блондинками**, а жениться – на brunettes (*АиФ*, №51, 1998).

Фразеологизмы *разорвать отношения, разорвать связь, прекратить отношения* входят в синонимический ряд с общим понятием “закончить всяческие контакты с кем-л.”:

Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, **вы сами разорвали** нашу **связь**, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне (*И.С. Тургенев. Ася*). **Разорвать все отношения с маленькой негодяйкой?** Поползут слухи, что он ее вероломно бросил, и кто-нибудь из добрых подружек обязательно проболтается другим учителям (*Московский комсомолец*, №2, 1999). Только тогда, когда у меня самой появился парень, я поняла, что жестокие споры с хлопаньем дверью и проклятиями в адрес любимого не всегда влекут за собой полное и безоговорочное **прекращение отношений** (*Субботняя газета*. №47, 1998).

Фразеологизмы *заниматься любовью и заниматься сексом* образуют синонимическую пару с общим значением “вести половую жизнь с кем-л.”: **Займитесь** с мужем (своим) **сексом** в необычное время и не на диване, а, допустим, на кухне (*АиФ*, №14, IV-2000). **Займитесь любовью** под “Иг-рай, гармонь любимая!” (*АиФ*, №29, VII-2000).

Интересно, что количество употреблений двух данных фразеологизмов, собранное за один и тот же промежуток времени из одних и тех же источников, неравномерно. Фразеологизм *заниматься сексом* употребля-

ется в современной печати в 3 раза чаще, чем фразеологизм *заниматься любовью* (18 к 6).

Для фразеологизмов, выражающих внебрачные отношения между полами, характерно разнообразие именных компонентов, несущих в себе семантику существительного *любовь* в составе фразеологизмов. В своей картотеке мы насчитали всего 4 фразеологизма с именным компонентом *любовь* (*объясняться в любви, признаваться в любви, крутить любовь и заниматься любовью*), а в 24 фразеологизмах использованы “слова-заменители”: *знаки внимания, связь, отношения, роман, шашни, шуры-муры, контакт, аллюр, интрижка, сношения, секс*. Фразеология очень четко и ярко отражает, как подменяется понятие *любовь*, как избегают его носители языка.

Он **объяснился мне в любви**, будто речь на симпозиуме произнес: странно и витиевато (*Работница, №1, 1999*).

Займитесь любовью под “Играй, гармонь любимая!” (*АиФ, №29, 2000*).

Когда-то давно Тимофей с Полей “**крутили**” преступную **любовь** (*Шукшин. Билет на второй сеанс*). Зато **знаки внимания** ей стал оказывать владелец магазина, в котором Таня работала продавцом (*АиФ, №17, 2000*).

Именно этому можно посвятить следующий год, который может отнять у нас работу, дальние поездки, машины и импортные продукты, но не властен помешать нам **заниматься сексом** (*МК, № 50, 1998*).

Внутри семантических групп фразеологизмы могут вступать в антонимические пары: *вступить в связь – разорвать связь, наладить отношения – разорвать отношения*.

И вот племянничек-драгун, благодаря дядю за заботы о нем, не находит ничего лучшего, как **вступить в незаконную связь** с его женой (*Работница, №1, 1999*).

А вскоре Семен подкараулил Сусанну на безлюдной улочке и белый, как мел, сказал как отрезал: «С женой я **налажу отношения**, это - не твоего ума дело» (*Работница, № 1, 2000*).

Вы не дали развиваться чувству, которое начинало созревать, вы сами **разорвали** нашу **связь**, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне. (*И.С. Тургенев. Ася*).

Разорвать все **отношения** с маленькой негодяйкой? Поползут слухи, что он ее вероломно бросил, и кто-нибудь из добрых подружек обязательно проболтается другим учителям (*Московский комсомолец, №2, 1999*).

Палитра семантики фразеологических единиц, выражающих отношения между полами, очень богата. Отношения между женщиной и женщиной могут быть как брачные, семейные, так и внебрачные, любовные. Языковой материал показал, что активными в создании, развитии и прекращении отношений являются оба субъекта - и мужчина, и женщина. Подавляющее большинство фразеологических единиц могут иметь и субъекта-мужчину и субъекта-женщину, причем отношения между полами складываются как равноправные (*вступить в связь, завести роман, настав-*

лгать рога, разбить сердце, заниматься любовью, крутить шуры-муры, признаваться в любви). Лишь отдельные фразеологизмы употребляются либо преимущественно с субъектом-мужчиной (*сходить с ума, осыпать комплиментами, иметь сношения*), либо преимущественно с субъектом-женщиной (*вешаться на шею, делать глазки, загонять под каблук, сводить с ума*). Исследуемые фразеологические средства языка делятся на семантические группы по половой характеристике субъекта и формируют различные типы системных связей: каузативные, синонимические и антонимические.

Н.Б. Усачева

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-СВЯЗОК

Компонентом фразеологизма мы считаем любое слово, входящее в состав фразеологической единицы. Для всех связочных фразеологизмов обязательным компонентом является глагол, который в составе фразеологизма может быть использован в любой парадигматической форме, спрягаемой или неспрягаемой, например: Не шалю, никого не трогаю, починяю примус, - недружелюбно насупившись, проговорил кот, - и еще **считаю долгом предупредить**, что кот - древнее и неприкосновенное животное (*Булгаков. Мастер и Маргарита*). Направляясь в мурьевскую глушь, я, помнится, еще в Москве **давал себе слово держать себя** солидно. Мой юный вид отравлял мне существование на первых шагах (*Булгаков Записки юного врача*). Несмотря на **данное** Азazelло **обещание** больше не лгать, администратор начал именно со лжи. Хотя, впрочем, за это очень строго его судить нельзя. Ведь Азazelло запретил ему лгать и хамить по телефону, а в данном случае администратор разговаривал без содействия этого аппарата (*Булгаков. Мастер и Маргарита*). С ним явились две неизвестных личности, шумевших на парадной лестнице и **изъявивших желание ночевать** в гостях у Шарикова. Удалились означенные личности лишь после того, как Федор, присутствовавший при этой сцене в осеннем пальто, накинутом сверх белья, позвонил по телефону в 45 отделение милиции (*Булгаков. Собачье сердце*). **Не имея возможности защищаться** от всегдашних снисходительных и ласковых улыбок при помощи очков, я старался выработать особую, внушающую уважение, повадку (*Булгаков Записки юного врача*).

Компонентами фразеологизма являются знаменательные части речи (существительные, прилагательные, местоимения, наречия, глаголы), которые используются в составе фразеологизмов, как правило, в одной, фиксированной форме. На наш взгляд, компонентами фразеологизма следует считать также незнаменательные части речи (предлоги, союзы, час-

тицы), которые составляют обязательную принадлежность внешней формы фразеологической единицы.

По количеству компонентов исследуемые фразеологизмы образуют три группы. В первую, самую многочисленную, входят единицы, состоящие из двух компонентов:

- глагола и существительного в прямом *винительном* падеже:

Семен Иванович машинально **делал усилие** *привстать и присоединиться* законным образом для составления напитка, но тут же впадал в усыпление и грезил, что уже давно сидит за чайным столом, участвует и беседует и что Зиновий Прокофьевич успел уже, пользуясь случаем, вклеить в разговор какой-то проект о золовках и о нравственном отношении к ним различных хороших людей (*Достоевский. Повести и рассказы*). Еще в прошлом году, когда собирался я вместе с ляхами на крымцев (тогда еще я держал руку этого неверного народа), мне говорил игумен Братского монастыря, - он, жена, святой человек, - что антихрист **имеет власть** *вызывать* душу каждого человека; а душа гуляет по своей воле, когда заснет он, и летает вместе с архангелами около божией светлицы (*Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки*). Чекалинский останавливался после каждой просидки, чтобы **дать** играющим **время** *распорядиться*, записывал проигрыши, учтиво вслушивался в их требования, еще учтивее отгибал мнимый угол, загибаемый рассеянно рукою (*Пушкин. Пиковая дама*). А проводить посла всем флотом до Керчи! Это уже Петр сам придумал и был очень доволен этим планом. Он **давал возможность** *использовать* воронежский флот если не для похода против Турции, то хотя бы в дипломатических целях - показать русский флаг на Черном море (*Гриневский. Тайна Велико-го Посольства Петра Великого*).

- глагола и имени существительного в *родительном* падеже:

Через день он прислал мне генерала Павла Потемкина, я поручила ему, во-первых, попросить князя Потемкина **исходатайствовать** у императрицы **разрешения** *приехать* в Царское село и представить ей своих детей, во вторых, справиться у князя, в каком чине состоит мой сын и согласилась ли военная коллегия на назначение его адъютантом к фельдмаршалу графу Румянцеву (*П.Дашкова. Литературные сочинения*). Посидев несколько времени и дотронувшись, сам не зная для чего, рукой до шероховатости блика портрета, он встал и опять позвал Боссе и дежурного. Он приказал вынести портрет перед палатку, с тем, чтобы **не лишить** старую гвардию, стоявшую около его палатки, **счастья** *видеть* римского короля, сына и наследника их обожаемого государя (*Толстой. Война и мир*).

Форма родительного падежа появляется у фразеологизмов под влиянием третьего обязательного компонента – отрицательной частицы не: Сергей Павлович! – продолжал Рудин, - я огорчил вас, я это чувствую... но поймите нас... поймите, что мы **не имели другого средства** *доказать* вам наше уважение... (*Тургенев. Рудин*). Давно уже я **не имел удоволь-**

ствия писать к Вам. Вдвойне рад исполнить теперь мою обязанность, поспешая поздравить Вас с наступающим праздником светлого воскресения. Дай бог Вам встречать его еще много раз в кругу Вашего семейства, весело и радостно. Поверьте, что это искреннейшее желание мое, а свидетельницей ставлю Машу (*Достоевский. Письма*).

- глагола и имени существительного в *творительном* падеже:

Торопецкая идеально **владела искусством писать** на машинке. Никогда я ничего подобного не видел. Ей не нужно было ни диктовать знаков препинания, ни повторять указаний, кто говорит (*Булгаков. Театральный роман*). Говорил ли мне кто-то или приснилось мне, что будто бы Юлий Кесарь **обладал способностью делать** несколько разных дел одновременно, например, читать что-либо и слушать кого-нибудь (*Булгаков. Театральный роман*). Что касается до меня, то, признаюсь, известие о прибытии молодой соседки сильно на меня подействовало; я **горел нетерпением** ее увидеть (*Пушкин. Выстрел*). Я узнала, что некоторые фавориты покойной императрицы **задавались целью вывести** меня из терпения, с тем чтобы я, поддавшись животности своего характера, сделала бы сцену, которая открыто поссорила бы меня с императрицей (*П.Дашкова. Литературные сочинения*).

В свободном синтаксисе развитие творительного падежа представляло собой не только очередной этап эволюции падежной системы, но, одновременно, и закономерный шаг в развитии категории переходности, ее качественное развитие. При глаголах *управлять, командовать, заведовать, руководить, дирижировать, владеть, обладать, править* и других, требующих после себя исключительно творительного, т. к. семантика их, так или иначе, содержит компонент “приводить в движение, побуждать действовать, заставлять или давать функционировать”. Ведь, например, действия *владеть* и *обладать*, в отличие от *иметь* предполагают, прежде всего, использование чего-либо, приведение в действие в каких-либо целях (ср. *иметь язык* и *владеть языком, иметь шпагу* и *владеть шпагой, иметь талант* и *обладать талантом, иметь фабрику* и *владеть, управлять фабрикой* и т. п.). Входя в качестве обязательного компонента во фразеологическую связку, форма творительного падежа приносила сему целевой направленности релятивного процесса.

Особый интерес представляют собой случаи, когда наблюдается корреляция моделей с винительным и творительными падежами. Существует мнение, что в современном русском языке эти единицы функционируют как варианты одного и того же фразеологизма: *иметь цель (целью), иметь задачу (задачей)* и т.п. Нам представляется более целесообразным квалифицировать эти пары фразеологизмов как синонимы, при этом мы опираемся не только на различия в структурной организации (разные синтаксические модели) и семантике, но и на специфику выражения субъекта: фразеологизмы с винительным падежом именного компонента чаще все-

го обозначают действия субъектов-лиц, а единицы с творительным падежом – субъектов-предметов. Ср.:

Я цель одну -

Пройти в родимую страну -

Имел в душе и превозмог

Страданье голода, как мог.

М.Ю. Лермонтов. Мцыри

Опыт **имел целью** *установить* человеческие (индивидуальные и расовые) реакции на питание одними бананами и финиками при постоянном пребывании на четвереньках (*В.Набоков. Лолита*).

Авторы закона **имели цель** *упорядочить* расчеты с населением, руководствовались общими соображениями, не принимая во внимание реальные условия существования отделений на местах (*Зауралье, № 79, 2001*).

Всех войн «за просвещение» было четыре. Одна из них описана выше, из остальных трех первая **имела целью** *разъяснить* глуповцам пользу от устройства под домами каменных фундаментов; вторая возникла вследствие отказа обывателей разводить персидскую ромашку, и третья, наконец, имела поводом разнесшийся слух об учреждении в Глупове академии (*М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города*).

Подавляющее большинство двухкомпонентных фразеологических связей состоит из имени существительного в винительном падеже без предлога и глагольного компонента: *взять привычку, вызвать желание, выпросил позволения, выразить желание, выразить готовность, дать время, дать право, дать команду, сделать усилие, сделать честь, заявить желание, иметь обыкновение, иметь наглость, иметь предлог, иметь талант, испытывать желание, лишать возможности, обнаруживать желание, обнаруживать намерение* и мн. др.

Структура двухкомпонентных исследуемых фразеологизмов наиболее компактна и синтетична. Глагольный компонент фразеологизмов-связок чаще всего является объектным, требует своего семантического распространения и получает его в виде второго компонента - имени существительного в винительном падеже без предлога. Простое словосочетание, послужившее источником фразеологизма, имеет сильную синтаксическую связь, которая способствовала процессу фразеологизации. Лексическое значение именного компонента, как правило, абстрактного имени существительного, также принимало участие в процессе фразеологизации словосочетания. Еще одним фактором, повлиявшим на формирование фразеологического значения, явилось преобразование значения винительного падежа.

Первым из косвенных падежей, как известно, развивается винительный падеж, до появления в языке формы винительного было невозможно описание события, в котором действие субъекта является причиной появления, бытия или определенного состояния объекта. Винительный беспред-

ложный первым стал преобразовывать автономное лексическое значение в сему целостного фразеологического значения на основе семантической недостаточности переходного глагола и комплетивного значения падежной формы.

Таким образом, лексические потенции глагольного и именного компонентов, трансформация объектного значения винительного падежа, характер синтаксической связи между глагольным и именным компонентами являются важнейшими фразообразующими факторами, создающими целостные релятивные значения фразеологизмов-связок.

Вторую группу составляют трехкомпонентные фразеологизмы. Трехкомпонентная структура исследуемых процессуальных фразеологизмов создается разными средствами.

К трехкомпонентным А.М. Чепасова, В.А. Лебединская и другие фразеологи относят единицы, состоящие из двух знаменательных и одного незнаменательного компонента /1,2/.

Мы разделяем эту точку зрения, на наш взгляд, любое слово, знаменательное или незнаменательное, ставшее компонентом фразеологизма, принимает участие в формировании фразеологического значения, влияет на семантическую структуру фразеологической единицы. Именно поэтому незнаменательные компоненты невозможно игнорировать при описании внешней формы фразеологизмов, для которой они так же важны и необходимы, как знаменательные, ибо без них нарушается целостность фразеологической единицы.

В нашем материале зафиксированы две группы трехкомпонентных фразеологизмов-связок. В первую мы включили единицы, содержащие, помимо глагольного и именного компонентов предлог, например: *взять за правило, иметь в виду, почитать за честь, почитать за счастье, избавить от неудовольствия, навести на мысль, настаивать на необходимости, прийти на ум, умирать от желания* и др. Предлоги, ставшие компонентами фразеологизмов, могли оформлять три падежа: родительный, винительный и предложный, например:

Сухость эта огорчила Кити, и она не могла **удержаться от желания** *загладить* холодность матери. Она повернула голову и с улыбкой проговорила: — До свидания (*Л. Толстой. Анна Каренина*). Как же вы думали, что я за Ганечку, да за ваши семьдесят пять тысяч **за счастье выйти** сочту? Семьдесят пять тысяч ты возьми себе, Афанасий Иванович (и до ста-то не дошел, Рогожин перещеголял!), а Ганечку я утешу сама, мне мысль пришла. А теперь я гулять хочу, я ведь уличная! (*Достоевский. Идиот*). Она не могла **собраться с духом** *ответить* что-нибудь. Начала было и вдруг расплакалась и выбежала из комнаты (*Толстой. Анна Каренина*).

Вторая группа трехкомпонентных фразеологических единиц содержит в качестве необходимого компонента частицу НЕ, и только вкупе с ней фразеологизм получает целостное значение:

Я совсем **не имею претензии** *обращать* вас в *свою веру*, — проговорил Андрей Ефимыч тихо и с сожалением, что его не хотят понять (*Чехов. Палата №6*). Пожалуйста, под предлогом того, что я очень занят, **не лишайте** меня большого **удовольствия** *получать* ваши письма; во-первых, я ничем не занят, а во-вторых, такое осторожное обращение со мной меня ужасает обязанностями которые это на меня накладывает и главное - *глазит* (*Толстой. Письма*).

Самой немногочисленной (по данным нашей картотеки, всего десять единиц) является третья группа фразеологизмов-связок, которые состоят из четырех компонентов, например:

Тем временем Настасья Филипповна объяснилась с Ганей: слов было сказано очень мало, точно ее целомудрие страдало при этом. Она допускала однако ж и позволяла ему любовь его, но настойчиво объявила, что ничем не хочет стеснять себя; что она до самой свадьбы (если свадьба состоится) **оставляет за собой право** сказать: «нет», хотя бы в самый последний час; совершенно такое же право предоставляет и Гане (*Достоевский. Идиот*).

Главный, по-видимому, **поставил себе за правило** *соглашаться* со всем и радоваться всему, что бы ни говорили ему окружающие, и выражать это словами “Славно, славно...” (*Булгаков. Мастер и Маргарита*).

Фразеологизмы-связки, как правило, двух- или трехкомпонентны. Исследуемый фразеологический материал подтверждает общую закономерность компактности внешней формы фразеологической единицы. Во фразеологическом материале действует закон компактности языковой единицы, обусловленный «принципом экономии речи»: чем короче единица, тем она жизнеспособнее, чем компактнее модель, тем большей фразеобразующей активностью она отличается.

Во все описанные выше фразеологизмы входит имя существительное в разных падежных формах, привносящее во фразеологическое значение сему модальности, трансформирующее свое лексическое значение, в котором после утраты автономности и полной редукции категориального предметного значения на первый план выходит модальная семантика, формирующая основу индивидуального значения связки. Это такие существительные, как *желание, долг, счастье, несчастье, глупость, честь, право, правило, претензия, удовольствие, привычка, позволение, готовность, наглость, обыкновение, усилие, талант, способность, дар, мысль, намерение, план, цель* и др. под.

Нередко один и тот же компонент-существительное создает с разными глагольными компонентами фразеологические связки с различающимися индивидуальными значениями. Имея общую модальную сему, такие фразеологизмы могут вступать между собой в синонимические, антонимические, каузативные и другие отношения, ср.:

Он словно сторожил ее молитву, и **в его глазах светилось** страстное,

тоскующее **желание** *быть* предметом ее молитвы. Но, к его несчастью, он знал, за кого она молилась... Не за него... (А.П. Чехов. Драма на охоте). Иван идет на станцию, а под окном ждут больные. Некогда писать. Да и зачем, если мои письма только **возбуждают** в Вас **желание** *браниться*? (А.П. Чехов. Письма). Народный учитель М. Е. Плотов, мой сосед, на святках собирается поехать в Москву и **выражает желание** *побывать* в театре (А.П. Чехов. Письма). Возвратившись из леса, Полуградов опять долго умывался и одевался, опять требовал теплой воды. Покончивши с туалетом, он **изъявил желание** *допросить* еще раз Урбенина. На этом допросе бедный Петр Егорыч не сказал ничего нового: он по-прежнему отрицал свою виновность и ни во что ставил наши улики (А.П. Чехов. Драма на охоте). От скуки ли, из желания ли завершить хлопотливый день еще какой-нибудь новой хлопотой, или просто потому, что на глаза ему попадается оконце с вывеской «Телеграф», он подходит к окну и **заявляет желание** *послать* телеграмму. Взявши перо, он думает и пишет на синем бланке: «Срочная. Начальнику движения. Восемь вагонов живым грузом. Задерживают на каждой станции. Прошу дать скорый номер. Ответ уплочен. Малахин» (А.П. Чехов. Холодная кровь).

Таким же образом глагольный компонент может корректировать значения других фразеологических связей, ср.: *иметь силы, лишить сил, найти в себе силы, получить силу; иметь счастье, не иметь счастья, лишиться счастья, приобрести счастье, досталось счастье.*

Двух- и трехкомпонентные фразеологизмы, которые имеют при себе примыкающий к ним инфинитив, могут иметь структуру простого предложения, например:

Поеду, если прикажешь, только лучше сам посуди: есть ли хоть какая-нибудь возможность мне теперь ехать? (Ф.М. Достоевский. Идиот). Достанет ли у кого или **не достанет сил** *сделать* это, это другой вопрос (Письмо Н.Л. Толстого Александру III). Что за **идея пришла** Баратынскому *писать* столь негодными стихами, каковы напечатанны в Северной Пчеле из его послания к Богдановичу (А.С. Пушкин. Переписка 1827г.). Что за **мысль пришла** Гнедичу *посылать* свои стихи в Сев.<ерную> Пчелу? - Радуюсь, что Греч отказался - как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике? И что есть общего между поэтом Дельвигом и <- - — -> чистом полицейским Фаддеем? (А.С. Пушкин Переписка 1831 г.). У меня нет предрассудков, я вас уверяю, - Маргарита невесело усмехнулась, - но я никогда не вижу никаких иностранцев, *общаться* с ними у меня **нет** никакой **охоты**... И кроме того, мой муж... Моя драма в том, что я живу с тем, кого я не люблю, но портить ему жизнь считаю делом недостойным (М.Булгаков. Мастер и Маргарита). Однако ему **пришло время** *возвращаться* в заоблачный дворец, и прилететь в любимый магазин он смог только через много лет (Л.Петрушевская. Маленькая волшебница). Никакой растраты ротной суммы и никаких обид подчиненным не было — в

этом я положительно убежден, и как у вас **рука поднялась** такую клевету написать? (Ф.М. Достоевский. *Идиот*). Если вы не устроите к завтраму, то я сама к ней пойду, одна, потому что Маврикий Николаевич отказался. Я надеюсь только на вас, и больше у меня нет никого; я глупо говорила с Шатовым... Я уверена, что вы совершенно честный и, может быть, преданный мне человек, только устройте. У меня **явилось страстное желание помочь** ей во всем (Ф.М. Достоевский. *Бесы*).

Таким образом, анализ компонентного состава фразеологизмов-связок подтверждает основные закономерности формирования индивидуальных значений фразеологических единиц. Такие же структурные особенности, такой же компонентный состав используются при построении номинативных фразеологизмов, но семы, которые они вносят во фразеологизм-связку, направлены на формирование другого типа категориального значения – служебного, связочного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. - Челябинск, 1974. – 100 с.
2. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. - Челябинск: ЧГПИ, 1987. - 80 с.

А.Т. Фомотова, С.П. Иванова

ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Во всем мире признание определяющей роли творческого и образованного человека сопровождается неудовлетворенностью его положения в современной системе образования. Здесь процесс обучения жестко регламентирован, и по настоящему нет возможности для развития творческой индивидуальности обучаемого, для удовлетворения целей, интересов и потребностей личности.

Необходима такая система высшего образования, которая бы раскрепостила творческую природу человека. Нам видится организация процесса обучения иностранному языку в вузе в соответствии с потребностями и интересами студента-личности, с учетом его способностей и возможностей. Данная система должна полностью удовлетворять потребности студента в языковом образовании, создать благоприятные условия для развития интеллектуального, творческого потенциала, т.е. должна быть личностно-ориентированной. Так как система обучения иностранному языку – один из элементов общей системы образования, то все вышесказанное имеет отношение и к ней. Следовательно, основным принципом обучения

иностранным языком является его личностно-ориентированная направленность на языковую личность обучающегося.

Мы определяем *личностно ориентированную систему обучения иностранному языку как систему, которая способна создать условия, необходимые для реализации обучающимися своих личностных целей, потребностей, способностей и возможностей через изучение иностранного языка*. В личностно ориентированном обучении само обучение рассматривается не как передача знаний, выработка умений и организация усвоения, а, прежде всего, как создание условий для реализации личностных потребностей студента в области языкового образования.

Учебный процесс есть процесс взаимодействия, т.е. процесс совместной согласованной деятельности его субъектов. Результатом такого взаимодействия является освоение обучающимися речевого опыта в новом для них языке и приобщение с его помощью к новой культуре и национальным традициям в их сопоставлении со своим национальным и речевым опытом в родном языке.

Анализ теоретических работ, обобщающих личностно ориентированное обучение (Н.А. Алексеев, В.А. Беликов, Е.В. Бондаревская, Э.Ф. Зеер, В.В. Сериков, И.С. Якиманская) позволил нам выделить главные условия реализации личностно развивающих функций учебного процесса, при которых развитие личности студента проходит более эффективно. Это: 1) создание и поддержание на высоком уровне чувства уверенности студента в достижении им целей обучения; 2) создание эмоционально положительного климата, который должен способствовать проявлению потенциальных возможностей студента, когда:

- студент чувствует, что уважаются его права на получение такого языкового образования, которое обеспечит ему личностный и профессиональный комфорт по окончании вуза;

- студент чувствует, что к нему относятся с симпатией и вниманием, независимо от результатов обучения.

Обучение иностранному языку представляет собой систему, состоящую из таких подсистем, как: 1) цели; 2) содержание; 3) методы, приемы, средства, формы обучения; 4) субъект учения; 5) субъект научения, и которые характеризуются сложными внутрисистемными связями и внесистемными отношениями.

Концепция личностно ориентированного обучения выявляет обновление содержания данных компонентов и видится нами в определении иных целевых, содержательных и процессуальных характеристик системы обучения. Это удалось обнаружить, опираясь на фундаментальные исследования, раскрывающие: 1) целостность образовательного процесса (И.Я. Лернер, М.И. Махмутов, М.Н. Скаткин); 2) природу педагогического знания (Ю.К. Бабанский, В.В. Краевский); 3) личностно - развивающие функции обучения (Е.В. Бондаревская, Л.Г. Вяткин, В.В. Сериков).

Личность обучающегося может участвовать в определении целей и содержания своего образования по иностранному языку в той степени, в какой это образование необходимо самой личности, а не только задается социумом извне в виде определенных стандартов. Личностно то, что изначально определяется самим человеком, выстраивается как его собственный мир. Оптимальным будет такое обучение иностранному языку, когда образовательные стандарты будут сочетаться с личностным саморазвивающимся началом.

В качестве *первого компонента* педагогической системы мы выдвигаем главную и конечную *цель обучения иностранному языку* в высшей школе: обеспечение активного владения выпускниками неязыкового вуза иностранным языком как средством формирования и формулирования мыслей в области повседневного общения и в области соответствующей специальности. Указанной цели нельзя достичь за короткий промежуток времени, о чем свидетельствуют как теоретические исследования процесса овладения, так и наш практический опыт работы в высшей школе. Весь путь к конечной цели отмечен промежуточными целями, среди которых мы выделяем:

- психологически и практически переориентировать студентов с понимания иностранного языка как внешнего источника информации и иноязычного средства коммуникации на усвоение и использование его в личных целях для выражения своего собственного мыслительного содержания и понимания такового у других людей;
- научить студентов видеть в иностранном языке средство получения, расширения и углубления систематизированных знаний по специальности, т.е. средство самостоятельного повышения своей квалификации;
- разбудить в студентах желание и показать выполнимость желания альтернативно-профессионального использования иностранного языка в области своей специальности;
- показать студентам ценность иностранного языка в становлении человека как личности и как специалиста.

Вторым компонентом педагогической системы является *содержание обучения*. Оно максимально согласуется с потребностями студентов, т.е. с профилем вуза и соответствующей специальности. Обязательным является соотнесение содержания обучения с тремя сферами общения: повседневной, специальной и общеобразовательной.

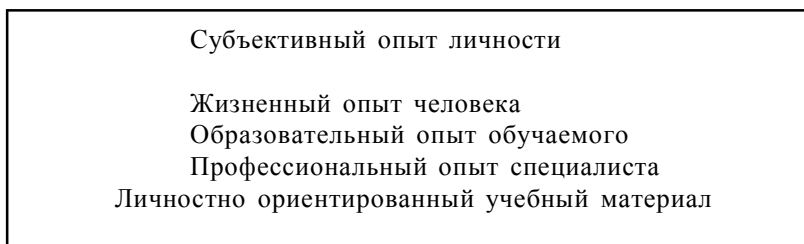
Из сущности личностно ориентированного обучения следует необходимость обеспечения саморазвития, самообучения студента в ходе овладения знаниями и умениями, т.е. содержание учебного материала должно быть определенным образом сконструировано. В учебный материал необходимо включать предшествующий опыт обучаемого. Речь идет об органичной взаимосвязи предшествующего субъективного профессионально-образовательного опыта обучаемых и содержания учебного материала

(необходимо изменение практики проектирования содержания обучения).

Включение в содержание обучения ведущих компонентов субъективного опыта: знаний, умений и навыков – приводит к образованию лично-стно ориентированного учебного материала. Включение в учебный материал субъективного опыта порождает новую психодидактическую реальность, усвоение которой, с одной стороны, обогащает опыт личности, придает знаниям и умениям личностный смысл, с другой – обогащает жизненный опыт.

Конфигурация и характер связей внутри субъективного опыта как системы представлены на рисунке.

Современные отечественные и зарубежные дидакты и методисты рассматривают содержание обучения не как статичную, а как постоянно изменяющуюся и развивающуюся категорию, которая связана с процессом обучения. Содержание обучения составляет все то, что вовлекается в деятельность преподавателя, учебную деятельность обучающихся, учебный материал, а также процесс его усвоения.



Конфигурация и характер связей субъективного опыта

Третьим компонентом педагогической системы являются **средства коммуникации** (формы, методы, приемы, средства). Они реализуются с использованием традиционных и новых форм, методов, приемов и средств обучения и контроля в соответствии с конкретными целями и содержанием каждого практического занятия. Личностно ориентированное обучение означает, что все методологические решения (организация учебного материала, методы, приемы, средства) преломляются через призму личности обучающегося. Такое обучение учитывает индивидуальные особенности студента как личности через содержание и форму самих учебных заданий, через характер общения с ним. Задания формулируются так, что они стимулируют его познавательную активность, поддерживают и направляют учебную деятельность, не акцентируя внимания на ошибках. Этот компонент системы реализуется на всех уровнях системы образования с использованием активных коммуникативных методов, приемов и средств обучения и контроля. Средствами обучения являются учебные аутентичные материалы, которые подлинно отражают особенности языка, быта, жизни,

истории, культуры стран изучаемого языка, а также профессиональные аутентичные материалы, которые отражают уровень развития науки и техники по специальности.

В основу обучения заложен индивидуально-творческий и профессионально-деятельностный подходы, которые реализуются *в четвертом и пятом компонентах* педагогической системы. Личностно-деятельностный подход предполагает, что в центре обучения находится сам студент. Поэтому весь учебный процесс и каждое занятие следует организовывать, исходя из его интересов, уровня знаний, сформированности умений.

Личностно ориентированный характер обучения иностранному языку в высшей школе диктует необходимость переосмысливать как обучающую деятельность преподавателя, так и деятельность и позицию студента по усвоению языка. Вместо широко распространенной схемы взаимодействия: преподаватель – субъект педагогического воздействия и управления, студент – объект этого воздействия, мы имеем схему субъект-субъектного, равнопартнерского учебного сотрудничества преподавателя и студентов в совместно организованном преподавателем решении познавательных учебных и коммуникативных задач. Обучаемый становится главным субъектом учебного процесса.

Преподаватель рассматривается нами как субъект равнопартнерского сотрудничества и организатор педагогического общения. Именно преподаватель осуществляет планирование, направляет, организует и корректирует учебную деятельность студента, представляя ему в то же самое время максимум самостоятельности. Он совместно со студентами определяет цели и содержание обучения, выбирает наиболее эффективные и пригодные для данных целей и содержания методы, приемы и средства обучения, тем самым с самого начала обучения вызывает интерес к предмету, к себе как к партнеру. Он является для студента квалифицированным, знающим профессионалом и интересным собеседником. Студент – это личность, общение с которой рассматривается преподавателем как сотрудничество в решении познавательных учебных и коммуникативных задач.

Современный процесс обучения иностранному языку предполагает взаимодействие преподавателя со студентами и студентов друг с другом. Способность преподавателя организовать педагогическое общение со студентами определяет во многом эффективность современного учебного процесса по иностранному языку, направленного на раскрытие личностных особенностей обучаемых и на овладение ими иностранным языком как средством межкультурного общения.

Мы считаем, что в личностно ориентированной системе обучения иностранному языку в высшей школе не только обучение, но и контроль уровня обученности студентов необходимо организовывать методом, способным оценить качество сформированности иноязычных речевых умений и коммуникативно-интеллектуальных компетенций в результате обучения ино-

странному языку, а следовательно, качество мышления, речевой и языковой подготовки.

В качестве такого инструмента нами используется лингводидактическое тестирование, т.е. система языковых и речевых тестов, которые отличаются экономичностью, надежностью, вербальным характером и широкой направленностью на объективное тестирование, относительной объективностью подсчетов результатов, возможностью стандартизации процедур проведения тестирования, удобством пользования.

Разработку и конструирование языковых и речевых тестов мы проводили с учетом следующих критериев: надежность и валидность тестов с точки зрения целей и задач тестирования; практичность, т.е. возможность проведения в реальных для вуза условиях; сравнительная простота проверки и подсчета результатов и подведения итогов; репрезентативность теста; систематичность; сознательность; активность. Одним из основных достоинств метода тестов является то, что тест, измеряя и выявляя степень обученности студентов, сам как метод обладает критериями качества, которые достоверно определяются методами математической статистики. Тесты содержат разнообразные по форме и содержанию задания, которые позволяют оценить и измерить качество речевых умений и коммуникативно-интеллектуальной компетенции.

К составлению тестовых заданий мы подходили с учетом комплексного контроля уровня обученности по иностранному языку, полученного в результате обучения языковым и речевым умениям и навыкам в следующих видах речевой деятельности: 1) чтение в трех видах (с пониманием основного текста, с извлечением определенной информации из текста, с полным пониманием текста); 2) аудирование; 3) говорение (монологическая и диалогическая речь); 4) письмо.

Таким образом, при лично-ориентированной системе процесс обучения организуется как равнопартнерское сотрудничество преподавателя и студента, требующее от преподавателя создания комфортной учебной среды, психологической атмосферы, в которой получают возможности для удовлетворения важные социально-психологические потребности студента: потребность в признании, уважении, внимании со стороны преподавателя и других студентов группы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Алексеев Н.А. Личностно ориентированное обучение: вопросы теории и практики. - Тюмень: Изд-во ТЮМГУ, 1996. - 47с.*
- 2. Зеер Э.Ф. Личностно ориентированное профессиональное образование. - Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1998. - 126с.*
- 3. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технология. - Волгоград: Перемена, 1994. - 164с.*
- 4. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. - М.: Сентябрь, 1996. - 96с.*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ “БОГ”

В русском языке весьма многочисленны фразеологизмы с компонентом “бог”. Разнообразные в структурном отношении – исходные синтаксические образования от предложения до сочетания незначительного и значительного слов – они имеют такую же разнообразную семантику: номинативную, служебную, модальную и междометную. Они не были еще подвергнуты многоаспектному структурному анализу, который может пролить свет на специфику формы исследуемых фразеологизмов. Наша картотека насчитывает 355 фразеологических единиц с этим компонентом: *без бога, благодарить бога, бог бережет, бог благословит, бог ведает; бог Вам судья, бог весть когда, бог знает каких, бог веру послал, бог знает кто, бог с ним; бог дал, бог взял, бог знает что такое, бог наук и искусств, бог смерти не даст; Бог ветров и бурных гроз, бог есть выражение высшей нравственности, бог и природа есть всё одно.*

Фразеологизмы с компонентом “бог” включают в свой состав от 2 до 7 компонентов. Наиболее представленной оказалась группа двухкомпонентных фразеологизмов (177 единиц): *бог знает, бог велел, бог ведает, бог видит, дай бог, бог бережет, бог взял, слава богу, бог воздаст, бог даст, бог накажет, бог помиует, бог попутал, бога молить, боже сохрани, бог осудит, бог покарает, бог мой, бог отвел* и др. под.

Они употребляются в разных стилях речи, в поэзии и прозе, функционируя в русском языке в течение многих тысячелетий, например:

Я и отцу-то твоему правду одну говорила, когда он в случае был, а тебе-то и **Бог велит** (*Л.Н. Толстой. Война и мир*). **Бог видит**, Аглая, чтобы возратить, ей спокойствие, он сделает ее счастливою (*Ф.М. Достоевский. Идиот*). Три бога есть: Гаома, Вететрагна, И Тистрия. Гаома-**бог Бессмертья**, Могучий Вететрагна - **бог Победы** (*К.Бальмонт. Из Зенд-Авесты*). Не хочу ни ломать, ни творить. И к чему оно все – **Бог весть** (*З.Гиппиус. Как все*). Если ты нарочно дразнишь этим сном, по навету других, то **бог воздаст** и тебе, и другим (*Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели*).

Группа трехкомпонентных фразеологизмов состоит из 113 единиц: *благослови тебя (вас, его, ее, их) бог, бог тебе(вам, ему, ей, им) судья, бог веру послал, бог знает что, бог знает кто, бог знает когда, бог знает почему, Бог и Создатель, бог один видит, бог случай послал* и др. под. Трехкомпонентность внешней формы фразеологических единиц создается либо третьим значительным, либо третьим незначительным компонентом:

То, о чем он только что молился, с уверенностью, что **бог исполнит** его **молитву**, было исполнено (*Л.Н. Толстой. Война и мир*). **Бог Голубого Покрова**, С опушкой из белых снегов, Океан, поведает мне слово, Таящее

сказку веков (*К.Бальмонт. Воззвание к богам*). Никто-то нас не видел-с, **бог один видел**, авось мне в формуляр занесет-с (*Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы*). “Вот где **Бог привел свидеться**”, - сказал маленький человек (*Л.Н. Толстой. Война и мир*).

Четырехкомпонентных фразеологизмов в нашей картотеке 43 единицы: *бог вдунул дыхание жизни, бог две души вдунул, бог лучезарный двойного начала, бог наук и искусств, бог смерти не дает, бог с земли изгоняет, во имя всевышнего бога, воспевать и славить бога, дьявол с богом борется, бог знает что такое, бог дал, бог взял*. Четырехкомпонентность этой фразеологической формы создается либо тремя знаменательными и одним незначительным словом, либо двумя знаменательными и двумя незначительными словами:

И предал **бог** своего праведника, столь им любимого, диаволу, и поразили диавол детей его, и скот его, и разметал богатство его, всё вдруг, как божием громом, и разодрал Иов одежды свои и бросился на землю, и возопил: «наг вышел из чрева матери, наг и возвращусь в землю, **бог дал, бог и взял**. Буди имя (*Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы*). Все, что ему ни попадалось, потом опять бросал, беспрестанно улыбался и кланялся, садился, вставал, опять садился, говорил **бог знает что такое** — говорит: «Честь моя, честь, доброе имя, дети мои», - и как говорил-то! даже заплакал. Мы тоже большею (*Ф.М. Достоевский. Бедные люди*). Что здоровье? На болезнь плакаться - **бог смерти не даст**, - сказал Каратаев и тотчас же возвратился к начатому рассказу (*Л.Н. Толстой. Война и мир*). Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им (*А.П. Чехов. Письма*). О Гермес Трисмегист, троекратно великий учитель, **Бог наук и искусств** и души роковой искуситель! (*К.Бальмонт. Бог наук и искусств*).

К пятикомпонентным исследуемым фразеологизмам относится 17 единиц: *бог есть выражение высшей нравственности, бог создал мир из ничего, звать к богам и богиням, где любовь, там и бог*.

Пятикомпонентность этой фразеологической формы создают четыре знаменательных и одно незначительное слова, три знаменательных и два незначительных слова: **Бог создал мир из ничего**. Учись, художник, у него. К. Бальмонт. Бог создал мир из ничего. Так с болью от века до века, Я к **Богам и Богиням зывал** (*К.Бальмонт. Воззвание к богам*). И вот опять, опять ты - Иегова, **Кровавый Бог отмщения и гнева!** (*З. Гиппиус. Адонаи*). Наг вышел из чрева матери, наг и возвращусь в землю, **бог дал, бог и взял** (*Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы*).

Из 6 компонентов состоит фразеологизм “*бог и природа есть все одно*”: Не понравилось мне это; сама я хотела тогда затвориться: “А по-моему, говорю, **бог и природа есть все едино**” (*Ф.М. Достоевский. Бесы*).

Одной фразеологической единицей представлен фразеологизм да хранит Вас бог на многие лета: **Да хранит Вас бог на многие лета!** Желаю Вам

еще 87 и еще 87 раз наблюдать прилет скворцов и жаворонков, в которых Вы теперь влюблены (А.П. Чехов. Письма).

По структурной организации фразеологические единицы с компонентом “бог” весьма разнообразны, в предложении они могут выполнять функции разных членов предложения: подлежащего, сказуемого, обстоятельства образа действия.

Как бывшее сочетание слов построено 8 фразеологизмов: *без бога, от бога, перед богом, лишь бог, не бог.*

А ты, говорю, **без бога-то** сам еще на говядину цену набьешь, коль под руку попадет, и наколотишь рубль на копейку (Ф.М. Достоевский. *Братья Карамазовы*). Я не мог представить себе временами, как будет **жить человек без бога** и возможно ли это когда-нибудь (Ф.М. Достоевский. *Подросток*). Ведь вы для меня теперь **как** будто какой-то **бог** (Ф.М. Достоевский. *Униженные и оскорбленные*). **Лишь Бог** - творец, **лишь Бог** - всезрящий, **Лишь БОГ** - над вихрями планет. (К.Бальмонт. *Лишь Бог*). Деньги хоть не бог, а все же полбога - великое искушение (Ф.М. Достоевский. *Подросток*).

Фразеологизмы, восходящие к модели словосочетания, представлены 169 единицами. Модели, участвующие во фразеобразовании, могут быть с предлогом и без него. Большую группу фразеологических единиц представляют беспредложные словосочетания с главным компонентом, именем существительным и зависимым именем в косвенном падеже: С. + С. (Р.п.): *бог бессмертья, бог ветров, Бог Духа, бог любви, бог огня, бог живых, бог победы, бог счастья, бог цветов, бог жизни, богиня моря, бытие бога, законы бога, искания бога, предопределение бога; С. + С. (Д.п.): слава богу, ответ богу.*

К беспредложным конструкциям относятся фразеологизмы, восходящие к модели словосочетания с грамматически стержневым компонентом именем существительным: *живой бог, лесные боги, великий бог, добрый бог, Милосская богиня, Олимпийские боги, предвечный бог, светлый бог, русский бог.*

В беспредложные конструкции с грамматически стержневым компонентом, именем существительным входят и сложные словосочетания, восходящие к моделям Пр. + С. (Им.п.) + Пр. + С. (Р.п.) (*лучезарный бог двойного начала*); Пр. + С. (Им.п.) + С. (Р.п.) (*светлый бог миров, пресветлый бог порядка*); С. (Им.п.) + С. (Р.п.) + Пр. (*Бог Одежд Златоцветных, бог стад пышных, богиня волос лучистых, копия великого бога, Богиня Одежд Изумрудных*).

Среди фразеологических единиц с компонентом “бог”, восходящих к беспредложной модели словосочетания с грамматически стержневым компонентом - глаголом, выделяются: 1) простые словосочетания (Г. + С. (Р.п.): *бояться бога, жаждать бога, не иметь бога*; Г. + С. (Д.п.): *отдаваться богу, помолиться богу*; Г. + С. (В.п.): *благодарить бога, молить бога, при-*

знать бога, принимать бога, проклинать бога, воспевать бога; Г. + С. (Т.п.): *стать богом*); 2) сложные словосочетания (Г. + С. (В.п.) + С. (Д.п.): *ставить богу свечку, петь богу славу, отдавать душу богу*).

Выделяются фразеологизмы с компонентом “бог” с грамматически стержневым компонентом - причастием (*благословляющий бога, забытый богом, поставленный богом, награжденный богом*) и словом категории состояния (*богу грешны, виноват богу, не нужны богу, богу угодно*), являющиеся аналогом беспредложной модели словосочетания.

Восходящие к простым словосочетаниям фразеологические единицы с компонентом “бог” с предлогом более разнообразны и многочисленны. Они делятся на 4 группы в зависимости от того, какой частью речи представлен грамматически стержневой компонент. Первую группу образуют фразеологизмы с грамматически стержневым словом - глаголом: *верить в бога, уверовать в бога, взбунтоваться перед богом, обращаться к богу, призываться к богу, отречься от бога, молить у бога, делать для бога, думать о боге, возропать на бога, отказаться от бога, вымаливать у бога*.

К сложным словосочетаниям с предлогом с грамматически стержневым компонентом - глаголом относятся фразеологизмы: *обратиться за помощью к богу, впасть в руки бога, воссылать молитву к богу*.

Во вторую группу входят фразеологизмы с грамматически стержневым компонентом - именем существительным. Здесь выделяются подгруппы:

1) С. + М. (Т.п.): *бог с вами* (с тобой, с ним, с ней, с ними);

2) С. + С. в косвенном падеже: *бессмертие в боге, мир в боге, вера в бога, воззвание к богам, молитва за богом*.

Третью группу представляет фразеологизм “*все от бога*” по модели С. + от + С. (Р.п.)

Четвертую группу составляет фразеологизм с главным компонентом - словом категории состояния: *ближе к богу*.

В нашей картотеке представлены фразеологизмы - восходящие к модели простого и сложного предложений. Группу фразеологических единиц, являющихся аналогом простого предложения, составляют: *бог знает, дай бог, благослови бог, бог бережет, бог вдунул дыхание жизни, бог ведает, бог ведет, бог велит, бог видит, бог воздаст, бог воскреснет, бог накажет, бог даст, бог простит, бог надоумит, бог не оставит, бог ниспошлет, бог положит, бог помиловал, бог попутал, бог создал мир из ничего, бог милостив, бог избавит*.

Во вторую группу фразеологизмов, восходящую к модели сложного предложения, входят:

1) бессоюзная конструкция (*бог дал, бог и взял*): И предал бог своего праведника, столь им любимого, диаволу, и поразил диавол детей его, и скот его, и разметал богатство его, всё вдруг, как Божиим громом, и раздрал Иов одежды свои и бросился на землю, и возопил: «наг вышел из

чрева матери, наг и возвращусь в землю, **бог** дал, **бог** и взял. Буди имя... (Ф.М. Достоевский. *Братья Карамазовы*).

2) сложноподчиненная конструкция (*где бог, там и любовь*): Его же. **Где любовь, там и бог** (А.П. Чехов. *Письма*).

И.М. Яковлева

ПРИМЕНЕНИЕ УЧЕБНЫХ ИГР НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Для студентов вузов неязыковых специальностей предмет “иностран- ный язык” является непрофилирующим, а потому, чтобы сделать процесс обучения наиболее эффективным и целенаправленным, преподаватель должен четко представлять себе роль и место иностранного языка в жизни и деятельности будущего профессионала. Кроме того, необходимо выявить возможные сферы применения иностранного языка в реальной жизни сегодняшнего студента, что также обусловлено потребностями его учебной, общественно-политической и повседневной деятельности и, следовательно, может быть рассмотрено как своего рода социальный заказ вуза и самого студента.

Для студентов, например, гуманитарного, как, впрочем, и любого другого вуза, в качестве сферы применения иностранного языка выступают: чтение (литература по специальности, периодическая печать, иногда художественная литература и литература по страноведению), учебная и научно-исследовательская работа (помимо иностранного языка).

Содержание предмета “иностран- ный язык” включает учебную информацию об аспектах языка (фонетика, лексика, грамматика и стилистика), которая составляет основу формирования и развития навыков и умений, связанных с овладением четырьмя видами речевой деятельности – чтением, аудированием, говорением и письмом, - обусловленными конкретной ситуацией общения. В качестве первоочередной выступает задача обучения иностранному языку как средству общения, решение которой предполагает наличие у студентов комплекса лингвистических знаний, речевых и коммуникативных навыков и умений. В связи с этим особую актуальность приобретает принцип коммуникативности и принцип комплексности в обучении иностранному языку.

Содержание учебных игр должно соответствовать содержанию предмета “Иностран- ный язык”, отвечать требованию подготовки специалиста, а также учитывать потребности и интересы самого студента.

Превосходство игры над другими средствами обучения обнаруживается в том, что она способна обеспечить не только индивидуальную, но и парную, групповую и коллективную формы работы на занятии, что по-

звояет каждому обучаемому максимально эффективно использовать учебное время. Главным же при этом является то, что игра позволяет создать ситуацию общения на иностранном языке.

Главной чертой процесса обучения является деятельностный характер. Студенты несут или воспринимают определенную информацию, излагают ее в процессе общения друг с другом и с преподавателем, обмениваются мнениями, реагируют на услышанное, соглашаясь или не соглашаясь с собеседником, и т.д. Кроме того, в процессе обучения студенты занимаются поиском определенной информации по теме, необходимой для ее изложения, работают над совершенствованием знаний, навыков и умений по предмету, постигая приемы и методы овладения им.

Успех учебной деятельности предполагает творческое применение приобретенных знаний в новой ситуации. Интеллектуальная деятельность в этом случае заключается в актуализации полученных знаний и навыков, в использовании приемов, методов и средств овладения предметом “Иностранный язык”.

Научные исследования показывают, что в процессе совершенствования каждого вида речевой деятельности требуется один и тот же набор операций, позволяющих двигаться от замысла автора к тексту (говорение и письмо) или от текста к замыслу автора (чтение и аудирование). Следовательно, в процессе обучения иностранному языку необходимо формировать и развивать навыки и умения работы с текстом в условиях общения с книгой, документом или собеседником. Особенности каждого вида речевой деятельности, а также цели и задачи обучения и трудности в их овладении позволяют выделить и конкретизировать наиболее важные интеллектуальные умения, необходимые учащимся для овладения каждым из видов речевой деятельности.

Выявление структуры интеллектуальных умений, определяющих готовность обучаемых к самостоятельному решению учебных и практических задач, связанных с владением иностранным языком, становится основой для конструирования системы учебных игр, способной обеспечивать эффективное и качественное формирование и развитие данных умений на занятиях по иностранному языку.

Традиционная система обучения иностранному языку хоть и позволяет организовать учебный процесс последовательно и создать достаточно прочную базу, но в ней не хватает должной мотивации обучения. Причем, если в самом начале мотивация и присутствует, то в силу монотонности и однообразия занятий она постепенно исчезает. И, как следствие, студент теряет интерес, а вместе с ним и внимание не только к рассматриваемому материалу, но и ко всему процессу обучения в целом.

Будучи введенной в систему традиционного обучения, учебная игра осуществляет несколько функций: обучающую, воспитывающую, мотивационно-побудительную, релаксационную. Особенность учебной игры

в том, что она вводится в учебный процесс в качестве творческого учебного задания и представляет для обучаемых задачу, подлежащую немедленному решению. Следовательно, она обеспечивает реальные условия для активной мыслительной деятельности, способствуя формированию и развитию интеллектуальных умений, связанных с иностранным языком.

Учебные игры могут характеризоваться учебными целями и задачами, формой проведения, способом организации, степенью сложности, количественным составом участников.

По целям и задачам обучения учебные игры подразделяются на языковые, речевые и для обучения общению. Языковые игры делятся на фонетические, лексические, грамматические и стилистические. Главная цель фонетических игр – постановка (коррекция) произношения, тренировка в произнесении английских звуков в словах, фразах, предложениях. Они используются в основном на начальном этапе обучения иностранному языку. Лексические игры сосредоточивают внимание учащихся на лексическом материале и имеют целью помочь им в приобретении и расширении словарного запаса. Грамматические игры призваны обеспечить умение учащихся практически применять знания по грамматике иностранного языка. Стилистические игры преследуют цель научить студентов различать официальный и неофициальный стили общения, а также правильно применять каждый из них в различных ситуациях. Эти игры немногочисленны. Наиболее типичными для этого круга являются ролевые игры.

Речевые игры учат умению пользоваться языковыми средствами и отталкиваются от конкретной ситуации, в которой осуществляется речевое действие. Сюда следует отнести игры для обучения чтению, аудированию, говорению, письму, а также смешанные. Исследователь выделяет несколько видов имитационно-моделирующих игр: театрализация (драматизация, инсценирование), ролевая игра, деловая игра и комплексная. Театрализация предполагает обыгрывание диалога, монолога, сценки по уже готовому образцу, сценарию. При этом текст читается студентами по ролям или заучивается наизусть. Деловая игра подразумевает наличие профессионально-направленной проблемы, решение которой связано с владением иностранным языком. Деловая игра на занятиях по иностранному языку чаще всего полиситуационна и используется как заключительный этап работы над одной или несколькими темами.

На каждом этапе изучения темы используются определенные виды игр. Языковые – на этапе введения и первичного закрепления материала, речевые – на этапе активизации и закрепления, а имитационно-моделирующие – на этапе контроля знаний, умений и навыков, приобретенных в ходе изучения темы (одной или нескольких).

Наиболее интенсивное применение учебной игры оправдано на начальном этапе обучения. По мере продвижения вперед, к достижению целей обучения иностранному языку в рамках одного курса, а также от курса к

курсу будет наблюдаться тенденция к уменьшению и постепенному исчезновению языковых и речевых игр, поскольку должно произойти достаточно полное овладение программными языковыми и речевыми знаниями, навыками и умениями. Имитационно-моделирующие игры сохраняются на всех ступенях обучения.

СОДЕРЖАНИЕ

Баженова Е.В. Герменевтическая интерпретация аутентичного текста	3
Белова С.Ф. Экспрессивная функция парантетических внесений в текстах научного регистра	5
Белозерова Ф.М., Ягнятинская Ю.А. Гендерные стереотипы в английском сленге	11
Гайшина О.В. Преподавание иностранных языков в Баварии	13
Гайшина Т.Е. Выражение благодарности в письменной коммуникации	17
Гончарова Н.В. Система процессуальных фразеологизмов в поэзии О.Мандельштама	19
Жакина Ю.С. Семантическая структура процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности	21
Ильина Л.Н. Сопоставительное изучение русских фразеологизмов в русском и английском варианте романа В. Набокова “Дар”	29
Кабыш В.И. Структурные типы процессуальных фразеологизмов с компонентами брать\взять	32
Кожокина Е.А. Основные характеристики юридических терминов в английском языке	37
Комарова Н.И. Профессионально-педагогическая адаптация выпускников университетов: трудности и противоречия	40
Коршкова Е. А. Система предметных фразеологизмов в поэзии Вл. Ходасевича	42
Кудрина Н.В. Соединилась связь времен: Достоевский и Ахматова	49
Лазарева Т.Г. Средневековая Шотландия в балладе “Гленфинлас”	53
Лебединская В.А., Калиева Т. Фразообразовательная активность прилагательных	57
Лебединская В.А. Сила русского слова	61
Лебединская М.И. Фразеология К. Бальмонта	67

Медведева Н.А.	
Семантика фразеологизмов с компонентами “душа”, “дух” в произведениях А.С. Пушкина.	74
Морозова Н.И., Усачева Н.Б.	
Переходные явления в области служебных частей речи	81
Пазгалова В.Е., Сапожникова Г.И.	
Лексико-грамматические способы выражения безличности в немецком научном тексте	85
Полынская В.И., Терещенко Т.С.	
Французские лексические единицы в современном английском языке	89
Прохорова Г.А.	
Изучение истории Великой Отечественной войны в школе: размышления о диалоге поколений.	94
Ратушная Е.Р.	
Формирование семантической структуры фразеологизмов с компонентом г о л о в а, обозначающих человека, в современном русском языке	102
Саливон А.Н.	
История фразеологизма “идти в Каноссу”	107
Саливон А.Н.	
Человек возрождения: образованность как ценность	112
Смакотина Т.М.	
Эллипсис как средство связи в английской диалогической речи	117
Соколова А.А.	
Процессуальные фразеологизмы, выражающие отношения между полами	123
Усачева Н.Б.	
Компонентный состав фразеологизмов-связок	131
Фонотова А.Т., Иванова С.П.	
Личностно ориентированная система обучения иностранному языку в высшей школе	138
Шведова Н.В.	
Фразеологизмы с компонентом “бог”	144
Яковлева И.М.	
Применение учебных игр на занятиях по иностранному языку	148

Научное издание

СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник материалов научно-практической
внутривузовской конференции*

Выпуск 5

Редактор Л.Е. Глазкова

Подписано в печать
Формат 60*84 1/16
Заказ

Усл.-печ. л. 9,75
Тираж 150

Бумага тип № 1
Уч.-изд. л. 9,75

Издательство Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет, ризограф